

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

**ТРЕХМѢСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ**

КНИГА ВТОРАЯ

АВГУСТЪ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТА“. Route de Lancy, 505

1890

Содержаніе.

	Стр.
Отрывокъ изъ романа Степняка АНДРЕЙ КОЖУХОВЪ ,(переведе- но съ англійскаго).	4
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА (Объясча- ніе) Фридриха Энгельса.	42
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. (Статья вторая). Г Плеханова.. . . .	62

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И и послѣдніе выборы въ германскій рейхстагъ. П. Аксельрода.	1
1 МАЯ 1890 года. Г. Плеханова.	43
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.	61
ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВОСУДИЕ И РУССКОЕ ШПИОНСТВО	82

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Соціальной-Демократіи

И ПОСЛѢДНИЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ РЕЙХСТАГѢ

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

Тѣ изъ нашихъ читателей, которые слѣдили за европейской прессой въ теченіе первой четверти текущаго года, припомнятъ, конечно, съ какимъ напряженнымъ интересомъ она относилась къ послѣдней избирательной борьбѣ, происходившей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Германіи. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что ни одно изъ явленій политической жизни Европы и Америки — исключая развѣ самооборону французской республики противъ буланжизма — за послѣдніе годы не приковывало къ себѣ общественнаго мнѣнія цивилизованнаго міра въ такой сильной степени, какъ эта избирательная борьба въ германской имперіи. Въ особенности огромно было впечатлѣніе ея результата. Всѣ политически сознательные слои передовыхъ странъ увидѣли въ немъ фактъ, знаменующій, если не начало „новой эры“ въ Германіи, то начало конца старой и *приближеніе* новой. Февральскіе выборы въ германскій рейхстагъ получили повсюду въ сознаніи образованныхъ людей значеніе событія, имѣющаго составить эпоху въ новѣйшей исторіи Германіи, а косвенно и всей Европы.

Нечемъ же основано было, чѣмъ вызвалось это представленіе о послѣднихъ нѣмецкихъ выборахъ? Современная выборамъ пресса очень ясно отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ.

Какъ въ періодъ избирательной борьбы, такъ и по обнародованіи ея результатовъ, главное вниманіе общества, внутри и внѣ Гер-

маніи, обращено было на социаль-демократическую партию. Сам фактъ поражения, понесеннаго правительственными парціями, ступивался и отодвигался на второй планъ передъ другимъ фактомъ, казавшимся несравненно болѣе знаменательнымъ — передъ чрезвычайнымъ ростомъ социальной демократіи. Она вышла изъ избирательной борьбы самой сильной по числу голосовъ, т. е. самой вліятельной *въ народъ* партией. И это-то обстоятельство придадо исходу послѣднихъ нѣмецкихъ выборовъ значеніе важнаго историческаго событія.

Въ общихъ чертахъ ходъ и результаты этихъ выборовъ извѣстны, конечно, большинству нашихъ читателей, — а потому простой описательный разсказъ или отчетъ о нихъ почти три мѣсяца послѣ того, какъ они произошли, едва-ли былъ бы умѣстенъ на страницахъ нашего журнала. Но въ предлагаемомъ очеркѣ я намѣренъ воспользоваться ими, какъ матеріаломъ для оцѣнки общей роли социальной демократіи и политической жизни Германіи. Разумѣется, въ виду этой цѣли намъ придется припомнить нѣкоторыя изъ характерныхъ явленій общественной жизни этой страны за послѣдніе годы и бросить бѣглый взглядъ на развитіе социальной демократіи подъ дѣйствіемъ исключительнаго закона. Впрочемъ, въ нѣкоторой степени это нужно было бы сдѣлать и въ интересахъ лучшаго пониманія самой избирательной борьбы.

Общимъ пунктомъ нападенія всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, какъ во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ, такъ и въ предшествовавшіе имъ годы, служилъ такъ называемый картель или союзъ партій, поддерживавшихъ политику имперскаго правительства. Картель господствовалъ въ прежнемъ рейхстагѣ и вслѣдъ за паденіемъ картеля палъ и самъ Бисмаркъ, виновникъ его существованія. Припомнимъ, поэтому, въ бѣглыхъ чертахъ исторію образованія картеля и главные его подвиги.

I

При прежнемъ составѣ рейхстага правительственное большинство представляло собою коалицію, образовавшуюся наканунѣ выборовъ 1878 г. изъ національ-либераловъ, съ одной стороны, и всѣхъ фракцій консервативной партіи, съ другой. Националь-либералы являются политическими вождями промышленной и финансовой аристократіи; консерваторы представляютъ главнымъ образомъ интересы поземельной аристократіи и юнкерства. На какой почвѣ, въ силу какихъ обстоятельствъ и стремленій состоялся союзъ между этими общественными элементами?

Извѣстно, что интересы ихъ, особенно въ сильнейшемъ государствѣ Германіи, въ Пруссіи, очень трудно согласимы между собою. Крупное и мелкое дворянство еще сохраняетъ тамъ характеръ самостоятельнаго, отчасти привилегированнаго сословія, не отказав-

шагося при томъ отъ мечтаній о полномъ возстановленіи своихъ прежнихъ правъ и преимуществъ надъ всѣми другими классами населенія. А ргіогі, слѣдовало, стало быть, ожидать ожесточенной борьбы нѣмецкой буржуазіи противъ консервативныхъ или точнѣе реакціонныхъ элементовъ, а ужь никакъ не союза ея съ ними для совмѣстной поддержки правительства и противъ всѣхъ другихъ нѣмецкихъ партій.

Полнаго объясненія этого, на первый взглядъ, страннаго явленія слѣдуетъ искать въ новѣйшей исторіи классовой борьбы въ Германіи. Здѣсь же мы можемъ только отмѣтить тотъ фактъ, что въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій политическое поведеніе нѣмецкой буржуазіи опредѣлялось, главнымъ образомъ, успѣхами соціальной демократіи. Извѣстно, какъ, испугавшись „революціонной бури“ 48 года, торгово-промышленный классъ Германіи поспѣшилъ заключить мировую съ реакціей. Но лишь только онъ оправился отъ тревогъ, причиненныхъ ему этой „бурей“, въ немъ подъ конецъ 50-хъ годовъ вновь пробудилось желаніе добиваться политической власти. Въ особенности въ Пруссіи буржуазія начала, по язвительному замѣчанію одного католическаго писателя, оказывать большее стремленіе къ „полному устраненію политической конкуренціи историческихъ сословій, чтобы посредствомъ конституціонныхъ формъ самодержавно управлять либеральнымъ государствомъ.“ *) Оппозиціонное настроеніе прусской буржуазіи дошло въ началѣ 60-хъ годовъ до такой интенсивности, что вожди ея, какъ напр. теперешніе главы національ-либераловъ, Микель, профессоръ Маркардсенъ и другіе не прочь были двинуть рабочія массы на баррикады противъ „историческихъ сословій“, а также и противъ монархіи. Это стремленіе нѣмецкой буржуазіи къ политической власти скоро, однако, ослабѣло, а потомъ и совсѣмъ почти замерло.

Военныя побѣды Пруссіи надъ Австріей и Франціей завершились осуществленіемъ одной половины программы нѣмецкаго либерализма, именно — политическимъ объединеніемъ Германіи, отсутствіе котораго являлось однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій для ея промышленнаго развитія. вмѣстѣ съ тѣмъ и въ экономическомъ законодательствѣ сдѣланы были многія, необходимыя для процвѣтанія буржуазіи, реформы. Все это, въ связи съ миллиардами, полившимися изъ Франціи въ новообразованную имперію, и съ сильнымъ подъемомъ промышленности и торговли въ началѣ 70-хъ годовъ, умиротворило на время буржуазные слои Германіи и почти подавило въ нихъ всякіе помыслы о завоеваніи политическаго господства. Либеральные вожди буржуазіи разсчитывали, вѣроятно, что экономическое могущество приведетъ ее къ этой цѣли само собою, помаленьку да потихоньку, безъ помощи такихъ рискованныхъ средствъ, какъ „революціонныя бури“. Около половины 70-хъ годовъ положеніе дѣлъ приняло, однако, такой оборотъ, который долженъ былъ, повидимому, вновь пробудить въ буржуазныхъ слояхъ Германіи

*) Geschichte der socialpolitischen Parteien in Deutschland; I. E. Ioerg. 1867 стр. 9.

политическія страсти и толкнуть ихъ на путь оппозиціи. Такъ какъ мы теперь занимаемся исторіей картеля, то можемъ ограничиться указаніемъ только на положеніе и стремленія представителей крупнаго капитала въ то время.

Подъемъ промышленности въ предшествовавшій періодъ уступилъ мѣсто экономическому кризису и страшному застою въ промышленно-торговой дѣятельности. Единственный исходъ изъ этого невыносимаго положенія нѣмецкая крупная буржуазія видѣла въ установленіи высокихъ пошлинъ на продукты иностранной промышленности. Онѣ обезпечили бы ей монополію на внутреннемъ рынкѣ, а черезъ то поставили бы ее въ выгодное положеніе относительно ея конкурентовъ на иностранныхъ рынкахъ. Стремленіе это должно было, конечно, встрѣтить и вначалѣ, дѣйствительно, встрѣтило противодѣйствіе со стороны крупнаго и мелкаго дворянства. Правда, согласіе этого почтеннаго „историческаго сословія“ можно бы купить — какъ и случилось потомъ — цѣною установленія покровительственныхъ пошлинъ и на сельско-хозяйственные товары, ввозимые изъ другихъ странъ. Но, во-первыхъ, въ то время дворянство еще не чувствовало въ этомъ надобности, такъ какъ иностранная конкуренція не была тогда такъ велика, чтобы сильно вредить имъ на внутреннемъ рынкѣ. Во-вторыхъ, пошлины на сельско-хозяйственные продукты поднимаютъ цѣны на сырье и на предметы существованія рабочихъ, т. е. увеличиваютъ издержки производства въ обрабатывающей промышленности и, стало быть, идутъ въ разрѣзъ съ интересами промышленной буржуазіи. Поэтому, ей гораздо лучше было бы добиваться своей цѣли, не входя въ невыгодныя для нея сдѣлки съ феодално-юнкерскими элементами, если бы они даже и проявили склонность къ соглашенію. Мы видимъ, однако, что политическіе вожди буржуазіи поступили какъ разъ наоборотъ.

Чтобы преодолѣть сопротивленіе „историческихъ сословія“, — германской буржуазіи пришлось бы повести агитацію противъ нихъ въ народной массѣ, и главнымъ образомъ среди промышленныхъ рабочихъ. Либеральная интеллигенція не преминула бы тогда пустить въ ходъ множество патетическихъ фразъ и воззваній о „защитѣ національнаго труда“, объ интересахъ „національнаго могущества“, о „священной обязанности общества и государства“ противодѣйствовать „гибельному вліянію кризиса на судьбу милліоновъ бѣднѣйшихъ согражданъ“ и т. п. А дальше пошли бы грозныя филиппики противъ „грубаго эгоизма юнкеровъ и феодаловъ“, пренебрегающихъ „священными интересами націи“, противъ „возмутительной несправедливости“ сохраненія за ними сословныхъ привилегій, дающихъ имъ такую силу и такой вѣсъ въ общественно-политической жизни страны. Отсюда уже оставался бы одинъ шагъ до рѣшительныхъ требованій окончательнаго устраненія „политической конкуренціи историческихъ сословія“ и установленія строго конституціоннаго режима.

Но все это возможно было бы продѣлать, лишь имѣя за спиной политически незрѣлыя рабочія массы, способныя служить слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ либераловъ. Между тѣмъ агитація, начатая ли-

беральной интеллигенціей 30 лѣтъ тому назадъ „въ народѣ“, послужила толчкомъ къ самостоятельному движенію въ нѣмецкомъ пролетаріатѣ, движенію, воплотившемуся около середины 70-хъ годовъ въ сильную и вліятельную партію соціаль-демократовъ. Эта партія всегда, самымъ энергическимъ образомъ, поддерживала бы либеральную буржуазію въ борьбѣ противъ сохранившихся въ политическомъ механизмѣ современной Германіи историческихъ остатковъ феодально-монархической эпохи. Но она сдѣлала бы это отнюдь не въ интересахъ капитала и не въ качествѣ стада, слѣпо слѣдующаго за политическими вожаками, а наоборотъ, какъ самостоятельная представительница трудящихся классовъ и во имя интересовъ этихъ классовъ. И ужъ ни въ какомъ случаѣ не пошла бы она на сдѣлку съ либералами по вопросу о покровительственныхъ пошлинахъ. Общегерманскій социалистическій конгрессъ, состоявшійся въ Августѣ 76 года, съ достаточной ясностью высказался по этому вопросу въ специальной резолюціи. Ею возлагалась на социалистическую прессу обязанность „предупреждать рабочихъ противъ требуемыхъ буржуазіей покровительственныхъ пошлинъ“. Эти послѣднія охарактеризованы были, какъ замаскированный видъ „государственной помощи въ пользу буржуазіи“, и конгрессъ нашелъ нужнымъ своевременно принять мѣры противъ попытокъ буржуазіи заставить рабочихъ „вытаскивать для нея каштаны изъ огня“.

Выборы 1877 г. въ рейхстагъ показали нѣмецкой буржуазіи, съ какой быстротой растетъ вліяніе соціальной демократіи на массы пролетаріата. Кандидаты ея получили около полумилліона голосовъ, между тѣмъ какъ еще на выборахъ 74 г. число подавшихъ за нее свой голосъ, избирателей равнялось только 351,000 ; стало быть, въ трехлѣтній промежутокъ приростъ социалистическихъ голосовъ равнялся 40 00. Съ такой силой нельзя было не считаться. Правда, число приверженцевъ этой партіи, если судить по выборамъ, не составляло тогда еще и десятой доли избирателей. Но за то они сконцентрированы были въ главныхъ городахъ и представляли собою наиболѣе интеллигентный и энергическій слой низшихъ классовъ. А буржуазія по своему собственному опыту знала, какую силу придаетъ политическимъ партіямъ поддержка со стороны городскихъ рабочихъ массъ. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ большіе города находились уже подъ вліяніемъ соціаль-демократовъ, поэтому „политическая конкуренція“ рабочаго класса показала либераламъ гораздо страшнѣе конкуренція дворянства и монархіи. О поднятій движенія въ народной массѣ подъ исключительнымъ или даже только главнымъ руководствомъ и знаменемъ либеральной интеллигенціи нельзя было и думать. Соціально-демократическая партія не преминула бы дать этому движенію возможно болѣе демократическое и революціонное направленіе, опасное не только для дворянства, но и для самой буржуазіи. Не лучше ли въ такомъ случаѣ было вступить въ любовную сдѣлку съ консерваторами и сообща съ ними бороться противъ общаго врага, правда далеко еще не всесильнаго, но тѣмъ не менѣе уже очень опаснаго? Такъ именно и поступили національ-либералы.

Нерешительность в этом деле взяла на себя, в лице Бисмарка, само имперское правительство. Дело в том, что последнее с своей стороны нуждалось в помощи либералов. Золотой источник, открытый для имперской казны после франко-прусской войны в виде 5 миллиардов франков контрибуции, изсяк очень скоро. Необходимо было подумать о новых финансовых источниках для покрытия все больше и больше возрастающих военных расходов. А между тем либеральное большинство рейхстага не проявляло склонности к обременению нации новыми налогами. И вот Бисмарк решил воспользоваться экономическими затруднениями крупной буржуазии, для того чтобы заручиться поддержкой правого крыла либералов. Согласить на парламентскую сделку консерваторов было не трудно. В конце семидесятых годов дворянство — в виду все больше и больше увеличивавшегося наводнения Западной Европы сельско-хозяйственными продуктами Америки — также стало стремиться к „государственной защите национального труда“, или, проще говоря, своего собственного кармана. Итак, покровительственные пошлины в пользу крупных капиталистов и землевладельцев и дальнейшее развитие системы косвенных налогов для покрытия возросших государственных потребностей — вот почва, на которой возникла и существовала больше десяти лет либерально-реакционная коалиция.

В странах с общим избирательным правом и при той, хотя и очень ограниченной свободе печати и сходов, которою пользовалась Германия в семидесятых годах, не легко было провести на практике такой план. Условия предполагавшейся сделки слишком противоречили насущным интересам не только рабочих, но и мелкой, а отчасти и средней буржуазии, чтобы не вызвать против себя оппозиции в огромном большинстве населения. Нечего и говорить, что со стороны социальной демократии следовало ожидать наиболее решительного и упорного противодействия экономическим и финансовым проектам Бисмарка. Поэтому осуществление их требовало прежде всего принятия таких мер, которые не дали бы возможности возникнуть и развиться интенсивному оппозиционному движению в странах, и которые, в особенности, помешали бы социалистической партии стать во главе его или хотя бы только принять в нем заметное участие. Таким образом, стремление высших классов к реакции экономической вызывало, как свое необходимое дополнение, реакцию *политическую*.

Но для политической реакции нужен был хоть какойнибудь приличный предлог. На счастье Бисмарка такой предлог дали ему известные покушения Геделя и Нобилинга летом 78 г. на жизнь Вильгельма. Благодаря этим покушениям Бисмарку удалось обойти часть немецкого народа и всех без исключения немецких филистеров. Единственной виновницей покушений Нобилинга и Геделя объявлена была социальная демократия. Распространением такого взгляда усердно занималась вся буржуазная пресса. Органы прогрессистской партии дружно вторили хору реакционных газет в их ежедневных призывах ко всем классам на единодушную борьбу против

соціалъ-демократовъ во имя „семьи, собственности, религіи“ и всѣхъ прочихъ „завоеваній цивилизаціи“. Когда же паника передъ краснымъ призракомъ достигла должной интенсивности и охватила обширныя массы населенія, Бисмаркъ нашель, что настала пора распустить рейхстагъ и назначить новые выборы. Правда, національ-либералы весьма недвусмысленно заявляли готовность оказать ему должную поддержку и въ его политическихъ планахъ. Но и въ ихъ средѣ находились еще элементы, не безусловно покорные; „железному“ канцлеру же хотѣлось, какъ онъ выразился, „такъ прижать либераловъ къ стѣнѣ, чтобы они запищали“, проще говоря, чтобы ужь ровно никакой оппозиціи съ ихъ стороны не встрѣчать. Состояніе же всеобщаго оупьяненія страхомъ и ненавистью къ соціальной демократіи, созданное дружными усиліями либераловъ и реакціонеровъ, представляло, разумѣется, идеально благопріятный моментъ для достиженія этой цѣли. И онъ, дѣйствительно, достигъ ея — при *со-дѣйствіи самихъ же либеральныхъ противниковъ своихъ*.

Наиболѣе оппозиціонная часть ихъ — прогрессистская партія — провозгласила своимъ избирательнымъ лозунгомъ: „вонъ соціальную демократію изъ рейхстага!“ Нечего и говорить, что національ-либералы и консерваторы съ восторгомъ присоединились къ этому лозунгу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ либеральные агитаторы доходили до того, что подстрекали толпу — и не безуспѣшно — на избіеніе социалистическихъ пропагандистовъ. Изгнать, однако, соціальную демократію изъ рейхстага не удалось; но стремленіе Бисмарка доставить консерваторамъ въ рейхстагѣ такой перевѣсъ надъ либералами, чтобы послѣдніе „запищали“, вполне было достигнуто. Фрондирующий либерализмъ былъ на время обезсиленъ, и въ парламентѣ, и въ обществѣ. Большинство его представителей въ новомъ рейхстагѣ оказалось вполне свободнымъ отъ оппозиціонныхъ поползновеній и первымъ его дѣломъ было сообще съ реакціонерами, *sans phrases*, поставить наиболѣе интеллигентную и политически развитую часть рабочаго класса подъ власть полиціи и исключительныхъ законовъ. А затѣмъ уже началось проведеніе на практикѣ новой „соціальной политики“ — къ общей выгодѣ крупной буржуазіи, дворянства и фиска.

Какъ видите, либерально-консервативный картель, господствовавший въ прошломъ рейхстагѣ, возникъ, если не формально, то фактически, уже 12 лѣтъ тому назадъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣ сплетались интересы этихъ партій и тѣмъ больше дальнѣйшихъ уступокъ должны были дѣлать либералы реакціонерамъ. Бисмаркъ предъявлялъ все новыя и новыя требованія, аппетитъ феодаловъ и юнкеровъ возросталъ чуть не съ каждымъ днемъ, а его удовлетвореніе сопровождалось вздорожаніемъ предметовъ первой необходимости, которое, въ связи съ увеличеніемъ налоговъ и усиленіемъ полицейскаго произвола, распространяло оппозиціонное настроеніе въ народныхъ массахъ. И лишь только нація освободилась отъ кошмара, лишившаго ее въ періодѣ аттентатовъ воли и сознанія, она выразила на выборахъ 84 г. свой протестъ противъ „соціальной политики“ картельныхъ партій избраніемъ оппозиціоннаго большинства въ рейхстагъ. Но если интересы крупной буржуазіи толкали правое крыло либераловъ въ 70-ыхъ го-

дахъ къ сближенію съ реакціонными элементами, то въ 80-ыхъ годахъ, именно въ *виду возростающей оппозиціи*, обезпеченіе тѣхъ же интересовъ не только не допускало разрыва политическихъ представителей капитала съ этими элементами, но наоборотъ, требовало отъ нихъ еще болѣе, если возможно, тѣснаго союза съ ними. Такой, уже вполне формальный, союзъ или договоръ и заключенъ былъ между національ-либералами и консерваторами въ 1887 г.

Въ началѣ 87 г. рейхстагъ былъ распущенъ Бисмаркомъ за 10 мѣсяцевъ до истеченія его срока. Поводомъ къ этому послужилъ отказъ оппозиціоннаго большинства утвердить военный бюджетъ впередъ на цѣлое семилѣтіе. И вотъ это требованіе, направленное на еще большее ослабленіе и безъ того слабой зависимости исполнительной власти отъ законодательной палаты, и послужило спеціальной цѣлью для формальнаго соединенія умѣренныхъ либераловъ съ консерваторами и принято было ими, какъ общій лозунгъ на выборахъ 87 г. Такимъ образомъ, на этотъ разъ, какъ въ 78 г. исходнымъ пунктомъ и первымъ плодомъ союза представителей либерализма съ представителями реакціи явился актъ измѣны элементарнымъ политическимъ принципамъ и правиламъ либерализма — *со стороны либераловъ*.

Но за этотъ промежутокъ времени они сдѣлали большой шагъ впередъ по наклонной плоскости къ политической реакціи. Въ первый разъ измѣна явилась какъ бы невольнымъ грѣхонаденіемъ, случившимся, не то подъ вліяніемъ насилія, не то подъ давленіемъ неожиданныхъ обстоятельствъ. Въ періодъ же борьбы изъ за септенната либерализмъ вступилъ съ самаго начала въ формальную сдѣлку съ реакціей, именно въ интересахъ усиленія реакціи на счетъ либерализма. Далѣе: въ первый разъ господа либералы поступились однимъ изъ своихъ основныхъ политич. скихъ принциповъ — равенствомъ гражданъ передъ закономъ — въ ущербъ только рабочему классу. Въ 87 же году они соединились съ представителями „историческихъ сословій“ для борьбы противъ парламентаризма, составляющаго основу и сущность конституціоннаго правленія и для завоеванія котораго либеральная интеллигенція когда то увлекала народъ на баррикады, да и своей собственной жизни для его достиженія не щадила.

Здѣсь не мѣсто разсказывать, какими средствами либерально-реакціонная коалиція одержала на выборахъ 87 г. побѣду надъ оппозиціонными партіями. Замѣчу только, что на этотъ разъ распространеніе слуховъ о предстоящемъ нападѣніи французовъ сыграло по отношенія къ націи ту же одуряющую и отуманивающую роль, какую девять лѣтъ тому назадъ сыгралъ „красный призракъ“. Достигнувъ такимъ путемъ господствующаго положенія въ рейхстагѣ, картель поспѣшилъ прежде всего утвердить септеннатъ, а затѣмъ пошелъ цѣлымъ рядомъ новыхъ займовъ и добавочныхъ суммъ опять таки для военныхъ надобностей. Въ трехлѣтній промежутокъ своего господства, картель увеличилъ имперскій долгъ приблизительно на одинъ миллиардъ (съ 480 милл. до 1 1/2 миллиарда) марокъ. Разумѣется, при этомъ не были забыты и матеріальныя выгоды самихъ союзниковъ, которымъ обезпечены были миллионныя доходы — подъ видомъ высокихъ пошлинъ

на хлѣбъ, скотъ, мясо и даже прямого запрещенія ввоза такого предмета общаго потребленія, какъ свиньи, въ формѣ премій и разныхъ льготъ крупнымъ владѣльцамъ сахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ. Въ то же время, система косвенныхъ налоговъ переносила почти все бремя постоянно возрастающихъ государственныхъ расходовъ на плечи бѣдныхъ классовъ населенія. Наконецъ, для обезпеченія всего этого зданія „реформъ“ отъ возможныхъ случайностей и нападеній, связанныхъ особенно съ избирательной агитаціей, картель вотировалъ за удлиненіе законодательныхъ періодовъ съ 3 на 5 лѣтъ, т. е. за мѣру, направленную противъ контроля и вліянія націи на управление государствомъ. Но въ концѣ дѣятельности отошедшаго въ вѣчность рейхстага должно было быть установленіе безсрочнаго антисоціалистическаго закона. Проектъ увѣковѣченія этого закона внесенъ былъ уже не задолго до распушенія парламента и имѣлъ цѣлю обезпечить картелю господство и въ будущемъ парламентѣ — уже *на цѣлое пятилѣтіе*. *) Поговоримъ, поэтому, прежде объ оппозиціонныхъ партіяхъ и общественныхъ элементахъ, интересамъ которыхъ противорѣчила „соціальная политика“ предыдущаго рейхстага. Намъ тогда станетъ понятно, почему наибольшая опасность грозила картелю именно со стороны соціальной демократіи и почему противъ нея должны были быть направлены главныя средства ея самообороны, изъ которыхъ послѣднимъ и самымъ рѣшительнымъ явилась попытка увѣковѣчить „соціалистическій“ законъ.

II

Радикальный либерализмъ опирается въ Германіи главнымъ образомъ на среднюю и мелкую буржуазію, и, въ лицѣ партій „свободомыслящихъ“, отстаиваетъ въ частности интересы торговыхъ слоевъ населенія. Политическая шаткость и неустойчивость этихъ общественныхъ элементовъ не разъ уже проявились въ теченіе историческаго періода, открывшагося революціей 48 г. Чтобы не ходить далеко, припомнимъ ихъ поведеніе во время покушеній Геделя и Нобилинга, когда они отъ страха передъ краснымъ призракомъ готовы были поголовно броситься въ объятія юнкерской реакціи. Политическая фізіономія мелкой и средней буржуазіи обусловливается ея промежуточнымъ положеніемъ между капиталистическою аристократіей и пролетаріатомъ и антагонизмомъ ея интересовъ съ интересами и того и другой. Крупные предприниматели и фінансовыя тузы тѣснятъ и раззоряютъ мелкіе и средніе слои буржуазіи въ качествѣ всесильныхъ конкурентовъ, въ качествѣ кредиторовъ, или другими путями. Съ пролетаріатомъ эти слои находятся въ антагонизмѣ, какъ съ объектомъ своей эксплуатаціи, при чемъ этотъ антагонизмъ тѣмъ болѣе обост-

*) Дебаты объ этомъ проектѣ являются однимъ изъ фазисовъ — пожалуй, самымъ важнымъ — избирательной борьбы и не мало повліяли на ходъ и исходъ ея.

ряется, чѣмъ сильнѣе они, въ борьбѣ за свое существованіе съ крупнымъ капиталомъ, вынуждены эксплуатировать „свои рабочія руки“. Вслѣдствіе этого своего экономического положенія степенный бургеръ непрочъ пофрондировать и проявить нѣкоторую оппозицію господствующему режиму. Но лишь только онъ почувствуетъ за своей спиной шествіе самостоятельнаго пролетаріата противъ того же режима, имъ тотчасъ овладѣваетъ страхъ за свою собственность и за свое спокойствіе, онъ бросаетъ знамя оппозиціи и перебѣгаетъ въ непріятельскій лагерь монархическо-дворянской и плутократической реакціи. И такое же бѣгство учиняетъ онъ при всякомъ слухѣ или тревогѣ, поднимаемой реакціонерами по поводу внѣшнихъ опасностей, угрожающихъ будто бы его благополучію, которое на дѣлѣ сводится часто къ вовсе неблагополучному, хотя и спокойному, прозябанію.

Этому характеру и положенію среднихъ и низшихъ слоевъ буржуазіи вполне соответствуетъ и политическая непослѣдовательность и половинчатость лѣваго крыла нѣмецкаго либерализма, отстаивающаго ихъ интересы въ представительныхъ учрежденіяхъ, въ прессѣ и наукѣ. Мы уже видѣли, какъ господа прогресисты, изъ ненависти къ социальной демократіи, сами помогли въ 78 г. реакціи ослабить либерализмъ, и въ народѣ, и въ парламентѣ. Около того времени, а въ особенности послѣ изданія социалистическаго закона, придворный попъ Штэккеръ и профессоръ А. Вагнеръ подняли агитацію въ народѣ подъ знаменемъ государственнаго социализма, какъ противовѣсъ социализму демократическому, революціонному. Наконецъ и самъ Бисмаркъ объявилъ себя послѣдователемъ этого „христіанско-монархическаго социализма“ и вскорѣ, дѣйствительно, возвѣстилъ рядъ „соціальныхъ реформъ“, въ расчетѣ, такимъ путемъ вознаградить рабочія массы за установленіе исключительнаго закона противъ социальной демократіи и завоевать ихъ расположеніе въ пользу своей реакціонной политики. Либерально-оппозиціонные элементы съ негодованіемъ и ужасомъ отнеслись къ этой демагогической тактикѣ, и устами одного изъ своихъ вождей, Бамбергера, объявили государственно-соціалистическіе проекты и тенденціи Бисмарка и К. гораздо болѣе опасными, чѣмъ пропаганда и планы настоящаго, неподдѣльнаго социализма социальной демократіи. Читатель подумаетъ: въ виду такого отношенія со стороны крайнихъ либераловъ къ социаль-демагогическимъ приемамъ и стремленіямъ реакціи, особенно послѣ того, какъ она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ господства достаточно показала свои когти, эти элементы ужь никоимъ образомъ — ни прямо, ни косвенно — не станутъ поддерживать ее въ ея мѣропріятіяхъ противъ социалистической партіи. Мы сейчасъ увидимъ, что жестоко ошибся бы тотъ, кто сдѣлалъ бы такое предположеніе.

Весною 84 г. правительство внесло въ рейхстагъ предложеніе о вторичномъ возобновленіи исключительнаго закона противъ социалистовъ. Отъ *единодушнаго* вота прогрессистскихъ депутатовъ зависѣла судьба этого предложенія. *) Вотируй они всѣ противъ, него за-

*) Еслибы центръ не измѣнилъ вдругъ своей тактики въ этомъ случаѣ; но онъ послѣ.

конъ провалился бы тогда же. Но этого то они и опасались. Нельзя же было, однако, и компрометировать свой политическій радикализмъ, вотирую за этотъ законъ. Чтобы выйти изъ этого щекотливаго положенія, они придумали такой маневръ: часть изъ нихъ должна была не явиться въ засѣданіе рейхстага и тогда остальные „прогрессисты“ могли уже спокойно сыграть до конца роль стойкихъ охранителей „великихъ принциповъ либерализма“ и подать свои голоса противъ правительственнаго предложенія, *ничуть не рискуя* провалить его. Такимъ именно способомъ эти господа радикальные либералы выручили изъ затруднительнаго положенія, и себя, и правительство.

Столь же яркимъ примѣромъ половинчатости нѣмецкаго либерализма можетъ служить поведеніе сецессионистовъ другой лѣвой фракціи либераловъ въ 80-ыхъ годахъ — въ томъ же вопросѣ. Они поставили условіемъ своей поддержки правительству принятіе предложенныхъ ими поправокъ въ социалистическомъ законѣ. Правительство, однако, не соглашалось на эти поправки. И что же? Правительственное предложеніе все таки было принято, причемъ одинъ изъ ихъ членовъ, знаменитый историкъ Момзенъ, мотивировалъ отступленіе своей партіи тѣмъ, что отвѣтственность за несообразное возобновленіе закона въ неизмѣненномъ видѣ падаетъ *не на рейхстагъ(?)!*, а на имперское правительство *). Что сказать о такомъ своеобразномъ пониманіи патентованными представителями нѣмецкаго либерализма функций законодательнаго собранія и своей собственной роли въ немъ?

Еще одинъ примѣръ для иллюстраціи политической стойкости буржуазно-оппозиціонныхъ элементовъ Германіи. Въ началѣ 87 г. рейхстагъ былъ распущенъ изъ за разногласія между нимъ (т. е. большинствомъ его, состоявшимъ тогда изъ оппозиціонныхъ партій) и Бисмаркомъ по вопросу о военномъ септен атѣ. Оппозиція, однако, ничуть не удержалась на высотѣ парламентскихъ правилъ, требующихъ ежегоднаго контроля и утвержденія бюджета законодательнымъ собраніемъ. „Желѣзный“ канцлеръ забилъ тревогу, увѣряя, что французы неминуемо нападутъ на Германію, если рейхстагъ не обезпечитъ правительство необходимыми суммами въ редъ на продолжительное время — и буржуазныя оппозиціонныя партіи поспѣшили вотировать потребованныя суммы на три года. т. е. на *весь предстоящій* законодательный періодъ. Уступка эта, очевидно, сдѣлана была ими изъ опасенія, что масса филистеровъ, подъ вліяніемъ слуховъ о нашествіи французовъ, выскажется на выборахъ въ пользу требованія Бисмарка. Какъ бы то ни было, изъявивъ согласіе на утвержденіе тріенната, представители буржуазной оппозиціи устранили, казалось бы, всякій поводъ къ обвиненію ихъ въ недостаткѣ у нихъ „патріотическаго чувства“ и къ іереміадамъ на счетъ „опаснаго положенія отечества“. Слѣдовало, поэтому, ожидать, наоборотъ, рѣшительнаго протеста со стороны огромнаго большинства „на-

*) Nach Zehn Jahren, I 89

ція“ противъ ничѣмъ неоправдымаемаго требованія правительства, требованія, направленаго на то, чтобы еще больше ослабить вліяніе парламента на дѣятельность исполнительной власти. На дѣлѣ вышло, однако, совсѣмъ не такъ.

Какъ въ 78 г. красный призракъ, такъ на этотъ разъ изображеніе въ оффиціозной прессѣ ужасовъ предполагавшагося французскаго нашествія оказалось вполне достаточнымъ для того, чтобы городскіе и сельскіе буржуа всѣхъ степеней и отгѣнковъ цѣлыми массами перебѣжали въ лагерь р акціонныхъ партій, заключившихъ тогда формальный договоръ съ національ-либералами. Партія „свободомыслящихъ“, образовавшаяся изъ соединенія прогрессистовъ и сецессионистовъ, потеряла на выборахъ 87 г. большую половину своихъ парламентскихъ мѣстъ, *) между тѣмъ какъ число депутатовъ правительственныхъ партій возрасло съ 157 до 220, а цифра ихъ избирателей поднялась (въ круглыхъ числахъ) съ 2 14 (въ 84 г.) до 3 1/2 милліоновъ. Мало того, еслибы социаль-демократическіе избиратели не вотировали на п ребаллотировкахъ за „свободомыслящихъ“ кандидатовъ, то эта партія не имѣла бы, можетъ быть, и десятка представителей въ рейстагѣ 87 - 90 гг. Замѣчу кстати, что „свободомыслящіе“, съ своей стороны, подавали свои голоса на ребаллотировкахъ между социаль-демократами и правительственными кандидатами — въ пользу послѣднихъ *противъ* первыхъ. Еслибы они поступали также какъ социаль-демократы, то картель можетъ и не вышелъ бы такимъ побѣдителемъ. Но въ то время, какъ парламентскіе вожди либеральной буржуазіи краснорѣчиво осуждали милитаризмъ, реакціонную политику правительства и т. д., она сама съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, спѣшила на помощь тому же правительству повсюду, гдѣ кандидаты его союзниковъ могли попатіи къ Пруссіи, именно центръ могъ бы, нисколько не рискуя своимъ положеніемъ въ народѣ, твердо и энергически настаивать на правѣ парламента ежегодно утверждать бюджетъ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ 80-хъ годахъ политическая оппозиція ультрамонтановъ принимаетъ специфическій характеръ средства торга съ Бисмаркомъ для выжиманія у него то одной, то другой уступки въ пользу католической церкви.

Мы уже знаемъ, что главнымъ или однимъ изъ главныхъ источниковъ народнаго недовольства парламентской дѣятельностью картеля служила его „соціальная политика“. Но именно въ этой области руководящіе элементы католической партіи Германіи прямо тяготѣли къ картелю, или точнѣе, къ его правой сторонѣ. Покровительственныя и запретительныя пошлины на иностранные продукты сельскаго хозяйства, высокія премія на сахаръ, податныя льготы для водочныхъ заводчиковъ и тому подобное обезпеченіе „національныхъ интересовъ“ одинаково прибыльно какъ для протестантскихъ юнверовъ, такъ и для католическихъ. Точно также, и тѣ, и другіе заинтересованы въ воз-

*) Въ рейхстагѣ, распушенномъ въ Январѣ 87 г. у нея было 67 представителей, а въ новомъ — всего 82.

становленіи, подъ тѣми или другими формами, цеховъ и т. п. сословно-корпоративныхъ привилегій и учрежденій добраго стараго времени, какъ оплота противъ напора капитализма и его спутниковъ — либерализма и социализма, — изъ которыхъ первый уже подкопалъ социальное-политическое господство „историческихъ сословій“, а второй собирается смести послѣдніе остатки ихъ господства. Наконецъ, попы и дворяне католической церкви безусловно сходятся со своими социальными братьями-протестантами въ антипатіи къ промышленному пролетариату, — поскольку онъ политически самостоятеленъ или только проявляетъ склонность къ такой самостоятельности, — и вполне солидарны въ стремленіи, путемъ репрессивныхъ мѣропріятій и представленія ему время отъ времени чечевичной похлебки подъ громкимъ названіемъ „социальныхъ реформъ“, парализовать или, по крайней мѣрѣ, задержать его освободительное движеніе.

Резюмируя вышеизложенное о составныхъ элементахъ и тенденціяхъ центра, мы можемъ сказать, что эта партія, насколько она сохраняетъ еще характеръ оппозиціонной, направляетъ свою оппозицію гораздо больше противъ элементовъ либерализма въ существующемъ строѣ Германіи, чѣмъ противъ реакціи. Наоборотъ, какъ цѣлое, она сама является представительницей интересовъ реакціи, но полагаетъ, что интересы эти гораздо лучше будутъ обезпечены подъ эгидой всеильнаго католицизма, чѣмъ въ государствѣ, въ которомъ свѣтская власть, да при томъ зараженная „разлагающими заблужденіями“ либерализма, отодвигаетъ на задній планъ служителей церкви. Существованіе партій, столь родственной реакціоннымъ элементамъ Пруссіи, представляетъ собою тѣмъ большую цѣнность для монархіи и „историческихъ сословій“ Германіи — все равно, протестантовъ или католиковъ, — что партія эта опирается на низшіе классы обширныхъ областей имперіи.

Но долго-ли еще будутъ эти народныя массы слѣдовать, какъ послушное стадо, за вождями центра? Это другой вопросъ. Если судить по послѣднимъ выборамъ и по нѣкоторымъ явленіямъ въ Рейнско-Вестфальскомъ районѣ, то близится моментъ отпаденія этихъ массъ отъ ихъ политическихъ пастырей. А вмѣстѣ съ распаденіемъ, искусственно сплоченныхъ въ одно политическое цѣлое, разношерстныхъ элементовъ центра, прекратится и его собственное существованіе — къ великому огорченію и къ дѣйствительному вреду „историческихъ сословій“ и ихъ реакціонныхъ представителей всѣхъ церквей и вѣроисповѣданій.

Пора, однако, обратиться къ той партіи, которая находится въ принципиальномъ антагонизмѣ со всѣми партіями эксплуататоровъ — какъ правительственными, такъ и оппозиционными, и которая составляетъ главный предметъ этого очерка.

III

Социально-демократическая партія отстаиваетъ, какъ извѣстно, интересы пролетариата. Этимъ обуславливается ея сила, точно также,

какъ и характеръ и направленіе ея дѣятельности. Опираясь на классъ, представляющій собою самую низшую ступень соціальной лѣстницы, она не имѣетъ никакого основанія озираться при всеобщемъ своемъ движеніи и отступать назадъ изъ страха передъ напоромъ угнетеннаго народа. Соціалъ-демократія стремится къ уничтоженію самой этой лѣстницы и къ созданію общественныхъ условій, исключающихъ всякую возможность возникновенія классовой іерархіи. Путь, по которому она идетъ къ этой цѣли, состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ организаціи самаго пролетаріата для солидарной и сознательной борьбы противъ всѣхъ, возвышающихся надъ нимъ, классовъ, во имя его собственныхъ экономическихъ и политическихъ интересовъ. Послѣдней ступеню на этомъ извилистомъ и крутомъ подъемѣ къ полному освобожденію является для рабочаго класса „устраненіе политической кокурренціи“ своихъ эксплуататоровъ, т. е. завоеваніе государственной власти, служащей теперь въ ихъ рукахъ главной позиціей для охраны существующихъ экономическихъ отношеній. Но какъ промышленный прогрессъ въ капиталистическомъ обществѣ, развитіе производительныхъ средствъ, ихъ централизація и т. д., — увеличивая экономическую силу буржуазіи, вмѣстѣ съ тѣмъ приближаетъ моментъ ея паденія, такъ и политическіе успѣхи ея приближаютъ время „политической экспроприаціи“ ея пролетаріатомъ. Полное торжество принциповъ либерализма — гражданская и политическая равноправность, широкая свобода сходовъ и печати, всемогущество народныхъ законодательныхъ собраній, уничтоженіе всякихъ сословныхъ и корпоративныхъ привилегій, — обезпечивая всѣмъ слоямъ буржуазіи соціально-политическое господство, открываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ пролетаріату возможность и пути для классовой борьбы противъ этого самаго господства. Въ какой мѣрѣ онъ воспользуется или пользовался этой возможностью и этими путями — зависитъ и зависѣло отъ степени его классоваго сознанія и экономическаго развитія страны въ данное время.

Въ Германіи, какъ мы знаемъ, счеты между буржуазіей и феодальными элементами далеко еще не покончены. Но при современномъ состояніи рабочаго движенія и высокомъ уровнѣ экономическаго развитія этой страны, полная побѣда либерализма надъ сохранившимся въ ней историческимъ хламомъ оказалась бы, пожалуй, не болѣе, какъ прелюдией къ захвату политической власти пролетаріатомъ. Да еще большой вопросъ, окончилась-ли бы борьба нѣмецкаго либерализма противъ феодально-монархическихъ и клерикальных элементовъ даже временнымъ господствомъ буржуазіи и не привела-ли бы она непосредственно къ „политической экспроприаціи“ всѣхъ эксплуататоровъ — либеральныхъ и реакціонныхъ вмѣстѣ — рабочимъ классомъ. Отсюда происходитъ трусость современныхъ представителей радикальнаго либерализма въ Германіи. Имъ хотѣлось бы, конечно, очистить свою страну отъ остатковъ абсолютизма и дворянскихъ привилегій; но, во-первыхъ, страшно — вѣдь тутъ же подъ бокомъ движется соціальная демократія со своими арміями пролетаріевъ, — а во-вторыхъ, классъ, представляемый ими, рѣшительно не обладаетъ тѣмъ мужествомъ и той дисциплиной, которыя не-

обходимы для совершениа этой очистки. Мы уже видѣли на примѣрѣ септенната, что и въ предѣлахъ своей половинчатой оппозиціи реакціоннымъ планамъ имперскаго правительства „свободомыслящіе“ либералы далеко не всегда могутъ рассчитывать на поддержку даже однихъ только среднихъ и низшихъ слоевъ буржуазіи. И еслибы социаль-демократическая партія не оказывала имъ помощи въ перебаллотировкахъ, то они давно уже низведены были бы до положенія ничтожной парламентской фракціи въ рейхстагѣ. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, правъ былъ Бисмаркъ, когда онъ въ одномъ изъ засѣданій заявилъ, обращаясь къ ихъ главѣ, Е. Рихтеру: „Достаточно Бебелю моргнуть глазомъ, чтобы вы лишились своего мѣста въ парламентѣ.“

Еслибы я не опасался недоразумѣній, я сказалъ бы, что единственной, вполне серьезной представительницей политическихъ принциповъ и требованій радикальнаго либерализма является въ Германіи социальная демократія, опирающаяся на пролетаріатъ. Какъ бы то ни было, фактически она одна выступаетъ открыто, какъ партія республиканская, и ведетъ съ необходимой энергіей и послѣдовательностью борьбу противъ реакціонеровъ. Ни на минуту не переставая „вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата“, нѣмецкая социаль-демократія въ то же время неустанно развиваетъ въ немъ сознаніе еще *большей* противоположности и враждебности его интересовъ съ феодально-монархическими интересами.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, во время самаго разгара буржуазной оппозиціи, прусскіе реакціонеры пытались съ своей стороны вызвать въ германскихъ рабочихъ теченіе, на которое они могли бы опереться въ борьбѣ съ прогрессистской партіей. И вотъ что говорилъ тогда по этому поводу Либкнехтъ въ собраніи берлинскихъ переплетчиковъ: „Благо народа можетъ быть осуществлено только въ *свободномъ, основанномъ на всеобщей равноправности, демократическомъ государствѣ*, а съ такимъ государствомъ юнкера не могутъ согласиться, не отказавшись отъ своихъ привиллегій, которыя они съ такимъ усердіемъ отстаиваютъ и *для защиты* которыхъ они желаютъ *воспользоваться вами, рабочими...* ...Рабочій классъ, носящій во всѣхъ странахъ Европы знамя цивилизаціи и прогресса, оросившій свою кровью всѣ поля сраженій за свободу, не измѣнитъ въ Германіи свой культурной миссіи, не обратится противъ свободы, отъ которой прежде всего зависитъ его эмансипація... ....Съ рабочими терпѣть пораженіе со стороны социаль-демократовъ.

Приведенные примѣры достаточно рельефно показываютъ, до какой степени ненадежна и неустойчива буржуазная масса, какъ опора для сколько-нибудь послѣдовательной политической оппозиціи. Мы видѣли, впрочемъ, что и самые вожди либерально-радикальныхъ филистеровъ, совершенно въ духѣ представляемыхъ ими общественныхъ элементовъ, не отличаются особой политической стойкостью и отнюдь не умѣютъ удержаться на уровнѣ принциповъ и требованій даже своей собственной, далеко не радикальной программы.

Другую оппозиціонную партію представляетъ — вѣрнѣе, представлялъ — центръ, къ которому примыкаютъ сепаратистскія фрак-

ціи — гвельфская, польская, эльзасская. Она образовалась въ періодъ „культурной борьбы“, начатой Бисмаркомъ противъ католической церкви, и образовалась съ спеціальною цѣлью отстаивать интересы послѣдней. Ея соціальная опора состоитъ изъ крестьянъ, мелко-буржуазныхъ элементовъ и въ значительной мѣрѣ изъ рабочихъ въ Юж-Германскихъ и Рѣйнско-Вестфальскихъ областяхъ; ея интеллигенція и главный штабъ ея писателей, агитаторовъ и парламентскихъ дѣятелей рекрутируется и состоитъ главнымъ образомъ (если не исключительно) изъ католическаго духовенства и представителей юнкерскаго землевладѣнія, проникнутыхъ преданностью папству и антипатіей къ прусской гегемоніи.

Партія центра реакціонна, стало быть, и по соціальному составу своихъ руководящихъ элементовъ, и по спеціально-церковнымъ задачамъ, вызвавшимъ ее къ жизни. Поэтому, оппозиція ея, по существу реакціонная, принимала либерально-демократическую окраску лишь до тѣхъ поръ, пока продолжались гоненія Бисмарка на католическое духовенство и лишь постольку, поскольку это необходимо было, во-первыхъ, для противодѣйствія упроченію гегемоніи протестантской Пруссіи, а во-вторыхъ, для отождествленія въ глазахъ массъ, составляющихъ силу клерикальной партіи, ея церковно-политическихъ цѣлей съ ихъ соціально-экономическими интересами. Но уже напередъ можно было предсказать, что вслѣдъ за прекращеніемъ „культурной борьбы“ оппозиціонный духъ этой партіи ослабѣетъ и, поскольку онъ сохранится, направленіе его станетъ чисто реакціоннымъ. Такъ и случилось на дѣлѣ.

Въ 78 г. центръ съ большимъ пафосомъ заявилъ, что, какъ партія, на своихъ плечахъ испытывавшая тяжесть исключительныхъ законовъ, она *никогда* не подастъ своего голоса въ пользу репрессивныхъ мѣръ противъ социалистовъ. Прошло шесть лѣтъ — и часть клерикальныхъ депутатовъ вотировала за „продолженіе социалистическаго закона“. А еслибы „свободомыслящіе“ и прогрессисты не обезпечили тогда правительству необходимаго большинства, то центръ отрядилъ бы еще большее число своихъ членовъ для поддержки правительственнаго требованія. Въ вопросѣ о септеннатѣ центръ не могъ не занять оппозиціоннаго положенія — оно обуславливалось партикуляристскими тенденціями составныхъ элементовъ этой партіи вообще и демократическимъ составомъ массы ея избирателей, въ частности. Но оппозиція ея не шла дальше той, которую проявили тогда „свободомыслящіе“. А между тѣмъ, опираясь на сплошную массу населенія, въ которой довольно глубоко укоренены антикокетничаютъ, желая ихъ купить, и надѣясь превратить ихъ въ покорныхъ рабовъ юнкерства, готовыхъ въ безумномъ ослѣпленіи выковать цѣпи, въ которыя будутъ закованы, какъ буржуазія, такъ и пролетаріатъ. Нѣмецкіе рабочіе въ эту ловушку не попадутся...

Въ 81 г. реакціонеры сдѣлали послѣднюю попытку сблизиться непосредственно съ социалистической партіей. Поводомъ послужили перебаллотировка въ двухъ берлинскихъ округахъ привыборахъ въ рейхстагъ между ея кандидатами и кандидатами прогрессистской партіи. Штэкеръ и профессоръ А. Вагнеръ, какъ руководители „христіанско-соціаль-

ной“ и антисемитической партіи, выразили готовность 1о обязаться содѣйствовать *отмѣнѣ* исключительнаго закона, а 2о обезпечить социалистическимъ кандидатамъ на перебаллотировкахъ въ IV и VI округахъ Берлина голоса своихъ приверженцевъ. За то социаль-демократы должны были, за подписью Либкнехта и Бебеля, заявить, что они признають, *искренность* реформаторскихъ намѣреній имперскаго правительства по отношенію къ рабочимъ, и что они готовы работать въ мирѣ съ „социаль-реформаторскими (т. е. съ реакціонными) партіями на ползу улучшенія экономическаго положенія народа съ тѣмъ, чтобы предотвратить социальную революцію посредствомъ энергической социальной реформы“. Предложенія эти были, конечно, отвергнуты на основаніи тѣхъ же мотивовъ, какіе высказалъ Либкнехтъ въ цитированной только-что рѣчи. „Мы не можемъ — отвѣтили руководители нѣмецкой социальной демократіи — признать искренности въ отношеніяхъ правительства къ рабочимъ, проявляющихся въ его экономической политикѣ: въ умноженіи и увеличеніи пошлинъ на предметы первой необходимости, въ увеличеніи военныхъ повинностей, въ возстановленіи цеховыхъ законовъ и т. д. Точно также *должны мы отвергнуть всякое союзничество съ партіями, которыя реакціонны по своимъ стремленіямъ и потому враждебны рабочимъ.*“ *)

При такомъ рѣзко опредѣленномъ отношеніи къ политическимъ вопросамъ и специально къ архаическимъ элементамъ въ общественной жизни Германіи, социальная демократія представляетъ *пока, непосредственно*, гораздо большую опасность для этихъ элементовъ и связавшейся съ ними плутократіи, чѣмъ для буржуазнаго общества вообще. За послѣднее стоятъ еще почти всѣ слои народа, исключая одной, правда весьма значительной, части пролетаріата. Наоборотъ, отъ существующаго теперь въ Германіи режима съ его юнкерскимъ хвостомъ желали бы избавиться даже тѣ части нѣмецкой буржуазіи, которыя опасаются борьбы съ нимъ изъ страха передъ пролетаріатомъ. Точно также не можетъ не вызывать противъ себя оппозиціи въ огромномъ большинствѣ населенія и государственное покровительство интересамъ плутократіи въ ущербъ всей націи. Поэтому, въ той части своей дѣятельности, которая направлена противъ дворянско-монархическихъ привилегій и „социальной политики“, отстаивающей эгоистическіе интересы земледѣльческой и промышленной аристократіи, социаль-демократическая партія является не только представительницей специальныхъ стремленій пролетаріата, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе послѣдовательной и энергичной выразительницей всѣхъ оппозиціонныхъ либеральныхъ и демократическихъ теченій, существующихъ въ нѣмецкомъ народѣ. Такое отношеніе ея къ „политикѣ“ и къ такъ называемымъ вопросамъ дня вообще, — съ одной стороны обезпечиваетъ ей сравнительно быстрый успѣхъ въ народныхъ массахъ, включая и низшіе слои буржуазіи, а съ другой — выдвигаетъ ее на центральное мѣсто въ борьбѣ политическихъ партій въ Германіи, какъ факторъ, регулирующий и направляющій тактику и ихъ взаимныя от-

*) Nach Zehn Jahren I стр. 79-80

ношенія. Справедливость этихъ положеній вполнѣ обнаружилась дѣлымъ рядомъ фактовъ уже раньше послѣднихъ выборовъ. Или, точнѣе, она подтверждается всей исторіей соціальной демократіи со времени изданія противъ нея исключительнаго закона.

Примѣненіе антисоціалистическаго закона было вначалѣ въ полномъ смыслѣ драконовское. Всѣ газеты и изданія соціально-демократической партіи были запрещены, типографіи закрыты, кассы многихъ рабочихъ обществъ конфискованы. Запрещены были даже почти всѣ ремесленные союзы, подозрительные со стороны своихъ тенденцій. Преслѣдованія посыпались градомъ и при томъ сразу, такъ что огромное число членовъ партіи и ихъ семьи неожиданно очутились безъ хлѣба и заработка. Не имѣй она прочныхъ корней въ рабочей массѣ и не опирайся она при томъ на ясное пониманіе объективныхъ и субъективныхъ условій своего развитія, ей не удалось бы такъ скоро выйти побѣдительницей изъ того исключительнаго положенія, въ которомъ она сразу очутилась. Всякая другая политическая группа, дѣйствительно, исчезла бы при такихъ обстоятельствахъ на многіе годы съ поверхности общественной жизни и вполнѣ была бы обезсилена. Между тѣмъ, соціально-демократическая партія, потративъ нѣкоторое время на организацію помощи многочисленнымъ жертвамъ полицейскаго (и хозяйскаго) произвола и на приспособленіе своей тактики къ новымъ политическимъ условіямъ своего существованія, уже черезъ полтора-два года послѣ изданія исключительнаго закона дѣлымъ рядомъ фактовъ обнаружила свое дѣятельное участіе въ самыхъ различныхъ сферахъ соціально-политической жизни.

Изгнанные изъ Берлина, Гамбурга, Лейпцига, Альтоны, соціал-демократы разнесли сѣмена соціализма по всѣмъ городамъ и захолустьямъ Германіи, повсюду создавая соціалистическіе кружки и ремесленные союзы, становясь сами во главѣ агитаціи противъ особенно вопіющихъ несправедливостей по отношенію къ рабочимъ, или давая импульсъ къ такой агитаціи. Вліаніе и участіе ихъ стало вскорѣ опять очень замѣтно во всѣхъ столкновеніяхъ труда и капитала. Вопреки, а можетъ, даже благодаря сильнымъ преслѣдованіямъ за принадлежность къ соціально-демократической партіи, она сдѣлалась центромъ притяженія для наиболѣе интеллигентныхъ, развитыхъ и дѣятельныхъ элементовъ пролетаріата и вообще трудящихся классовъ. А такъ какъ ни въ одномъ общественномъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ такихъ элементовъ, то очень скоро обнаружилось, что соціал-демократы являются инициаторами и руководителями рабочаго класса во всѣхъ его коллективныхъ начинаніяхъ, попыткахъ и организаціяхъ, какъ бы съ виду ни были умѣренны и скромны задачи этихъ формъ соціальной самопомощи въ средѣ пролетаріевъ.

Въ высшей степени многозначительны были въ особеннсти выборы 87 года. Читатель помнитъ тогдашнее поведеніе буржуазіи и ея оппозиціонныхъ представителей. Соціалистическіе депутаты категорически заявили въ рейхстагѣ, что „для теперешней правительственной системы они не пожертвуютъ ни однимъ человѣкомъ и ни одной копѣйкой денегъ“. Таковъ былъ и девизъ избирательной агитаціи соціалистовъ. Не забудемъ встати, что рядомъ съ чрезвы-

нять ихъ въ коллективномъ и *систематическомъ* отстаиваніи интересовъ рабочаго класса. Поэтому-то нѣмецкія власти старались всевозможными средствами мѣшать развитію ремесленнаго движенія. Онѣ не останавливались даже передъ конфискаціей кассъ ремесленныхъ обществъ и закрывали эти общества одно за другимъ. Когда правительство почувствовало свое безсиліе передъ почти стихійно возроставшимъ напоромъ этого движенія, оно пошло на уступки, рассчитывая такимъ путемъ ослабить нѣсколько его интенсивность и облегчить себѣ контроль надъ нимъ. Въ то же время оно рѣшило воспользоваться и „соціальными реформами“, какъ орудіемъ борьбы противъ стремленій рабочихъ къ общественной самопомощи. Разными законодательными постановленіями принудительныя фабричныя кассы страхованія противъ болѣзни, увѣчья, старости, въ которыхъ управление и контроль находятся въ рукахъ властей и предпринимателей, поставлены были въ положеніе привилегированное относительно „Свободныхъ кассъ взаимной помощи“. Рассчитывали, что при такихъ условіяхъ послѣднія не выдержатъ конкуренціи съ первыми, — и такимъ путемъ ремесленное движеніе само собою ослабѣетъ. Разумѣется, рядомъ съ этими „соціально-реформаторскими“ мѣропріятіями противъ него, далеко не совсѣмъ прекратились и полицейско-судебныя преслѣдованія. Уступки, о которыхъ я упомянулъ, были все-таки очень мизерныхъ размѣровъ — и отнюдь не преувеличивая, можно сказать, что изъ десяти случаевъ, когда рабочіе обращались за разрѣшеніемъ устроить ремесленный союзъ или созвать конгрессъ изъ представителей какой-нибудь отрасли труда, только въ одномъ или двухъ имъ удавалось добиться своей цѣли. И вотъ, вопреки всѣмъ преслѣдованіямъ и препятствіямъ со стороны администраціи, прокуратуры и судовъ, вопреки всѣмъ законодательнымъ ухищреніямъ официальныхъ „соціально-реформаторовъ“, прошлогодніе конгрессы и отчеты ремесленныхъ организацій показали, что онѣ покрыли собою всю Германію и заключаютъ въ своихъ рядахъ многія сотни тысячъ, а можетъ и милліонъ рабочихъ. Въ „свободныхъ кассахъ взаимной помощи“ оказалось три четверти милліона членовъ, съ милліонами капитала и ежегоднаго дохода. Нѣкоторыя изъ ремесленныхъ обществъ считали у себя по нѣскольку десятковъ тысячъ членовъ. На конгрессѣ сигарочниковъ, состоявшемся весной прошлаго года въ Эрфуртѣ, представлено было 71,000 рабочихъ, изъ 448 мѣстъ, т. е. около $\frac{2}{3}$ всего числа лицъ, занятыхъ въ этомъ производствѣ. Что касается до основныхъ стремленій и требованій этихъ огромныхъ организацій, то ужъ однѣ резолюціи всѣхъ ихъ прошлогоднихъ конгрессовъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствовали въ пользу ихъ тѣснѣйшей солидарности съ ученіями и программой соціальной демократіи.

Такое же симптоматическое значеніе имѣла и „стачечная эпидемія“, охватившая прошлой весной всю Германію. Извѣстно, какіе грандіозные размѣры приняла забастовка углеконовъ на Рейнѣ и въ Вестфаліи. Но и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ происходили крупныя и при томъ многочисленныя стачки. Въ общей сложности можно сказать, что не менѣе 3-4 сотъ тысячъ рабочихъ участвовало

одновременно въ этой организованной войнѣ съ капиталистами. И всюду или почти всюду стачечники вели свое дѣло съ удивительнымъ тактомъ и настойчивостью, проявляя необыкновенное самообладаніе и способность подчиняться добровольно и сознательно налагаемой на себя дисциплинѣ. Во всемъ этомъ движеніи опять таки ярко выступалъ нравственный и умственный авторитетъ социальной демократіи въ рабочихъ массахъ Германіи, какъ партіи, признаваемой ими безусловной представительницей ихъ интересовъ и стремленій.

Въ самый разгаръ „стаечной эпидеміи“ или, по крайней мѣрѣ, раньше, чѣмъ она окончилась, социаль-демократическая фракція рейхстага обратилась къ нѣмецкимъ рабочимъ съ воззваніемъ о послыскѣ делегатовъ на международный социалистическій конгрессъ въ Парижъ. Напряженная энергія, требовавшаяся отъ организованныхъ элементовъ нѣмецкаго пролетаріата для обезпеченія успѣха, небывалому до тѣхъ поръ въ Германіи, стачечному движенію, страшный дефицитъ, образовавшійся въ ихъ тощихъ карманахъ, у однихъ, благодаря вынужденной праздности, у другихъ — вслѣдствіе непрерывныхъ пожертвованій въ пользу сотенъ тысячъ стачечниковъ и ихъ семействъ, наконецъ, *непосредственно-практическій* характеръ этого движенія, отъ исхода котораго зависѣла въ буквальномъ смыслѣ слова судьба миллионновъ лицъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ — все это, казалось, дѣлало очень сомнительнымъ успѣхъ упомянутаго воззванія социаль-демократическихъ депутатовъ рейхстага. И однако успѣхъ превзошелъ всѣ ожданія

„Средства, необходимыя для послыскѣ делегатовъ на конгрессъ (дорога и жизнь въ Парижѣ во время выставки въ теченіе 10 - 12 дней) — говорилось въ этомъ обращеніи — довольно значительны. Тѣмъ не менѣе, весьма желательно, чтобы именно нѣмецкіе *) рабочіе показали, что они не останавливаются ни передъ какими препятствіями, когда дѣло идетъ о заявленіи своей солидарности съ рабочими другихъ странъ и о доказательствѣ своей готовности сообщать съ ними бороться за освобожденіе пролетаріата.“ Повсемѣстная агитація и ея результатъ, послужившіе отвѣтомъ на прокламацію социалистическихъ депутатовъ рейхстага, показали, что они не ошиблись, обратившись съ такими словами къ нѣмецкимъ рабочимъ. Многочисленныя собранія, созывавшіяся спеціально для выбора делегатовъ и сбора пожертвованій въ ихъ пользу, десятки тысячъ именъ, покрывшихъ избирательные листы тамъ, гдѣ такія собранія не разрѣшались, многочисленность отправленной делегаціи (больше 80 чело-вѣкъ), значительныя суммы, собранныя для покрытія ея издержекъ — все это, особенно въ виду вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, свидѣтельствовало, что рабочія массы Германіи идутъ за социаль-демократической партіей даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не ожидаютъ для себя какихъ нибудь *непосредственныхъ* выгодъ.

Чтобы не слишкомъ удлинять свою статью, я не стану перечислять другіе факты, характерные для настроенія рабочихъ массъ Гер-

---

*) Въ виду шовинизма нѣмецкой буржуазіи и обидъ, нанесенныхъ Франціи германскимъ правительствомъ.

маніи накануне послѣдней избирательной борьбы. Упомяну еще только, что парижскій конгрессъ своими рѣшеніями о законодательной защитѣ рабочихъ далъ новый импульсъ и пищу для поддержанія и распространенія въ нѣмецкомъ пролетаріатѣ того возбужденія, которое особенно интенсивно охватило его со времени весеннихъ стачекъ. А въ какомъ духѣ велась эта агитація, читатель можетъ видѣть изъ резолюцій одного многочисленнаго собранія берлинскихъ маляронъ, штукатурщиковъ и лакировщиковъ, резолюцій, въ силу которой участники собранія обязывались агитировать, чтобы рабочіе выбрали въ рейхстагъ только безусловныхъ сторонниковъ „восьмичасоваго дня и законодательной защиты рабочихъ“. Въ такомъ же духѣ составлены были резолюціи всѣхъ рабочихъ собраній, трактовавшихъ о рѣшеніяхъ парижскаго конгресса.

Но ни одно изъ безчисленныхъ явленій въ освободительной борьбѣ нѣмецкаго пролетаріата въ прошломъ году не обнаружало въ такой степени значенія рабочей партіи въ социальномъ-политической жизни Германіи, какъ упомянутое мною выше движеніе рейнско-вестфальскихъ углекоповъ. Оно началось въ Апрѣлѣ, достигло своего апогея въ Маѣ, въ видѣ грандіозной забастовки болѣе чѣмъ сотни тысячъ рабочихъ, и потомъ перебросилось въ рудники Саксоніи и Силезіи. Три обстоятельства придали этой стачкѣ значеніе событія первостепенной важности.

Углекопы принадлежатъ къ наиболее угнетеннымъ и экономически порабощеннымъ слоямъ нѣмецкаго пролетаріата. Покорно и повидимому безропотно переносили они въ Рейнской провинціи и Вестфалии свое положеніе, слѣпо слѣдуя за ультрамонтанами и вотируя на выборахъ за представителей крупной буржуазіи. Казалось, что они на всегда останутся въ этомъ состояніи забитости и политическаго индифферентизма, относясь безучастно къ историческому движенію, во главѣ котораго стоятъ передовые элементы пролетаріата. И вдругъ эта масса сама выступила на арену классовою борьбы. Правда, скромныя ея требованія: увеличеніе платы на 15 проц., нѣкоторое сокращеніе рабочаго времени, да устраненіе наиболее вопіющихъ злоупотребленій штрафами и т. д. Но солидарность, твердость и тактъ, съ которыми она отстаивала эти требованія, не оставляли никакого сомнѣнія, что начатая ею борьба представляетъ только первый шагъ на пути, ведущемъ къ общему руслу движенія пролетаріата — къ социальной демократіи.

Вторая особенность стачки углекоповъ состоитъ въ томъ, что отрасль промышленности, охваченная ею, представляетъ собою нервъ, основу экономической жизни такихъ странъ, какъ Германія. Безъ правильной доставки угля не можетъ функционировать механизмъ крупнаго производства. Едва началось движеніе среди рейнско-вестфальскихъ углекоповъ, какъ многимъ фабрикамъ и заводамъ пришлось остановить у себя работы. Даже на нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ пришлось, за недостаткомъ угля, прекратить движеніе поѣздовъ. Каковы же были бы экономическія послѣдствія такой стачки, если бы она сразу охватила углекоповъ всей Германіи хоть на 1 или 2 мѣсяца?

Наконецъ, тутъ впервые пришла въ движеніе колоссальная масса людей, *сконцентрированныхъ* въ одномъ районѣ, на сравнительно небольшой территоріи, и при томъ по сосѣдству съ Франціей. Двѣсти, триста тысячъ бунтовщиковъ, (вмѣстѣ съ женщинами и подростками) естественнымъ образомъ сплоченныхъ въ одну компактную армию, имѣющую возможность приостановить экономическую жизнь всей страны, — какая страшная опасность для имперіи, если французы вздумаютъ воспользоваться бунтовскимъ настроеніемъ этой армии для нападенія на Германію, и какая опасность для всего общественаго строя, разъ предводительство надъ нею попадетъ въ руки социаль-демократовъ!

Таковы, въ общихъ чертахъ, обстоятельства и соображенія, въ силу которыхъ прошлогоднее движеніе углекоповъ произвело неописанную панику и переполохъ въ средѣ господствующихъ классовъ. Не даромъ, прославляемый даже нашей нелегальной прессой („Сбщее Дѣло“), „социалистъ“ Шеффле сочинилъ прозекъ своего рода закрѣпощенія углекоповъ государству, прозекъ, по которому ихъ можно, въ случаѣ самовольнаго прекращенія работъ во время войны, подвергать разстрѣлянiю.

Правительственныя сферы очень боялись, какъ бы все это движеніе не попало въ руки социаль-демократовъ. Сначала намѣревались дѣйствовать мѣрами строгости, и, какъ сообщали газеты, самъ императоръ хотѣлъ было предводительствовать войскомъ въ дѣлѣ усмиренія „бунтовщиковъ“. Вѣренъ ли былъ этотъ слухъ, или нѣтъ — во всякомъ случаѣ въ одномъ мѣстѣ войска, дѣйствительно, стрѣляли въ мирную и безоружную толпу гражданъ, при чемъ убито было, если не ошибаюсь, 15 человекъ. Но въ тоже время императоръ принимаетъ депутацію отъ этихъ самихъ „нарушителей общественаго порядка“, выслушиваетъ ихъ жалобы на владѣльцевъ копей и обѣщаетъ имъ разслѣдовать, насколько справедливы ихъ требованія и сообщить имъ затѣмъ результатъ этого изслѣдованія. Однако свое „монаршее благоволеніе“ къ стачечникамъ онъ ставитъ въ зависимость отъ одного условія, — именно, чтобы они не входили въ какую нибудь связь съ социаль-демократическими элементами. „Ибо для меня, заявилъ императоръ депутаціи, всякій социаль-демократъ — врагъ имперіи и отечества. Поэтому, лишь только я замѣчу, что къ движенію примѣшаны социаль-демократическія тенденціи, возбуждающія къ незаконному сопротивленію властямъ, я съ безпощадной строгостью пушу въ ходъ противъ углекоповъ всю ту силу, которою я располагаю, — а сила эта велика“!

Читателю не безинтересно будетъ узнать отвѣтъ одного изъ *легальныхъ* органовъ социальной демократіи на косвенно обращенный къ ней вызовъ императора. Прежде всего, „Берлинская Народная Газета“ (такъ называется этотъ органъ) констатировала тотъ фактъ, что императорскій отвѣтъ разрушилъ иллюзію, съ которой углекопы, повидимому, носились, отправляя своихъ депутатовъ, именно, — довѣріе къ монархической власти, какъ къ покровительницѣ „экономически слабыхъ и обездоленныхъ“. „Если эта иллюзія у рабочихъ разрушена, то мы радуемся этому, какъ разрушенію всякихъ иллюзій

всегда покоящихся только на предрасудкахъ и въ свою очередь развивающихся ихъ. То, чего рейнско-вестфальскіе рабочіе могли ожидать отъ монарха, видно было изъ мѣропріятій министерства, дѣйствовавшего какъ отвѣтственное верховное учрежденіе государства. Если же рабочіе ожидали большаго, то теперь они видятъ свое заблужденіе и, какъ серьезные люди, сѣмѣютъ сдѣлать пзъ этого опыта надлежащій выводъ.“

Переходя затѣмъ къ объявленію императоромъ социаль-демократовъ „врагами имперіи и отечества“, цитированная нами социалистическая газета, отвѣчаетъ: „Этимъ заявленіемъ отброшена въ кладовую, какъ старый хламъ, глупая конституціонная фикція, по которой монархъ, какъ своего рода высшее существо, стоитъ выше партій. Мы и это привѣтствуемъ съ удовольствіемъ. Социаль-демократія видитъ въ императорскомъ заявленіи нѣчто въ родѣ „объявленія ей войны“. Ради аналогіи, напомнимъ, что римскіе императоры 17-18 вѣковъ тому назадъ подобное вышеприведенному обвиненіе выставляли противъ христіанъ“... Миръ будетъ дѣлать своеобразные комментаріи къ императорскому обвиненію, если число объявленныхъ „врагами имперіи и отечества“ социаль-демократовъ сильно возрастетъ на предстоящихъ выборахъ. Незачѣмъ было, впрочемъ, ждать исхода предстоявшихъ выборовъ, чтобы убѣдиться въ непрерывномъ возрастаніи числа „враговъ имперіи“. Изъ трехъ депутатовъ, выбранныхъ стачечниками для личнаго ходатайства за нихъ передъ императоромъ, двое оказались социаль-демократами. Это значило, что руководство рейнско-вестфальскимъ движеніемъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, находится въ рукахъ „враговъ имперіи и отечества“ и что „ядъ лжеученій“ социальной демократіи проникъ и въ политически непочатую до тѣхъ поръ среду забытыхъ и невѣжественныхъ углекоповъ. Но императоръ не исполнилъ своей угрозы на случай обнаруженія „связи движенія съ социаль-демократическими кругами“. Повидимому, онъ сообразилъ, что ему гораздо менѣе рисковано бороться съ ними, взявъ на себя роль Аль-Рашида, чѣмъ полководца, истребляющей мирныхъ и безоружныхъ гражданъ, арміи. Мысль объ объявленіи осаднаго положенія въ стачечномъ районѣ была совѣмъ оставлена. Какъ впоследствии оказалось, Вильгельмъ не удовольствовался официально произведеннымъ изслѣдованіемъ положенія углекоповъ, а поручилъ тайнымъ образомъ своему воспитателю, Гинцпетеру сдѣлать тоже самое путемъ личныхъ наблюденій на мѣстѣ. Наконецъ, въ своемъ отвѣтѣ депутаціи отъ владѣльцевъ копей, онъ очень настойчиво напиралъ на обязанность ихъ, „въ интересахъ государства и находящихся въ угольномъ районѣ общинъ заботиться по возможности о благѣ рабочихъ“ и на необходимость вступленія въ переговоры съ избранными ими представителями. И тутъ императоръ опять таки не могъ удержаться отъ выраженія своей радости по поводу того обстоятельства, что стачечники не вошли въ сношенія съ социаль-демократической партией. „Я радовался — заявилъ — что ея попытки вмѣшаться въ дѣло рѣшительно были отвергнуты ими.“

Радость Вильгельма II окалалась, какъ сейчасъ увидимъ, преждевременной; да она, впрочемъ, основана была на недоразумѣніи. Со-

ціалъ-демократы, какъ партія, сами старались, въ интересахъ стачечниковъ, не вмѣшиваться официально „въ дѣло“, но они помогали имъ матеріальными средствами и при посредствѣ нѣкоторыхъ изъ участчиковъ стачки *фактически* руководили ею. Не даромъ ультрамонтаны, господствовавшіе до тѣхъ поръ надъ умами углекоповъ, заволновались и забили тревогу, лишь только началась стачка. „Въ то время, какъ социалистическіе круги — читаемъ мы въ одномъ изъ органовъ *) партія центра — уже самымъ дѣятельнымъ образомъ готовятся къ выборамъ въ рейхстагъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дикомъ упоеніи побѣдой празднуютъ юбилейное торжество французской революціи, видя въ ней моментъ зарожденія наступающаго господства четвертаго сословія — въ это самое время разгорается стачка въ наиболѣе здоровыхъ (читай: покорныхъ и невѣжественныхъ) до сихъ поръ слояхъ рабочаго класса... стачка, принимающая въ теченіе двухъ недѣль размѣры, невиданные прежде въ Пруссіи и въ Германіи. Какъ потокъ лавы изливается она въ угольные районы верхняго Рейна, Саксоніи, Силезіи, затрогивая непосредственнымъ образомъ всю промышленную жизнь.“ И затѣмъ, обращаясь противъ проповѣдниковъ односторонней политики грубаго насиія по отношенію къ стачечникамъ, тотъ же органъ приводитъ слѣдующую цитату изъ *ультрамонтанской* „Кельнской Народной Газеты“ : „Они (безусловные сторонники предпринимателей) хотятъ имѣть *работъ*, но такъ какъ времена рабства прошли, то они (благодаря своимъ рабовладельческимъ стремленіямъ) получаютъ *соціалъ-демократовъ*, преувеличивающихъ права рабочихъ и, наоборотъ, весьма легко относящихся къ ихъ обязанностямъ..... *Четвертое сословіе* стремится повсюду къ улучшенію своего положенія и, если это улучшеніе не будетъ доставлено ему путемъ мудрой, основанной на принципахъ христіанства, соціальной политики, то наступятъ соціальныя катастрофы, болѣе страшныя, чѣмъ политическій переворотъ, столѣтіе котораго празднуется въ этомъ году.“

Опасенія буржуазныхъ партій, какъ бы движеніе, охватившее „наиболѣе здоровые слои рабочаго класса“, не увлекло послѣдніе въ лагерь соціальной демократіи, оправдались раньше даже, чѣмъ можно было ожидать. На международномъ соціалъ-демократическомъ конгрессѣ рабочихъ въ Парижѣ, состоявшемся всего мѣсяца два послѣ стачки рейнскихъ углекоповъ, оказались делегаты и отъ этихъ послѣднихъ. Осенью прошлаго года значительная часть углекоповъ на Рейнѣ уже была вполне организована въ особый союзъ, а основанная имъ газета къ концу Декабря расходилась почти въ 30,000 экземпляровъ. Главными же организаторами и руководителями этого союза явились опять таки соціалъ-демократы.

Такимъ образомъ, многочисленныя и разнообразныя проявленія народнаго настроенія въ послѣдніе годы съ несомнѣнностью обнаруживали тотъ фактъ, что огромныя массы нѣмецкаго народа сознательно тяготеютъ къ соціалистической партіи, какъ къ естественному центру и

*) Christlich-Sociale-Blätter, Heft. 10 г. 89.

энергической выразительницѣ интересовъ эксплуатируемыхъ классовъ. Мы видѣли, съ какой тревогой ультрамонтаны слѣдили за „лихорадочно-напряженными приготовлениями“ социальной демократіи къ выборамъ въ рейхстагъ. Очевидно, приготовления эти еще въ гораздо большей степени должны были тревожить національ-либераловъ и консерваторовъ, какъ партіи господствовавшія и потому *непосредственно* отвѣтственныя въ глазахъ народныхъ массъ за ихъ угнетенное положеніе. Поэтому заботы картеля о сохраненіи за собою господствующаго положенія и въ слѣдующемъ законодательномъ періодѣ по необходимости должны были концентрироваться на мысли о мѣропріятіяхъ, при помощи которыхъ можно было бы до крайнихъ предѣловъ сѣзуть участіе социальной демократіи въ избирательной борьбѣ. И въ самомъ дѣлѣ, приготовления картеля къ выборамъ и вся его избирательная тактика представляли собою ничто иное, какъ рядъ оборонительныхъ дѣйствій противъ натиска рабочей партіи; центральное же мѣсто среди этихъ дѣйствій заняла попытка увѣковѣченія социалистическаго закона.

Слухи о томъ, что такой проэктъ внесенъ въ союзный совѣтъ, проникли въ публику уже въ началѣ лѣта прошлаго года — и съ тѣхъ поръ органы картеля не переставали пропагандировать на все лады необходимость увѣковѣченія исключительныхъ постановленій противъ социалистической агитаціи. Этой пропагандой начинаются „приготовленія“ правительственныхъ партій къ выборамъ — и вопросъ объ антисоциалистическомъ законѣ сталъ, особенно до закрытія рейхстага, центральнымъ пунктомъ избирательной борьбы.

IV

„Теперь — писала „Національ-либеральная Корреспонденція“ вскорѣ послѣ внесенія въ союзный совѣтъ упомянутаго проэкта — общество и государство не могутъ еще обходиться безъ всякихъ средствъ самообороны противъ столь великой и своеобразной опасности“ (т. е. социальнo-демократической агитаціи). Поэтому „мы желаемъ принять законъ на *продолжительный срокъ*“ (но безъ опредѣленія срока!) и тѣмъ самымъ устранить поводъ для „дебатовъ о немъ въ парламентѣ каждые два года“. *) За доказательствами въ пользу необходимости такихъ „средствъ самообороны“ не зачѣмъ было далеко ходить. Для этого слѣдовало только выставить всякій, сколько нибудь замѣтный фактъ, — а по нуждѣ и самый мелкій, — въ области рабочаго движенія въ такомъ свѣтѣ, чтобы у филистера отъ страха морозъ пошелъ по кожѣ. Такъ, напримѣръ, международный конгрессъ рабочихъ въ Парижѣ описывался либерально-реакціонной прессой, какъ собраніе ужасныхъ революціонеровъ, обсуждавшихъ тамъ планъ нападенія на

*) Все слѣдующія цитаты безъ спеціального указанія источниковъ заимствованы мною изъ социалистическихъ газетъ, преимущественно изъ „Berliner Volksblatt“.

буржуазное общество и водворенія „господства террора“ эпохи великой революціи. „Слѣдуетъ принять во вниманіе — писала „Консервативная Корреспонденція“, что отчеты о „рабочемъ“ конгрессѣ касаются только *открытыхъ* засѣданій и что не смотря на это, они содержать въ себѣ очень ясныя указанія на сохранявшіеся до сихъ поръ въ тайнѣ цѣли социаль-демократическаго движенія. Если, поэтому, интернаціональный конгрессъ, подготовляющій переворотъ, въ своихъ *открытыхъ* засѣданіяхъ касается... общаго плана мобилизаціи пролетаріата для рѣшительнаго нападенія на существующій общественный строй, то каковы должны быть *подробности*. о которыхъ сговаривались главы этого революціоннаго движенія въ своихъ *тайныхъ* засѣданіяхъ!“

Въ такомъ же смыслѣ пользовалась реакціонная пресса и стачечнымъ движеніемъ, происходившимъ въ Германіи и даже внѣ ея предѣловъ. „Если — заявлялъ „Ганноверскій Курьеръ“, органъ національ-либеральнаго вождя, Беннигсена — рабочія стачки принимаютъ все болѣе и болѣе характеръ социаль-демократическихъ происковъ и нападеній на современное общество, то... и вопросъ о *подавленіи стачекъ* ... становится все болѣе и болѣе жгучимъ и неотложнымъ.“ На замѣчанія нѣкоторыхъ представителей „христіанско-монархическаго социализма“ относительно необходимости „социальныхъ реформъ“ для „освобожденія массъ изъ когтей социальной демократіи“, большинство органовъ картеля отвѣчало, что, наоборотъ, только подъ условіямъ уничтоженія этой партіи возможно будетъ „умиротворить“ рабочихъ разными уступками. Такъ напримѣръ, „Консервативная Корреспонденція“ урезонивала профессора А. Вагнера такими доводами. „Новѣйшіе факты въ области стачекъ, социалистическій конгрессъ въ Парижѣ, вся тактика социальной демократіи не оставляютъ вѣдь никакого сомнѣнія, что она сознательно, съ расчетомъ и съ величайшей энергіей готовится къ социальной революціи, эксплуатируя для своей цѣли съ удивительной проницательностью всѣ недостатки нашего социального развитія.“ Противъ „серьезныхъ опасностей этого положенія“ есть только одно средство: соединеніе всѣхъ элементовъ, заинтересованныхъ въ „сохраненіи основъ современнаго общества и государства“, для рѣшительнаго противодѣйствія „сознательнымъ приготовленіямъ къ социальной революціи“ и для поддержки съ этой цѣлью „государственной власти“.

То же самое, только въ болѣе популярной формѣ, высказала „Крестовая Газета“ въ слѣдующихъ строкахъ: „Открыто направляютъ они (социалисты) кинжалъ противъ всего исторически сложившагося общественнаго строя, противъ церкви и христіанства, противъ трона и законовъ. Эти враги не идутъ по пути мирныхъ постепенныхъ реформъ, нѣтъ, они стремятся къ побѣдѣ черезъ кровь и трупы, и съ вандалской яростью истребили бы они всѣ памятники современныхъ и прошлыхъ завоеваній человѣчества въ его историческомъ движеніи. Иному невольно сама навязывается мысль, что *эта кампанія можетъ быть сдерживаема только при помощи стрѣляющаго ружья и рубящей сабли*. Но всего нельзя ожидать отъ однихъ только механическихъ средствъ“.

Другими словами: лучше всего было бы сделать нѣмецкому пролетариату большое кровопусканіе, а затѣмъ уже предоставить обезсиленнымъ и запуганнымъ его элементамъ крохи „соціальныхъ реформъ“ во вкусъ реакціонеровъ.

Нравственно поддерживаемое такой агитаціей въ обществѣ, правительство внесло, наконецъ, въ рейхстагъ въ Октябрѣ давно ожидавшійся законопроектъ. *Непосредственную* цѣль этого закона съ большой ясностью опредѣлила „Кельнская Газета“ словами: „Поправка къ общему избирательному праву“ (Korrektur des allgem. Wahlrechts). Эта система выборовъ привила, по словамъ названнаго органа національ-либераловъ, политическимъ партіямъ „стремленіе къ безпринципному ухаживанію (umschmeichelung) за массою и укоренила въ нихъ склонность къ соперничеству изъ за благорасположенія сладкой черни (süssen Pöbels). И такъ какъ его величество народъ не обладаетъ ни памятью, ни разсудкомъ, то ужъ напередъ ясно, что партіи, слишкомъ добросовѣстныя и порядочныя, чтобы давать невыполнимыя для нихъ обѣщанія, попадаютъ въ очень скверное положеніе относительно огромной шайки безмозглыхъ крикуновъ, обладающихъ здоровыми легкими и эластичной совѣстью“.

И такъ, новый законъ долженъ былъ поставить представителей капиталистической и дворянской аристократіи въ такое положеніе, чтобы имъ не приходилось соперничать съ соціаль-демократами — „изъ за благорасположенія сладкой черни“, т. е. давать низшимъ классамъ обѣщанія, „невыполнимыя“ съ точки зрѣнія интересовъ plutократіи и „историческихъ сословій“. „Поправка къ общему избирательному праву“ должна была быть такого рода, чтобы парализовать одну изъ его непріятнѣйшихъ (а потому и крайне „несправедливыхъ“) для высшихъ классовъ сторонъ, именно необходимость для высоко „идеальныхъ“ представителей этихъ классовъ насиловать свою отнюдь не „эластичную“ совѣсть въ борьбѣ съ такими „безмозглыми“ „материалистами“, какъ соціаль-демократы.

Въ чемъ же, однако, состояло превосходство новаго закона надъ старымъ, которому вѣдь также предназначалась роль „регулятора“ общаго избирательнаго права? Отвѣтъ на этотъ вопросъ содержится, и въ мотивахъ, предпосланныхъ правительствомъ своему проекту, и въ парламентскихъ рѣчахъ его защитниковъ. „Въ пользу безрочнаго закона — заявилъ фонъ Куни, ораторъ національ-либераловъ при первомъ чтеніи его — говоритъ тотъ фактъ, что при нынѣшнемъ положеніи, лица, потерпѣвшія отъ закона, питаются надеждой на его устраненіе и въ виду этого укрѣпляютъ въ себѣ и въ другихъ духъ сопротивленія. Второе неудобство существующаго закона состоитъ въ томъ, что періодически повторяющіеся послѣ небольшихъ промежутковъ дебаты о немъ (въ рейхстагѣ) постоянно вызываютъ возбужденіе въ странѣ, и этимъ замедляютъ процессъ лѣченія болѣзни.“ Такими же соображеніями мотивировалъ превосходство новаго закона и представитель имперскаго правительства, министръ внутреннихъ дѣлъ въ Пруссіи, Герфуртъ. „Опредѣленіе срока — заявилъ онъ въ засѣданіи 23 Января — ослабляетъ дѣйствіе закона, порождаетъ по-

стоянную агитацію, и вмѣсто того, чтобы препятствовать ея возникновенію, непрерывно доставляетъ ей новую пищу. Союзныя правительства считаютъ, поэтому, настоятельно необходимымъ освободить законъ отъ этого недостатка, объявить его безсрочнымъ.... они полагаютъ, что тогда дѣйствіе его окажется гораздо болѣе сильнымъ.“

Въ переводѣ на болѣе популярный языкъ, цитированныя заявленія союзниковъ правительства означаютъ слѣдующее. Краткосрочный характеръ дѣйствующаго социалистическаго закона ограничиваетъ до нѣкоторой степени произволъ судовъ и администраціи въ примѣненіи его на практикѣ. Периодическіе дебаты въ рейхстагѣ о продолженіи его срока слишкомъ часто даютъ поводъ къ критикѣ дѣйствій властей, доставляютъ „постоянную пищу для агитаціи въ странѣ“ и этимъ самымъ стѣсняютъ рвеніе призванныхъ „охранителей общества и государства“. Между тѣмъ, при „чрезвычайной энергіи социаль демократовъ“ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, и „удивительной провицательности“, проявляемой ими въ дѣлѣ „эксплуатаціи недостатковъ нашего социальнаго развитія“ для этихъ цѣлей, только драконовскія преслѣдованія могли бы оказать имъ должное противо-дѣйствіе и доставить необходимую „поправку къ общему избирательному праву“. Но разъ исключительный законъ объявленъ будетъ безсрочнымъ, у судовъ и у администраціи отнята будетъ всякая узда: не стѣсняемые общественнымъ мнѣніемъ и „вѣчною агитаціей“, они смогутъ примѣнять постановленія закона со всею той строгостью, какая потребуется для обезпеченія побѣды на выборахъ элементамъ картеля, „слишкомъ добросовѣстнымъ“, чтобы давать народу „объщанія“, невыгодныя для богатыхъ буржуа и дворянъ.

Въ законопроектѣ былъ, однако, одинъ пунктъ, возбудившій разногласія въ средѣ самаго картеля. Я имѣю въ виду параграфъ, по которому лицу, высланному изъ мѣстности, объявленной въ осадномъ положеніи, воспрещалось возвращеніе туда даже и по снятіи осаднаго положенія. Юнкерская половина картеля, какъ представительница общественныхъ элементовъ, враждебныхъ не только социаль-демократіи, но и всеѣмъ социаль-политическимъ новшествамъ буржуазной цивилизаціи, нашла параграфъ объ административной высылкѣ на вѣчныя времена вполне соответствующимъ своимъ понятіямъ о „справедливости“, и потому, вмѣстѣ съ правительствомъ ни за что не хотѣла отказаться отъ него. Такъ какъ при томъ, главная масса избирателей дворянской партіи состоитъ изъ сельскаго населенія въ наиболѣе отсталыхъ мѣстностяхъ Германіи, то у нея и надобности особенной не было стѣсняться хотя бы минутными практическими соображеніями въ такомъ вопросѣ, который *пока непосредственно* могъ интересовать преимущественно только промышленный пролетаріатъ.

Далеко не такъ благопріятно было положеніе либеральной половины картеля въ этомъ случаѣ. Во первыхъ, само ея названіе и традиціи борьбы за политическую свободу обязывали ее къ соблюденію хотя нѣкоторыхъ приличій при совершеніи такого ультрареакціоннаго акта, какъ отмѣна *на неопредѣленное время* юридическаго

равенства для цѣлаго класса гражданъ. Кромѣ того, собственный интересъ настоятельно подсказывалъ этой партіи болѣе или менѣе стыдливое поведеніе въ данномъ вопросѣ, потому что въ противномъ случаѣ ей грозило крушеніе на выборахъ. Дѣло въ томъ, что главная масса ея избирателей сосредоточена въ городахъ и промышленныхъ районахъ, гдѣ имъ приходится конкурировать не только съ социаль-демократами, но и съ разными буржуазно-оппозиционными партіями — и если не первые, то по меньшей мѣрѣ послѣднія легко могли извлечь для себя большія выгоды изъ ея тактической ошибки. Поэтому, національ-либераламъ хотѣлось во что бы то ни стало устранить изъ правительственнаго законопроекта такой параграфъ, который придавалъ ему еще специфически отталкивающую и компрометирующую внѣшность. При томъ же, по сознанию самаго правительства, опытъ протекшихъ 11 лѣтъ показалъ, что административная высылка изъ городовъ, объявленныхъ подъ осаднымъ положеніемъ, способствовала только распространенію социалистической агитаціи по всѣмъ захолустымъ Германіи, въ то же время нисколько не ослабивъ ея въ главныхъ центрахъ. Ссылаясь на этотъ опытъ, національ-либералы доказывали, что спорный параграфъ не только излишенъ, но и прямо вреденъ. Консерваторы и правительство, тѣмъ не менѣе, твердо настаивали на немъ. Надѣялись однако, что коммисіи, назначенной рейхстагомъ для детальнаго обсужденія законопроекта, удастся уладить разногласія между обѣими половинами картеля. А консерваторы специально рассчитывали, повидимому, что въ промежутокъ между первымъ и послѣднимъ чтеніемъ закона правительство сумѣетъ создать такую нравственную атмосферу въ странѣ, которая облегчитъ національ-либераламъ принятіе спорнаго пункта.

Эльберфельдскій процессъ, начавшійся вскорѣ послѣ передачи правительственнаго проэкта коммисіи, предназначенъ былъ, очевидно, для созданія этой атмосферы. Больше 400 свидѣтелей привлечено было къ допросу и 88 человекъ (первоначально 128) обвинялись въ принадлежности къ *тайному общегерманскому* сообществу, во главѣ котораго стоятъ социалистическіе *депутаты рейхстага*. Обвиненіе направлено было, слѣдовательно, противъ *всей партіи*, и имѣло, между прочимъ, своей непосредственной цѣлью устраненіе съ поля избирательной борьбы всѣхъ видныхъ социалистическихъ агитаторовъ путемъ заключенія ихъ въ тюрьму. Но самая главная задача Эльберфельдскаго процесса должна была состоять въ доставленіи официозной прессы матеріала для возбужденія въ массѣ филистеровъ новой паники передъ краснымъ призракомъ, а національ-либераламъ — приличнаго предлога для вотированія за параграфъ объ осадномъ положеніи и „вѣчной“ административной высылкѣ.

Но, увы! Надежды реакціонеровъ не оправдались. Существованіе *общегерманскаго* тайнаго сообщества не было доказано, депутаты рейхстага, непосредственно привлеченные къ процессу (Бибель и Грилленбергеръ) были совсѣмъ оправданы. Но за то процессъ этотъ только снова обнаружилъ, при томъ въ большемъ масштабѣ, деморализующее дѣйствіе социалистическаго закона на

разные круги населенія, и главное, на самих охранителей существующаго порядка. „Вы компрометируете всю полицію!“ съ отчаяніемъ воскликнулъ прокуроръ, обращаясь къ одному изъ шпионовъ-подстрекателей, разоблачившему на судѣ характеръ ихъ дѣятельности. Нравственное пораженіе правительства на этомъ процессѣ было таково, что сами органы картеля, въ родѣ „Национальной Газеты“ завопили о зловредномъ вліяніи социалистическаго закона „въ настоящемъ его видѣ“. „Невозможно — писалъ тотъ же органъ національ-либераловъ вскорѣ по окончаніи Эльберфельдскаго процесса — многочисленную политическую партію, какой является социаль-демократія, предоставить *на домо* (dauegend) произволу административныхъ властей; такое положеніе дѣль неминуемо *должно* вести къ *самымъ дурнымъ политическимъ послѣдствіямъ*“. „Поставить политическую дѣятельность такой партіи, огромное значеніе (Bedeutbarkeit) которой... всѣми признается, въ безсрочную зависимость отъ произвола полиціи, значило бы обнаружить ослѣпленіе, порождавшее въ теченіе исторіи всѣ революціи.“ *)

Не смотря, однако, на такіе выводы изъ только-что упомянутаго процесса, официальные органы, включая и газеты національ-либераловъ, не переставали и по окончаніи его обрабатывать общественное мнѣніе въ желательномъ для нихъ направленіи; при этомъ реакціонеры надѣялись, что вотъ-вотъ явится на сцену какой нибудь фактъ, который послужитъ наглядной иллюстраціей для расписываемыхъ ими ужасовъ и облегчитъ картелю избирательную борьбу съ социальной демократіей. Особенно велики были расчеты ихъ на возникшія опять волненія среди углекоповъ на Рейнѣ. Поглощенные цѣликомъ избирательной агитаціей, передовые слои нѣмецкаго пролетаріата не были бы, разумѣется, въ состояніи оказать стачечникамъ необходимую поддержку — и имъ предстояло неминуемое пораженіе. На это-то и спекулировали „угольные бароны“, и потому самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушали условія мира, заключеннаго ими съ рабочими за полгода до того времени. Директора и собственники копей систематически провоцировали своихъ рабочихъ на стачку. Весьма вѣроятно, что очутившись въ беспомощномъ и отчаянномъ положеніи, стачечники не сумѣли бы противостоять провокаторскимъ попыткамъ шпионовъ и полиціи и, подали бы поводъ къ вооруженному вмѣшательству войскъ и къ объявленію военнаго положенія въ Рейнско-Вестфальскомъ районѣ. А такой фактъ уже легко было раздуть въ „страшную опасность“, угрожающую странѣ и привести его въ причинную связь съ якобы „безпрепятственнымъ“ развитіемъ „социаль-демократической гидры“. Но социалистическая фракція разрушила всѣ расчеты реакціонеровъ. Она указала руководителямъ углекоповъ на безнадежность стачки въ данный моментъ и выяснила имъ огромный вредъ, который она можетъ нанести рабочему движенію и социалистической партіи въ частности. И къ великой досадѣ газетъ „Кельнской“, „Сѣверо-Германской“ и ихъ собратьевъ, углекопы по-

*) Цитаты взяты изъ „Франкфуртской Газеты“ № 11 г. 90.

слушались совѣта социаль-демократическихъ депутатовъ и отложили стачку до болѣе благопріятнаго времени. „Послѣ выборовъ — съ негодованиемъ заявляли реакціонеры, социаль-демократы „заговорятъ другимъ языкомъ“. Этотъ исходъ возникшаго волненія въ средѣ углекоповъ имѣлъ еще и ту непріятную сторону для господствующихъ классовъ, что весьма наглядно показало, какой нравственный авторитетъ социалистическая партія успѣла уже приобрести и въ „наиболѣе здоровыхъ слояхъ рабочаго класса“.

Одной изъ характернѣйшихъ особенностей послѣдней избирательной борьбы въ Германіи является странное, на первый взглядъ, противорѣчіе въ тактикѣ имперскаго правительства относительно социаль-демократовъ. Въ парламентѣ оно отстаиваетъ вѣчный исключительный законъ противъ нихъ, отказываясь при этомъ отъ уступокъ даже своимъ вѣрнымъ союзникамъ. И въ то же время оно предоставляетъ социаль-демократамъ такую свободу (*относительно*, конечно) агитации, какой они не пользовались въ теченіе всего періода, протекающаго со времени изданія исключительныхъ законовъ. Противорѣчіе это объясняется очень просто. Тактикой этой правительство, во-первыхъ, хотѣло показать, что теперь уже не будетъ тѣхъ злоупотребленій въ примѣненіи исключительныхъ постановленій, какія встрѣчались при Пютткамерѣ. Это должно было послужить національ-либераламъ предлогомъ и оправданіемъ для уступки правительству въ известномъ параграфѣ. А во-вторыхъ — и это самое главное — относительная свобода агитации послѣ столькихъ лѣтъ стѣсненій и преслѣдованій, должна была, по расчетамъ реакціонеровъ, сопровождаться беспорядками въ рабочихъ собраніяхъ, беспорядками, которые своими внушительными размѣрами произведутъ отрезвляющее дѣйствіе на *массу* буржуазіи и ея представителей. Показавъ на практикѣ, какая перспектива улыбается „націи“, въ случаѣ отмены исключительныхъ законовъ противъ социальной демократіи, правительство рассчитывало этимъ самымъ, съ одной стороны, побудить буржуазные слои вотировать на выборахъ въ пользу картеля, а съ другой — доставить національ-либераламъ достаточный поводъ для того, чтобы они могли убѣдиться въ необходимости и „справедливости“ параграфа о безсрочной высылкѣ социалистовъ по произволу администраціи. Нечего и говорить, что социалистическая партія вполне воспользовалась такимъ благопріятнымъ моментомъ, но, конечно, постаралась при этомъ, чтобы надежды реакціонеровъ не оправдались. Упомяну только о двухъ рабочихъ манифестаціяхъ, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о размѣрахъ и характерѣ дѣятельности социалистовъ наканунѣ послѣднихъ дебатовъ въ рейхстагѣ объ увѣковѣченіи ихъ исключительнаго положенія въ странѣ.

Въ началѣ Января въ Любекѣ умеръ журналистъ Ведде, изгнанный изъ Гамбурга и поставленный тамъ въ третьемъ округѣ кандидатомъ въ рейхстагъ отъ социаль-демократовъ. Полиція дозволила перевести трупъ его въ Гамбургъ. Похороны происходили въ будни, такъ что рабочимъ приходилось изъ за нихъ терять заработокъ почти за цѣлый день. И тѣмъ не менѣе, больше 30,000 пролета-

ривъ оставили мастерскія и фабрики, чтобы почтить память литературнаго и политическаго борца за ихъ интересы. Отмѣтимъ кстати и тотъ фактъ, что *дома, лавки и магазины* въ тѣхъ улицахъ, по которымъ шла похоронная процессія, снаожены были траурными флагами и знаками — наглядное доказательство огромнаго вліянія соціаль-демократовъ во всѣхъ слояхъ населенія перваго по торговлѣ города Германія.

Вскорѣ послѣ этой манифестации въ томъ же городѣ состоялось собраніе, ораторомъ котораго объявленъ былъ Бебель. Хотя онъ уже съ 84 г. состоитъ депутатомъ I-го округа въ Гамбургѣ, но ему ни разу за все это время не разрѣшили говорить публично. Разсчитывая, поэтому, на чрезвычайный притокъ публики, организаторы собранія наняли самый большой залъ въ городѣ. По самому умѣренному счету въ немъ могутъ помѣститься 12-14 тысячъ человекъ. Дѣйствительность, однако, далеко превзошла всѣ ожиданія. Залъ оказался переполненнымъ уже за два часа до объявленнаго начала собранія — и отъ стремленія вновь прибывавшихъ толпъ проникнуть въ него легко могли возникнуть беспорядки и столкновенія съ полиціей. Но распорядители, назначенные организаціоннымъ комитетомъ для наблюденія за порядкомъ, сумѣли безъ особенныхъ усилій предупредить подобный исходъ. Не меньше 40,000 народу собралось въ прилежащихъ къ помѣщенію собранія улицахъ, и вся эта огромная масса терпѣливо выжидала окончанія его, чтобы только потомъ заявить свою солидарность съ Бебелемъ и съ соціально-демократической партіей.

Подобная агитация и собранія не могли оказать правительству желаемой услуги; наоборотъ, они только импонировали самимъ его союзникамъ, вносили въ ихъ ряды еще большія сомнѣнія относительно цѣлесообразности продолженія прежнихъ средствъ борьбы съ соціальной демократіей и порождали разстройство и нерѣшительность даже въ правящихъ кругахъ. Второе и третье чтеніе новаго соціалистическаго закона происходили за нѣсколько дней до распушенія рейхстага, уже въ самый разгаръ избирательной борьбы. Такимъ образомъ, послѣднія засѣданія его посвящены были всецѣло преніямъ о соціальной демократіи и представили собою въ концентрированномъ видѣ картину этой самой борьбы въ стѣнахъ законодательнаго собранія. Считаю, поэтому, нелишнимъ привести нѣкоторыя извлеченія изъ рѣчей главныхъ ораторовъ во время этихъ засѣданій.

Представитель имперскаго правительства почелъ необходимымъ обратить вниманіе парламента *въ особенности* на то обстоятельство, что соціалистическая партія угрожаетъ существованію не одной только монархіи, но — и даже въ еще большей степени — существованію современнаго общества. „Правда, соціальная демократія отличается антимонархическими тенденціями... ..тѣмъ не менѣе, она ставитъ удареніе не столько на послѣднихъ четырехъ слогахъ, сколько на первыхъ трехъ.*) Нападенія свои она главнымъ образомъ направля-

*) Нѣмецкое слово — sozial состоитъ изъ трехъ слоговъ.

еть противъ того, что она называетъ капиталистическимъ производствомъ ; въ виду этого, я полагаю, можно смѣло сказать : опасность грозитъ главнымъ образомъ *не правительствамъ* (мой куревъ), а *обществу*. представляемому этой высокой палатой, и партіямъ, предлагающимъ дальнѣйшія смягченія въ правительственномъ проэктѣ или требующимъ полного устраненія его. Къ вамъ я могу обратиться со словами: *tua res agitur* (о тебѣ рѣчь идетъ). Въ послѣднемъ номерѣ „С.-Д.“, въ статьѣ, написанной сравнительно спокойнымъ тономъ, сказано, что социальная демократія представляетъ собою „наиболѣе революціонную изъ всѣхъ партій, извѣстныхъ въ исторіи“; въ другомъ мѣстѣ говорится, что цѣли свои она стремится достигнуть... путемъ ностояннаго усиленія классовой борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей.... По моему социальная демократія отличается отъ всѣхъ другихъ политическихъ партій тѣмъ, что она враждебна самимъ основамъ современнаго государства, за которымъ она не признаетъ даже права на существованіе“. Въ виду этого невольно спрашивается : „не слѣдуетъ ли считать постановленія проэкта скорѣе черезъ мѣру мягкими, чѣмъ слишкомъ строгими?“

Вполнѣ въ духѣ министра говорилъ и глава консервативной партіи фонъ Гельдорфъ. „Дѣятельность агитаторовъ пріобрѣла силу, повсюду влекущую за собою величайшія опасности. Не забывайте также, что социальная демократія принимаетъ все болѣе интернаціональный характеръ. Вся промышленность и вся наша экономическая жизнь находится въ опасности, благодаря все большому и большому распространенію вліянія социальной демократіи на движеніе горныхъ рабочихъ.... Огромная масса сельскихъ рабочихъ сохранила еще въ себѣ здоровый смыслъ. Необходимо позаботиться о томъ, чтобы и они не заразились... Такъ какъ мы убѣждены, что и предлагаемый проэктъ въ цѣломъ слишкомъ мягко наказываетъ (за социалистическую агитацію), то мы будемъ вотировать противъ закона, *если* параграфъ о высылкѣ будетъ отвергнутъ.... И тогда — пригрозилъ ораторъ консервативной партіи — вопросъ этотъ будетъ выдвинутъ на первый планъ на аренѣ избирательной борьбы.

Центръ и „свободомыслящіе“ или по крайней мѣрѣ часть изъ нихъ были бы, конечно, въ душѣ рады увѣковѣчанію социалистическаго закона — еслибы оно состоялось *вопреки* ихъ оппозиціи. Это связало бы по рукамъ и ногамъ столь опаснаго политическаго конкурента, какъ социальную демократію, и въ тоже время дало бы имъ возможность выступить на выборахъ въ роли „истинныхъ и искреннихъ защитниковъ“ политической свободы. Но и въ случаѣ непріятія закона картельнымъ большинствомъ, осуществленіе угрозы реакціонера Гельдорфа принесло бы либерально-клерикальной партіи большія выгоды, такъ-какъ дало бы ей въ руки лишнее оружіе противъ картеля. А потому Виндгорстъ и могъ съ полной увѣренностью заявить-что его партія не боится аппелляціи къ избирателямъ, которою угрожаетъ Гельдорфъ. Наоборотъ, прибавилъ онъ, „мы вызвали бы противъ себя большую оппозицію (въ массѣ приверженцевъ центра, если бы поступили иначе“ (въ вопросѣ о социалистическомъ законѣ). Любопыт-

но, однако, какъ изъ подъ толстаго слоя фразъ о равноправности и т. д. центръ невольно вдругъ выставляетъ свое реакціонное ухо: „Именно благодаря вытѣсненію социаль-демократическихъ агитаторовъ изъ центровъ въ провинцію, намъ приходилось въ послѣднее время такъ много терпѣть отъ рабочаго движенія и до сихъ поръ угрожающаго намъ“. Противъ опасностей со стороны социальной демократіи ораторъ центра видитъ только одно средство — именно, предоставленіе школъ всецѣло въ руки духовенства и возвращеніе церкви (католической, конечно) ея прежнихъ привилегій. Впрочемъ, всѣ или почти всѣ ораторы, какъ картеля такъ и буржуазной оппозиціи не упускали случая въ рѣчахъ своихъ похвастаться своею любовью къ порядку, въ особенности къ рабочему классу, и наговорить много фразъ на счетъ „соціальныхъ реформъ“. „Я радъ — заявилъ Виндгорстъ, что Гельдорфъ поднялъ свой вліятельный голосъ, чтобы напомнить правительству о законодательствѣ въ пользу рабочихъ. Теперешній рейхстагъ не успѣетъ, конечно, сдѣлать что либо въ этомъ отношеніи. Но канцлеръ могъ бы еще съ трибуны рейхстага заявить, что первый законопроектъ, который правительство внесетъ въ новую палату, будетъ относиться къ защитѣ рабочихъ. Такое заявленіе произвело бы хорошее впечатлѣніе въ странѣ и быть можетъ принесло бы партіямъ картеля пользу на выборахъ, пожалуй, даже еще большую, чѣмъ слухи о войнѣ во время выборовъ изъ за септенната. Теперь дѣйствительно имѣется врагъ на лицо (социаль-демократія) — врагъ внутренній. Необходимо приступить къ рабочему законодательству; спеціально для этой цѣли новый рейхстагъ долженъ собраться уже 20-го Марта. Въ особенности это необходимо въ виду грандіознаго движенія, предпринимаемаго рабочими на всемъ свѣтѣ для исполненія резолюцій парижскаго конгресса“ (подразумѣвается предполагавшаяся всемірная манифестація рабочихъ 1-го мая въ пользу 8-и часоваго рабочаго дня).

Виндгорстъ прекрасно зналъ, что предлагаемаго имъ обѣщанія имперскій канцлеръ не сдѣлаетъ. Но не этого онъ собственно и добивался. Слова его обращены были „черезъ головы депутатовъ рейхстага“ къ избирателямъ и предназначались служить рекламой для ультрамонтановъ. Какъ я уже замѣтилъ, и рѣчи союзниковъ правительства унизаны были фразами о преданности рабочимъ, о необходимости дальнѣйшихъ соціальныхъ реформъ и т. д. Мы увидимъ, что они запѣли, когда появились извѣстные рескрипты Вильгельма II объ этихъ реформахъ. Но больше всего они негодовали на социаль-демократическихъ депутатовъ за то, что они однихъ только себя считаютъ представителями рабочаго класса и защитниками его интересовъ. Особенно энергично протестовалъ противъ этой дерзости министръ внутреннихъ дѣлъ, цитированной уже нами Геррфуртъ. „Противъ этого утвержденія — заявилъ онъ въ послѣднемъ засѣданіи рейхстага — необходимо, по моему мнѣнію, выступить самымъ рѣшительнымъ образомъ, каждый разъ, когда оно высказывается. Они *представители нѣмецкаго народа* в постольку они также представляютъ и нѣмецкихъ ра-

бочихъ, но отнюдь не въ *большой мѣрѣ и съ большимъ правомъ*, чѣмъ каждый изъ 388 депутатовъ рейхстага“.

„Даже въ томъ узкомъ ошибочномъ смыслѣ, въ какомъ социаль-демократическая фракція употребляетъ слово *рабочій* (понимая подъ нимъ только представителей физическаго труда) невѣрно, чтобы одни они были выбраны рабочими и призваны представлять ихъ интересы. Всякая другая партія въ этой высокой палатѣ имѣетъ среди своихъ избирателей такое же, или даже большее число рабочихъ, и если большинство социаль-демократовъ состоитъ изъ такихъ рабочихъ, то большая часть *последнихъ* никоимъ образомъ не находится въ рядахъ социаль-демократіи.

„Господинъ Бебель обходитъ этотъ непріятный для него фактъ утвержденіемъ, будто только *политически уже мыслящая, сознательная, образованная часть рабочихъ* принадлежитъ социаль-демократіи; но *оскорбленіе*, заключающееся въ этомъ утвержденіи для *нѣмецкихъ рабочихъ*, находитъ себѣ, если не оправданіе, то объясненіе въ преувеличенномъ самосознаніи его партіи.

„Господа, (обращаясь къ социалистическимъ депутатамъ) вы являетесь представителями не политически сознательной и образованной части рабочихъ, а только тѣхъ элементовъ, которые или сами натравляютъ (*hetzenden*) или натравлены другими. Потому то социаль-демократы придаютъ такое значеніе усилію и возбужденію недовольства въ массѣ; оно представляетъ собою жизненный элементъ, въ которомъ они процвѣтаютъ. Отсюда происходятъ ихъ симпатіи ко всякаго рода стачкамъ. Пользуясь оборотомъ, употребленнымъ Бебелемъ, я бы сказалъ: всякое стачечное движеніе представляетъ собою питательную почву, особенно благоприятную для процвѣтанія бацилла социаль-демократической агитаціи. Въ виду этого можно бы вамъ сказать: Вы не единственные представители *нѣмецкихъ рабочихъ*, но всегда вы являетесь представителями тѣхъ изъ нихъ, которые *не хотятъ работать*. Рискую утомить читателя цитатами, я все же долженъ сдѣлать еще одну изъ рѣчи національ-либерала Кулемана въ последнемъ засѣданіи рейхстага. Она дополняетъ собою вышеприведенный протестъ имперскаго правительства противъ претензій социаль-демократическихъ депутатовъ и въ тоже время резюмируетъ отчасти избирательныя возванія и тактику національ-либераловъ на *последнихъ выборахъ*. „Я уже по другому поводу — сказалъ ихъ ораторъ въ рейхстагѣ— обратилъ вниманіе на то печальное обстоятельство, что значительная часть рабочаго населенія и даже здоровые элементы его попались въ социаль-демократическія сѣти. Поэтому, полагаетъ Кулеманъ, спасеніе заключается въ томъ, чтобы отдѣлить эти элементы отъ социальной демократіи. Необходимо употребить всѣ усилія на то, чтобы „наши рабочіе взяли представительство въ свои собственные руки, а не довѣряли бы его партіи, которая не можетъ быть призвана къ осуществленію справедливой части ихъ стремленій и никогда не будетъ въ этомъ имѣть успѣха“.

Мы увидимъ, что въ то время, какъ Кулеманъ произносилъ эту тираду въ рейхстагѣ, его единомышленники стремились примѣнять ее

на практикѣ въ видѣ вербовки здоровыхъ элементовъ рабочаго класса для образованія „умѣренной рабочей партіи“, которая довѣрила бы свое представительство „національ-либераламъ“.

Посмотримъ теперь, какъ отвѣчали социалистическіе депутаты своимъ противникамъ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе Герфурта о безусловной враждѣ социальной демократіи къ современному государству, Бебель заявилъ, что именно она съ большей настойчивостью, чѣмъ какая либо другая партія охраняетъ, это государство противъ ретроградныхъ теченій и вождѣльнѣй реакціи. Соціалъ-демократы видятъ въ немъ, конечно, большіе недостатки и борются противъ нихъ, но въ тоже время они считаютъ его наиболее прогрессивнымъ изъ всѣхъ до него существовавшихъ государственныхъ формъ, а потому они самымъ энергическимъ образомъ противодействуютъ нападеніямъ консерваторовъ на современное государство и попыткамъ ихъ подкопать его основы съ тѣмъ, чтобы вернуть насъ къ давно прошедшимъ временамъ. „Если существуетъ какая нибудь точка соприкосновенія между воззрѣніями и интересами рабочихъ и социальной демократіи, съ одной стороны, и буржуазіи съ другой, — она заключается именно въ вопросѣ объ огражденіи новѣйшаго государства отъ нападеній реакціонныхъ партій. Мы и впредь будемъ способствовать его развитію. И чѣмъ скорѣе оно будетъ совершаться, тѣмъ пріятнѣе будетъ для насъ, потому что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ все болѣе и болѣе приближается моментъ, когда буржуазное государство, въ силу естественной необходимости, должно будетъ уступить свое мѣсто социалистическому государству и социалистическому обществу“.

Послѣднимъ изъ социалистическихъ ораторовъ во время дебатовъ объ исключительномъ законѣ говорилъ Либкнехтъ. Въ сжатой энергической формѣ онъ выразилъ точку зрѣнія своей партіи по главнымъ пунктамъ, затронутымъ противниками. Кроме того, рѣчь его представляетъ собою какъ бы экстрактъ избирательныхъ рѣчей послѣднихъ выборовъ. Я приведу наиболее интересныя мѣста изъ нея.

Обращаясь специально къ протесту Герфурта противъ „претензіи“ социалистической фракціи считать себя единственной представительницей рабочаго класса, Либкнехтъ отвѣчаетъ: „Да, — мы, дѣйствительно, представители рабочихъ, потому что они насъ избрали, и притомъ, наперекоръ желаніямъ и усиліямъ всѣхъ другихъ, гораздо болѣе сильныхъ партій, — вопреки всевозможнымъ реакціоннымъ мѣропріятіямъ. О рабочихъ же, избирающихъ насъ, наперекоръ давленію въ противоположномъ направленіи, наперекоръ всевозможнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, мы имѣемъ право сказать: это люди, имѣющіе убѣжденіе и характеръ и знающіе то, чего они хотятъ. Вы совершенно правы. И ваша партія въ значительной степени выбрана рабочими... Но это рабочіе, не дошедшіе еще до сознанія своихъ политическихъ и социальныхъ правъ. Мало того, избирательная статистика показываетъ, что на вашей сторонѣ почти въ десять разъ больше рабочихъ и бѣдняковъ, чѣмъ на нашей. Не кучка же князей, графовъ, помѣщиковъ и коммерціи совѣтниковъ доставила вамъ миллионъ голосовъ; ихъ дали вамъ рабочіе, не дошедшіе еще до понима-

нія своихъ классовыхъ интересовъ, позволяющіе вамъ тащить ихъ къ неразумное стадо къ избирательной урнѣ. Тѣ же, которые не составляютъ такого стада, т. е. рабочіе просвѣщенныхъ городовъ, Берлина, Гамбурга, Лейпцига, Хемница и т. д. — не имѣютъ ничего общаго съ вами, они видятъ въ Васъ своихъ враговъ, и ихъ то мы и представляемъ. Эти сознательные рабочіе, число которыхъ возрастаетъ изъ года въ годъ, отъ однихъ выборовъ до другихъ и которые, надѣмся, 20 февраля выступятъ противъ васъ съ *милліономъ*, съ полутара-милліонами голосовъ — они то и составляютъ цвѣтъ рабочаго класса Германіи и мы гордимся тѣмъ, что являемся ихъ представителями“.

„Впрочемъ, г. Геррфуртъ сдѣлалъ прекрасное открытіе, что только тѣ рабочіе на нашей сторонѣ, которые *не хотятъ работать* или по просту „праздношатающіеся“. *За это слово я Вамъ благодаренъ*, г. Геррфуртъ! Вы находитесь въ затрудненіи относительно избирательнаго пароля. Если бы мы были въ такомъ положеніи, Вы бы насъ теперь вывели изъ него. Какъ бы то ни было, слово это должно пойти въ ходъ, оно окажетъ въ избирательномъ движеніи гораздо большее дѣйствіе, чѣмъ Ваше „*Противъ соціальной демократіи и ея покровителей*“. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ будетъ заявлено: правительство, утверждающее, что оно можетъ разрѣшить соціальный вопросъ, разыгрывающее роль друга рабочихъ, это правительство объявляетъ устами одного изъ своихъ представителей въ рейхстагъ: рабочіе Берлина, Гамбурга, рабочіе всей Германіи достигшіе классоваго самосознанія, суть *праздношатающіеся, субъекты, избывающіе работы*. Хорошо, повторяю: мы Вамъ *благодарны!*“

„Далѣе г. Геррфуртъ думаетъ, что мы упускаемъ изъ виду *умственный трудъ* и суживаемъ понятіе труда до тѣсныхъ рамокъ грубо-матеріальной работы. Предлагаемъ г. Геррфурту немного ознакомиться съ природою и сущностью труда; онъ увидитъ тогда, что безъ участія мысли трудъ вообще невозможенъ. Только машина лишена мысли, рабочій же надѣленъ умомъ и употребляетъ его при работѣ. Вамъ, конечно, неприятно, что мысль его работаетъ. Будь у васъ возможность превратить рабочихъ въ бездушную машину, не было бы и соціальной демократіи, которая, разумѣется, въ концѣ концовъ справится съ вами, потому что соціальная демократія, г. Геррфуртъ, не принадлежитъ къ числу пресмыкающихся животныхъ, какъ вы это думаете, *) — (тѣхъ пресмыкающихся, по части разведенія и укрощенія которыхъ вы вполне компетентный человекъ), а вы все же не представляете собою Геркулеса, который насъ одолѣетъ. Съ такимъ псевдо-Геркулесомъ мы легко справимся. Вамъ угодно утверждать, что умственный элементъ недостаточно представленъ въ нашей партіи. Справьтесь же объ этомъ у члена аристократіи, обратившагося недавно съ рѣчью къ Вамъ. Это человекъ, вѣрующій еще въ идеалы, и подобно нѣкоторымъ представителямъ англійской аристок-

*) Геррфуртъ, въ своемъ отвѣтѣ Бебелю напомнилъ, что Геркулесъ все-таки убилъ Лернейскую гидру, не смотря на то что сначала на мѣсто каждой изъ ея головъ отросли двѣ новыя.

ратіи, понявшій глубоко нравственный, идеальный моментъ, заключающійся въ социальной демократіи и въ рабочемъ классѣ.“ *)

Либкнехтъ предлагаетъ Геррфурту провести параллель между молодежью высшихъ классовъ и молодыми рабочими. „Вообще сопоставьте духовную жизнь рабочихъ и ихъ враговъ. Рабочій преслѣдуетъ идеальныя, научныя цѣли. Повсюду, вы услышите среди рабочихъ толки о великихъ задачахъ нашего времени — вездѣ идеализмъ, научныя стремленія и серьезные нравственные интересы. А что вы встрѣчаете въ учащейся молодежи и вообще въ молодежи высшихъ классовъ, позволяющихъ себѣ смотрѣть на рабочихъ сверху внизъ? Ни что иное какъ крайній, бездушный матеріализмъ, самый низкопробный карьеризмъ и поклоненіе грубой силѣ, невиданное въ Германіи со времени тридцатилѣтней войны. Если у насъ въ Германіи сохранился еще идеализмъ, то мы обязаны этимъ социальной демократіи, единственной силѣ, способной спасти нашу культуру, которой грозитъ гибель со стороны *вотъ этихъ господъ* (консерваторовъ).

Пропускаю мѣста, въ которыхъ Либкнехтъ критикуетъ самый законопроектъ. Онъ переходитъ затѣмъ къ избирательному паролу картеля. *Противъ социальной демократіи и ея покровителей*. Этими словами, говоритъ онъ, вы констатируете свое собственное *умственное банкротство*. У васъ нѣтъ политической программы. Одно только умѣете вы повторять: мы *противники* социальной демократіи. Но въ чемъ же состоятъ ваши политическія требованія? Въ повышеніи цѣны хлѣба, въ *отнятіи пашъ у народа* и въ *подавленіи свободы*. Конечно, вы не можете громко заявить это. А между тѣмъ, вы насъ упрекаете въ томъ, что у насъ нѣтъ политической программы и что мы только отрицаемъ. Но что такое представляетъ собою ваша программа. какъ не чистѣйшее, безсодержательнѣйшее отрицаніе....

„Вы утверждаете, что социаль-демократы прячутъ свою настоящую программу, что они скрываютъ свои конечныя цѣли. Это полнѣйшая ложь; именно мы то и *говоримъ, чего мы хотимъ*. Одна только наша партія и высказываетъ открыто, къ чему она стремится. Я возвращаю Вамъ вашъ упрекъ: *Вы* не выступаете передъ избирателями съ вашей настоящей программой. *Вы* остерегаетесь сказать: мы желаемъ поднять цѣны на предметы первой необходимости и надѣть народу намордникъ. *Вы* благоразумно скрываете свои „конечныя цѣли“. Мы же никогда и нигдѣ не стѣснялись указывать на свои окончательныя цѣли о на ихъ послѣдствія“. Ораторъ резюмируетъ принципиальную часть социалистической программы и затѣмъ переходитъ къ „охранительной“ миссіи реакціонеровъ.

„Вы утверждаете, что на васъ лежитъ обязанность охранять общество и государство. Я уже прежде сказалъ: если наше государство и наше общество *нуждаются въ вашей защитѣ*, то они не стоятъ того, чтобы существовать, *Вы* не представляете собою, ни го-

*) Принцъ Каролякъ Шеффнахъ, членъ консервативной партіи, заявилъ, къ великому изумленію и огорченію своихъ политическихъ товарищей, что въ современномъ обществѣ зараженномъ „матеріализмомъ и карьеризмомъ“, одна только социаль-демократія считаетъ въ своихъ рядахъ „безчисленное множество идеалистовъ“ (курсивъ мой).

сударства, ни общества, вы имѣете на это такое же право, какъ извѣстный французскій король имѣлъ право сказать про себя: *государство это — я*“. Преступныя слова, за которыя пришлось отвѣчать его потому.... Я утверждаю, что социаль-демократы, по меньшей мѣрѣ, столь же полезные члены общества, какъ и вы. Нѣтъ—они во сто разъ полезнѣе тѣхъ, которые ихъ преслѣдуютъ и стараются выкинуть изъ общества и государства“.

„Еще одно слово о *социальномъ* вопросѣ. Государство должно взяться за его рѣшеніе, говорите вы. Прекрасно, мы охотно окажемъ вамъ свое содѣйствіе, лишь только вы сдѣлаете добросовѣстную попытку въ этомъ направленіи. Но въ своей послѣдней тронной рѣчи при открытіи прусскаго Ландтага представитель государственной власти, говоря о Рейнско-Вестфальской стачкѣ, сталъ всецѣло на сторону хозяевъ; отъ рабочихъ требуется тамъ безусловная покорность капиталу. А между тѣмъ, въ Маѣ прошлаго года пѣлась другая пѣсня. Тогда заговорили о *социальной монархіи*, стоящей *выше партій*, о королевской власти, которая будетъ защищать *бѣдныхъ*. Но въ томъ то и дѣло, что именно въ послѣдней *тронной* рѣчи заключается настоящая правда, здѣсь говорить *классовое государство*, являющееся въ то же время и государствомъ полицейскимъ... И эта *тронная* рѣчь окажетъ намъ *превосходныя* услуги въ избирательной агитаціи. Кстати, скажу тѣмъ господамъ (на правой сторонѣ) еще вотъ что: мы, конечно, боремся противъ *манчестерства*; но манчестерство полицейское въ тысячу разъ опаснѣе и ненавистнѣе намъ, чѣмъ *буржуазно-демократическое* манчестерство; первое господствуетъ теперь въ государствѣ (въ Германіи) и не только эксплуатируетъ рабочихъ, но еще и лишаетъ ихъ свободы...

„20-го февраля выскажутся избиратели. Вы надѣетесь уничтожить социальную демократію; вамъ это никогда не удастся, потому что социальная демократія *непобѣдима*. Социализмъ есть *наука* и въ то же время *религія*, — конечно, не въ догматическомъ смыслѣ, но какъ міросозерцаніе, охватывающее сердце, душу, словомъ, всего человѣка. Социализмъ воодушевляетъ его высшими идеалами, уничтожаетъ въ немъ страхъ передъ опасностями и толкаетъ его на всякія жертвы. Опираясь на науку социализмъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ религіей рабочихъ массъ и всѣхъ угнетенныхъ. Логика фактовъ и ваше собственное ослѣплѣніе дѣйствуютъ въ нашу пользу. Потому то мы съ бодрымъ духомъ вступаемъ въ избирательную борьбу. И если вы всѣ (обращаясь къ консерваторамъ и національ-либераламъ) дѣйствительно сомкнетесь въ тѣсныя ряды и вызовете кровопролитіе, если даже вамъ удастся — чему мы, конечно, будемъ всѣми силами противодѣйствовать — пустить въ ходъ *ружье* в *саблю* мы все же смѣло пойдемъ на васъ приступомъ и побѣдоносно будемъ двигаться впередъ. Если вамъ удастся опять, — какъ въ 1887 г. при помощи призрака войны — завлечь въ свои ряды буржуазію в часть крестьянства — все равно, вамъ это не поможетъ: мы чувствуемъ себя сильнѣе васъ... На нашей сторонѣ великое преимущество. Вы боитесь насъ, мы же васъ ничуть не боимся. Мы, социаль-демократы никого и ничего не боимся!“ . . .

Мы скоро увидимъ, что весь ходъ избирательной агитаціи представлялъ собою яркую иллюстрацію къ заключительнымъ строкамъ рѣчи Либкнехта, и специально къ словамъ : „вы насъ боитесь“.

(Статья вторая слѣдуетъ)

П. Аксельродъ.

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

**ТРЕХМѢСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ**

КНИГА ТРЕТЬЯ

Декабрь

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТА“. Route de Lancy, 505

1890

Содержаніе.

	Стр.
РУССКІЙ РАБОЧИЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.	
Г. Плеханова.	4
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. И. Засуличъ	36
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (Статья третья). Г Плеханова	71

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ СО ВРЕМЕНИ	
КОММУНЫ. Ж. Гэда.	1
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ	
И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ	
РЕЙХСТАГЪ. П. Аксельрода	22
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.	41
ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ	74
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ	101
ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ РОССІИ : I. Реформы на Карѣ. II. Письмо	
изъ Сибири. III. Аресты и преслѣдованія	126
АРЕСТЪ ЛУЦКАГО ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.	131
Ц. ДЕ ПАИЪ (некрологъ). К. А. ВАРШЕХОВСКІЙ (некрологъ)	134
П. А. ОРЛОВЪ (некрологъ)	135

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Соціальной-Демократіи

И

ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ РЕЙХСТАГѢ

(СТАТЬЯ АВТОРА.)

Мы закончили свой очеркъ въ предъидущей книжкѣ нашего журнала рѣчью Либкнехта, закончившаго, какъ помнитъ читатель, словами, обращенными къ членамъ картеля: Мы чувствуемъ себя сильнѣе васъ. На нашей сторонѣ великое преимущество. Вы боитесь насъ, мы же васъ ничуть не боимся.... Мы замѣтили по поводу этого обращенія вождя нѣмецкой соц.-демократіи къ правительственнымъ партіямъ, что весь ходъ избирательной агитаціи представляетъ собою яркую иллюстрацію спеціально къ заключительнымъ словамъ его: „вы насъ боитесь“. Но и пренія въ парламентѣ объ анτισоц. законѣ и поведеніе правительства наканунѣ и при закрытіи рейхстага въ достаточной мѣрѣ подтвердили справедливость этихъ словъ.

Окончательное вотпрованіе правительственнаго проэкта происходило 25 января, въ день послѣдняго засѣданія прежняго рейхстага. Но едва ли ктонибудь изъ депутатовъ могъ бы за часъ до его распущенія съ увѣренностью предсказать судьбу этого проэкта. Соглашеніе относительно параграфа объ административной высылкѣ между партіями картеля достигнуто не было. Но обѣ половины картеля все надѣялись, что вотъ вотъ появится Бисмаркъ и своимъ авторитетнымъ вмѣшательствомъ уладитъ ихъ споръ. Національ-либералы очень охотно пошли бы на такой, примѣрно, компромиссъ: предоставить полиціи право высылки, но только на опредѣленный срокъ. Злые языки говорятъ даже, что въ концѣ концовъ, они, вопреки своимъ

декламациямъ, совсѣмъ таки уступили бы своимъ консервативнымъ союзникамъ, но что для этого нужно было, чтобы на трибунѣ появился самъ Бисмаркъ и показалъ имъ необходимость этой „жертвы“ съ ихъ стороны, какъ единственнаго средства предохранить общество и государство противъ опасностей, угрожающихъ имъ со стороны социаль-демократіи. Съ часу на часъ, или вѣрнѣе, съ минуты на минуту, ждали бѣдные либералы прихода желѣзнаго канцлера, въ надеждѣ, что онъ не оставитъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ, точнѣе Лакеевъ, въ безвыходномъ положеніи и предложитъ имъ какой нибудь компромиссъ или, по крайней мѣрѣ, устроитъ имъ приличное отступление. Съ другой стороны, и консерваторы уступили бы, разъ правительство пожелало бы этого. До послѣдней минуты ждали они хоть какого-нибудь намека въ этомъ смыслѣ. Но напрасно.

Дѣло въ томъ, что и въ правительственныхъ сферахъ не было единства и опредѣленности по вопросу объ отношеніи къ рабочему движенію вообще и къ социалистическому закону въ частности. Уже во время Рейнско-Вестфальской стачки въ этихъ сферахъ возникли разныя, болѣе или менѣе взаимно противоположныя, теченія по „рабочему вопросу“, и борьба между ними естественно вносила нерѣшительность и противорѣчія въ тактику правительства относительно социальной демократіи. Я уже упомянулъ о сравнительной свободѣ агитаціи въ послѣднее время. Но какъ бы само испугавшись послѣдствій своего поведенія, правительство вдругъ назначило выборы на 20 февраля, день, въ который истекалъ только срокъ дѣятельности функционировавшаго рейхстага. А между тѣмъ, послѣднему предстояло еще окончательное обсужденіе нѣсколькихъ очередныхъ вопросовъ, между прочимъ, -- второе и третье чтеніе социалистическаго закона^а. Такимъ образомъ, легко могло случиться, что старому рейхстагу пришлось бы еще засѣдать наканунѣ или даже въ самый день выборовъ новаго. Это противорѣчило всѣмъ исконнымъ парламентскимъ обычаямъ, и потому всѣ увидѣли въ неожиданномъ назначеніи выборовъ избирательный маневръ со стороны правительства, рассчитанный на то, чтобы по возможности сократить періодъ избирательной борьбы и помѣшать парламентскимъ вождямъ оппозиціи, особенно социалистамъ, принять непосредственное участіе въ ней. А національ-либералы увидѣли даже въ этомъ избирательномъ маневрѣ средство избавить ихъ депутатовъ отъ непріятной необходимости оправдываться передъ избирателями въ своемъ вотѣ относительно социалистическаго закона. „Теперь“ — съ наивной откровенностью писали „Гамбургскія Извѣстія“ — можно будетъ затянуть рѣшеніе этого вопроса до кануна выборовъ, т. е. оставлять его висѣть въ воздухѣ до того момента, когда уже поздно будетъ эксплуатировать его въ избирательной борьбѣ“ и національ-либеральнымъ депутатамъ не придется „отвѣчать за свой вотъ передъ своими избирателями“. Само собою разумѣется, что правительственный маневръ оказался для либераловъ не болѣе какъ соломинкой, за которую они съ отчаянія ухватились. Онъ только побудилъ представителей клерикальной и „свободомыслящей“ оппозиціи еще съ большимъ усердіемъ „эксплуатировать“ въ свою пользу вопросъ о социалистическомъ законѣ.

Между тѣмъ, неожиданное назначеніе выборовъ на 20 февраля только внушило партіи картеля ошибочную увѣренность въ томъ, что правительство твердо рѣшилось провести свой проэктъ, хотя бы и съ нѣкоторыми уступками относительно спорнаго пункта. На дѣлѣ же оно вплоть до распущенія рейхстага само не знало, какъ быть, на что рѣшиться. 24 и 25 января государственный совѣтъ собирался три раза подъ предсѣдательствомъ императора и ни къ чему положительному не пришелъ. Поэтому то канцлеръ и не являлся въ рейхстагъ, чтобы своимъ авторитетомъ произвести на рѣшившихся самостоятелно дѣйствовать національ-либераловъ давленіе, котораго они сами такъ жаждали. И волей-неволей пришлось имъ на этотъ разъ остаться „непреклонными“ въ своей оппозиціи, и вотировать противъ всего параграфа объ административной высылкѣ. Консерваторы, въ свою очередь, истолковывали молчаніе правительства въ смыслѣ солидарности его съ ихъ „убѣжденіемъ“ въ томъ, что безъ спорнаго параграфа законъ не будетъ имѣть никакого значенія. Кромѣ того, они руководились анархическимъ девизомъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Недаромъ одинъ изъ вожаковъ реакціонеровъ, бывший министръ Путткамеръ, заявилъ въ одномъ собраніи вскорѣ послѣ распущенія рейхстага, что по всей вѣроятности социалистическій законъ совсѣмъ не будетъ возобновленъ и что тогда „малое осадное положеніе должно будетъ уступить мѣсто большому осадному положенію, а параграфъ 28 прійдется замѣнить пушками“. Вѣроятно, въ виду этой перспективы, консерваторы послѣ вѣта національ-либераловъ соединились со всѣми противниками правительственнаго проэкта и сообща съ ними провалили его цѣликомъ. Консерваторы однако, ошибались, воображая, что правительство послѣдовательно и безусловно держится ихъ точки зрѣнія въ вопросѣ о социалистическомъ законѣ. Разногласія и нерѣшительность, господствовавшія въ правительственныхъ сферахъ относительно этого закона, съ особенной ясностью отразились въ содержаніи тронной рѣчи, прочитанной императоромъ передъ депутатами при распущеніи рейхстага. Въ ней много говорилось о заслугахъ рейхстага въ области „соціальныхъ реформъ“ на пользу трудящихся классовъ и высказывалось убѣжденіе, что „хотя многое остается еще сдѣлать въ этой сферѣ“ (курсивъ мой), народъ, тѣмъ не менѣе, не забудетъ участія парламента въ томъ, что уже осуществлено. Императоръ выражалъ также увѣренность, что будущій рейхстагъ поддержитъ его въ стремленіи дальше развивать „соціальную политику“ съ тѣмъ, чтобы „доказать рабочимъ классамъ, что сердце законодательныхъ властей исполнено теплаго сочувствія къ ихъ интересамъ и справедливымъ желаніямъ“. Только о социалистическомъ законѣ, составлявшемъ, по выраженію одной ультрамонтанской газеты, „важнѣйшую задачу послѣдней сессіи“, ни словомъ не упоминалось въ тронной рѣчи. Фактъ этотъ поразилъ всѣ партіи и указывалъ на то, что само правительство признаетъ за результатомъ преній о социалистическомъ законѣ значеніе моральной побѣды соціальной демократіи и считаетъ его предвѣстникомъ избирательнаго пораженія картеля. Можно было даже подумать, что Вильгельмъ II и его ближайшіе совѣтники не желаютъ, чтобы ихъ считали инициаторами и защитниками этого закона. Но

въ такомъ случаѣ, это значило, что творецъ картеля и глава правительства, желѣзный канцлеръ, уже до исхода избирательной борьбы потерялъ свой авторитетъ и вліяніе на императора...

Все это естественно дѣйствовало деморализующимъ и еезорганизирующимъ образомъ на господствующія партіи. „Никакими фразами“, писала враждебная социалистамъ ультрамонтанская „Германія“ „нельзя замаскировать тотъ фактъ, что правительственная политика и картель потерпѣли крушеніе на важнѣйшей задачѣ этой сессіи и что картель пошелъ при этомъ ко дну“. Партіи картеля „вступаютъ теперь въ избирательную борьбу разбитыми и надломленными, какъ вслѣдствіе раскола въ своей собственной средѣ, такъ и вслѣдствіе отсутствія полного согласія съ правительствомъ“. Справедливость этого замѣчанія органа ультрамонтановъ наглядно подтверждается всей тактикой и всѣмъ поведеніемъ правительства и картеля въ самый разгаръ избирательной борьбы, официально начавшейся со времени объявленія дня выборовъ и достигшей своего апогея въ послѣднія недѣли, когда старый рейхстагъ былъ уже распущенъ. Какъ ни интересны подробности этой борьбы, мы на нихъ останавливаться здѣсь не можемъ. Для нашей цѣли достаточно будетъ отмѣтить факты, особенно рельефно характеризующіе тактику и взаимныя отношенія правительства и картеля съ одной стороны, и социальной демократіи съ другой.

Въ то время какъ въ парламентѣ и внѣ его дебатировался законъ противъ социалистовъ, національ-либеральная пресса усиленно пропагандировала мысль объ образованіи „реформаторской (т. е. антиреволюціонной, или проще, реакціонной) рабочей партіи“, „свободной отъ всякихъ социаль-демократическихъ, анархическихъ и космополитическихъ тенденцій“. О характерѣ и приемахъ дѣятельности „либеральной интеллигенціи“ въ этомъ направленіи даютъ нѣкоторое понятіе правила, выработанныя ея представителями на конфиденціальному собраніи во Фрейбургѣ (Баденъ). Тамъ рѣшено было, чтобы либералы попарно посѣщали рабочіе трактиры и „въ снисходительномъ тонѣ“ вели разговоры съ рабочими. Особенное вниманіе слѣдовало обращать на *мастеровъ* и *надсмотрщиковъ*, при помощи которыхъ рассчитывали дѣйствовать на индифферентные и наиболѣе зависимые слои рабочихъ. Затѣмъ рекомендовалось не скупиться на пиво и, если понадобится, не брезгать пить съ „представителями народа“ на ты. Въ такомъ же духѣ должна была вестись „агитація“ въ средѣ крестьянъ и сельскихъ рабочихъ.

Плодомъ такого хожденія либераловъ въ народъ было образованіе — покрайней мѣрѣ, на бумагѣ — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „рабочихъ обществъ“ подъ знаменемъ либерализма. Была основана также національ-либеральная „Рабочая Газета“, просуществовавшая, какъ кажется, очень недолго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ либералы даже выступили съ „рабочими кандидатурами“ для городскихъ думъ и рейхстага. И вотъ такими-то путями имъ удалось осуществить въ Дармштадтѣ „рабочій союзъ“, заявившій о своемъ существованіи слѣдующимъ воззваніемъ: „Почему бы нѣмецкому рабочему не быть настоящимъ добрымъ нѣмцемъ, проникнутымъ лю-

бовью къ императору и отечеству? Зачѣмъ искусственно искоренять у него любовь къ родинѣ....

„Что принесла съ собой многолѣтняя дѣятельность социаль-демократовъ, кромѣ раздраженія и одичанія?.. ....Одни только профессиональные агитаторы имѣютъ отъ нея пользу: не *будучи сами рабочими*, они живутъ преимущественно на гроши послѣднихъ. Пора рабочимъ, желающимъ порвать связь съ этими празднопшатающимися господами.... собраться съ духомъ и открыто объявить себя противниками подстрекателей“.

Сголь же характерно воззваніе, съ которымъ бывшій революціонеръ (40-ыхъ годовъ) Марръ обратился къ „социаль - демократическимъ рабочимъ: „Одинаковыя причины, сказано въ этомъ воззваніи, порождаютъ одинаковыя послѣдствія. Предавая социализмъ евреямъ, мы сдѣлаемъ то, что и онъ, подобно политикѣ 48 г., сдѣлается добычей (*Don't pe*) евреевъ. И если мы допустимъ возможность удачной социальной реформы, (должно быть „революція“ хотѣлъ онъ сказать), т.е. президентъ красной социаль-демократической республики окажется олицетвореніемъ понятія Ротшильдъ и Ко, и социаль-демократическіе рабочіе совершенно также будутъ социалистически эксплуатиремы евреями, какъ мы, старики 48-го года....

„Я не намѣреваюсь сдѣлать васъ антисемитами; я хочу только, опираясь на нашъ (людей 48 г.) опытъ политическихъ сношеній съ евреями, подать вамъ благой совѣтъ: обходитесь безъ евреевъ! Въ противномъ случаѣ вы будете только работать на евреевъ. ...Я, революціонеръ 48 года, говорю вамъ въ качествѣ социалиста я предпочелъ бы вступить въ союзъ съ чертомъ и его бабушкой, чѣмъ съ Коганомъ, Леви, Итцпкомъ“.

Едва ли кто-нибудь изъ политически образованныхъ людей, не безусловно ослѣпленныхъ эгоизмомъ и предрасудками высшихъ классовъ, могъ обольщаться надеждами на результаты демагогической агитаціи, обращенной которой мы представили. Классовое сознание нѣмецкихъ рабочихъ такъ далеко подвинулось впередъ, что ихъ уже не собьешь съ революціоннаго пути ни явно реакціонными воззваніями, ни замаскированными реакціонными декламациями, приправленными социалистической фразеологіей. Гораздо основательнѣе были расчеты либерально-реакціонныхъ партій на массу буржуазныхъ и мелкобуржуазныхъ филистеровъ. Слѣдовало только надлежащимъ образомъ разрисовать имъ опасности, которыми красный призракъ непосредственно угрожаетъ семьѣ, религіи, а главное собственности.

„Всякій, кто хочетъ, чтобы общество владѣло дѣйствительными средствами самообороны противъ грубыхъ, антикультурныхъ, разрушительныхъ тенденцій, всякій, кто желаетъ, чтобы прекратилось, наконецъ, движеніе по наклонной плоскости лести народу, боготворенія черни и апофеоза глупости, — писала либеральная „Кельнская Газета“, тотъ по необходимости пристаетъ къ картелю... Ибо въ одномъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, именно, что социальная демократія разрастается до такихъ размѣровъ, которые должны испугать и заставить глубоко призадуматься всякій серьезный умъ, преданный культурнымъ идеаламъ человечества“.

„Торжество сторонниковъ красной, не признающей отечества, партіи переворота, — говоритъ въ своемъ воззваніи одинъ либеральный избирательный комитетъ — подвергло бы чрезвычайной опасности внутренній и внѣшній миръ, могущество и благосостояніе германской имперіи. Соціальная демократія не имѣетъ сердца и лишена всякаго чувства по отношенію къ нашему нѣмецкому отечеству. Она ненавидитъ его силу и величіе гораздо больше, чѣмъ самый злой врагъ нашъ. Соціальная демократія не признаетъ Бога. Она хочетъ *разрушить святость семейныхъ узъ. Она осмываетъ супружескую вѣрность* и стремится водворить на ея мѣсто *безстыдное распутство*. Она желаетъ *насилъственно отнять дѣтей отъ родителей* и содержать ихъ въ большихъ воспитательныхъ домахъ.....Нашъ избирательный округъ охранитъ себя отъ позора явиться сторонникомъ этихъ печестивыхъ стремленій. Противъ этого натиска на все, что намъ, нѣмцамъ, свято и дорого, намъ необходимы вся сила и все величіе нашей имперіи, нашихъ законовъ, и дружная самооборона всѣхъ преданныхъ имъ избирателей въ день 20 февраля“.

Въ избирательномъ воззваніи 6-го избирательнаго округа Ганновера находимъ слѣдующія строки: „Съ 1-го мая 90 года частная собственность уничтожается, все имущество каждаго гражданина должно быть передано въ центральную государственную кассу. . . . .
...Всѣ существующіе законы отмѣняются.... ....Таковъ былъ бы, любезный читатель, правительственный указъ, если бы соціаль-демократія получила теперь господство“.

Такъ держались правительственныя партіи своего пароля: „*противъ соціальной демократіи!*“

Вскорѣ послѣ распушенія рейхстага министерство торговли и промышленности перешло отъ Бисмарка къ Берлепшу, оберпрезиденту Рейнской провинціи. Послѣдній занималъ во время стачки углекоповъ второстепенную должность въ Вестфалии и тогда же получилъ повышение за то, что предпочелъ политику уступокъ репрессивнымъ мѣрамъ. Назначеніе его министромъ указывало на намѣреніе императора видопзмѣнить тактику борьбы съ соціальной демократіей, въ смыслѣ „хрстіанско-соціальныхъ“ тенденцій. Это уже само по себѣ равносильно было отступленію правительства передъ непріателемъ. Но вотъ 4-го февраля появились рескрипты Вильгельма II на имя Бисмарка и новаго министра торговли. Въ первомъ рескриптѣ императоръ поручалъ Бисмарку вступить съ правительствами промышленныхъ странъ въ переговоры о созваніи международной конференціи въ Берлинѣ для выработки интернаціональныхъ договоровъ по рабочему законодательству. При этомъ цѣлью конференціи составлялось разсмотрѣніе именно тѣхъ требованій, „которыя уже составляютъ предметъ интернаціональныхъ переговоровъ рабочихъ этихъ странъ“, и тѣхъ жалобъ и стремленій, „которыя проявились въ послѣдніе годы въ стачкахъ и другими путями“. Въ рескриптѣ на имя министра торговли Вильгельмъ заявлялъ о созваніи государственнаго совѣта подъ его предсѣдательствомъ съ участіемъ свѣдущихъ лицъ для обсужденія желаній рабочихъ въ области государственной защиты ихъ противъ произвола капиталистовъ. „Это

обсужденіе должно исходить изъ того положенія, что государственная власть обязана регулировать время, продолжительность и способъ работы такимъ образомъ, чтобы обезпечены были здоровье, требованія нравственности, экономическія потребности рабочихъ и ихъ стремленія къ законной *равноправности* (курсивъ мой)“. Далѣе указывалась необходимость учрежденія представительныхъ органовъ рабочаго класса для отстаиванія его интересовъ передъ хозяевами и органами правительства. „Такое учрежденіе дастъ рабочимъ возможность свободно и мирно выражать ихъ желанія и жалобы, а правительству — знакомиться съ положеніемъ вещей и съ стремленіями рабочихъ.“

Кто хоть бѣгло слѣдилъ за европейской прессой въ періодъ послѣдней избирательной борьбы въ Германіи, тотъ припомнитъ, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвели императорскіе рескрипты на нѣмецкую буржуазію, а отчасти и на высшіе классы другихъ странъ. Общественное мнѣніе цивилизованнаго міра увидѣло въ этихъ рескриптахъ „капитуляцію“ высшаго представителя государственной власти передъ соціальной демократіей „прежде избирательнаго сраженія“. „Соціальная политика“ Бисмарка по отношенію къ рабочимъ представляла собою смѣсь полицейской опеки и манчестерства и не шла дальше сферы регулированія пособія имъ въ старости, болѣзни и при потерѣ способности работать. О защитѣ рабочихъ, какъ продавцевъ своего времени и труда предпринимателямъ, Бисмаркъ и слушать не хотѣлъ, а идею международныхъ договоровъ въ области рабочаго вопроса онъ считалъ вредной химерой. Еще въ 72 году въ Эрфуртѣ было запрещено собраніе, на которомъ должно было говориться о минимальномъ рабочемъ днѣ. Для доказательства необходимости увѣковѣченія закона противъ соціалистовъ, реакціонеры приводили, между прочимъ, рѣшеніе нирнзскаго конгресса интернаціональной соціальной-демократіи и агитацію, производившуюся въ Германіи въ пользу этихъ рѣшеній. И вдругъ, черезъ какую нибудь недѣлю послѣ распушенія рейхстага, похоронившаго правительственный законопроектъ противъ соціалистовъ, въ самый разгаръ избирательной агитаціи, на полѣ борьбы является императоръ съ „оружіемъ, взятымъ изъ арсенала соціальной демократіи“, въ надеждѣ тѣмъ успѣшнѣе побороть ее. Но этимъ самымъ онъ наносилъ поражение прежней правительственной системѣ, носителемъ которой былъ Бисмаркъ, и въ то же время официально констатировалъ, какъ справедливость соціальной-демократической критики „соціальныхъ реформъ“ истекшаго десятилѣтія, такъ и вліяніе соціалистической партіи въ Германіи на политку правящихъ сферъ.

Эта сторона рескриптовъ слишкомъ бросалась въ глаза, чтобы не быть замѣченной буржуазной прессой и не произвести смятенія въ средѣ господствующихъ партій. „О томъ, — писалъ берлинскій корреспондентъ капиталистической „Новой Цюрихской Газеты“ — „чтобы соціальной-демократія потеряла (вслѣдствіе рескриптовъ) голоса, и думать нечего. Она съ полнымъ правомъ можетъ утверждать, что оба указа суть плодъ рабочаго движенія. Это, конечно, фактъ непріятный и его будутъ отрицать; но онъ, однако, несомнѣненъ. Поэтому...

для правительства будетъ уже большой выигрышъ, если число социаль-демократическихъ голосовъ хоть не увеличится на этотъ разъ. Одиъ изъ самыхъ вліятельныхъ органовъ крупной французской буржуазіи, Temps, писалъ, что „соціалистическая партія могла бы даже почерпнуть ободренія для себя въ томъ фактѣ, что правительство, для борьбы съ нею, заимствуетъ у ней одно оружіе за другимъ.“

Въ томъ же смыслѣ, но съ гораздо болѣе тревожнымъ чувствомъ, отнеслись почти всѣ органы картеля къ „соціально-реформаторскимъ“ рескриптамъ. Они забыли о своихъ народолюбивыхъ фразахъ, о своихъ прозектахъ образованія „монархической“, „національной“ „реформаторской рабочей партіи“. Берлинская „Post“ указывала отъ имени капиталистовъ на „серьезную опасность“ проектировавшихся въ рескриптахъ рабочихъ комитетовъ. Опасность эту она видѣла въ томъ, что представительныя учрежденія рабочихъ „могутъ превратиться въ организацию“ „соціально-демократовъ“. Кельнская Газета, „Гамбургскія Извѣстія“, „Рейнско-Вестфальская Газета“ — специальный органъ „угольныхъ бароновъ“ — въ одинъ голосъ вопили о томъ, что императорскіе рескрипты прежде всего послужатъ на пользу социальной демократіи. Впрочемъ, „Гамбургскія Извѣстія“ сопровождали свои іереміады утѣшеніями, что рескрипты проложатъ пути къ „отдѣленію рабочей партіи отъ социальной демократіи.“ По мнѣнію этой газеты партіи порядка должны были всѣми силами стараться вызвать это раздѣленіе, отъ котораго такъ много зависитъ.

Но всѣ подобныя утѣшенія нисколько не устранили „удручающаго дѣйствія рескриптовъ“ на высшіе слои буржуазіи.

„Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ настроеніемъ социаль-демократовъ, — писала Кельнская газета — тотъ напередъ увѣренъ, что указы ни одного изъ нихъ не побудятъ отказаться отъ партіи переворота. Наоборотъ, тѣсно сомкнутыми рядами пойдутъ они въ день выборовъ къ избирательной урнѣ и подадутъ голоса за своихъ представителей“.

Дѣйствительно, „настроеніе социаль-демократическихъ рабочихъ“ было таково, что исключало всякую мысль о переходѣ хоть бы „одного изъ нихъ“, подъ вліяніемъ императорскихъ обѣщаній „на сторону порядка“. Въ этомъ отношеніи очень характерно поведеніе рабочаго, привлеченнаго въ государственный совѣтъ въ качествѣ „свѣдущаго человѣка“. Никто не имѣлъ понятія, къ какой партіи онъ принадлежитъ. Агенты правительства постарались найти среди берлинскихъ рабочихъ личность, ничѣмъ не выдававшуюся, человѣка массы въ полномъ смыслѣ слова, и были, повидимому, увѣрены въ его политической благонадежности. И вдругъ, когда словоохотливый императоръ, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ, бросилъ нѣсколько ругательныхъ словъ по адресу социаль-демократовъ, „свѣдущій человѣкъ“ изъ рабочей среды всталъ и заявилъ: „Ваше величество, я самъ социаль-демократъ тѣломъ и душой!“ Не смотря на это „дерзкое заявленіе“, его, наравнѣ съ прочими членами государственнаго совѣта, пригласили къ императорскому столу; и тамъ Вильгельмъ опять вступилъ съ нимъ въ споръ: „Почему вы (вообще ра-

бочіе) довѣряете социалистическимъ агитаторамъ?“ „А почему же намъ не довѣрять имъ, вѣдь мы ихъ сами выбираемъ: если они не оправдаютъ нашего довѣрія, мы всегда можемъ лишить ихъ его“.

Получивъ еще нѣсколько отвѣтовъ въ такомъ же родѣ, раздосадованный Вильгельмъ съ негодованіемъ воскликнулъ. „Такъ чего же вы хотите отъ меня? Развѣ посадить мнѣ Бебеля на престолъ?!“. Онъ не даромъ сердился: если такъ говорить съ нимъ выбранный его же слугами рабочій, то не трудно было составить себѣ понятіе о настроеніи массъ, находящихся подъ влияніемъ социальной демократіи.

Рескрипты императора еще болѣе обнаружили разногласія, существовавшія въ правительственныхъ сферахъ по вопросу о системѣ борьбы съ социальной демократіей. вмѣстѣ съ тѣмъ, они ставили въ очень щекотливое положеніе либерально-реакціонныхъ союзниковъ правительства, такъ часто декламировавшихъ о социальныхъ реформахъ и о своей любви къ рабочимъ классамъ. Ропотъ и интересы представляемыхъ ими классовъ заставляли ихъ стать въ отрицательное отношеніе къ реформамъ, возвышеннымъ главою государства. За то центръ и „свободомыслящіе“ объявили себя солидарными съ новой „социальной политикой“. Мало того „свободомыслящіе“, которые въ качествѣ нѣмецкихъ манчестерцевъ, никогда не грѣшили симпатіями къ государственному вмешательству въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, вдругъ оказались (по ихъ словамъ) чуть не единственнымъ или главными виновниками социальнореформаторскихъ плановъ императора.

Такимъ образомъ, благодаря избирательной тактикѣ правительства и союзныхъ съ нимъ партій, поле избирательной борьбы превратилось въ арену для агитаціи и дебатовъ о рабочемъ вопросе вообще и социальной демократіи въ частности. Популярность этой послѣдней все болѣе и болѣе возрастала. „Побѣдоносное настроеніе и переполненные народомъ собранія социальдемократовъ“ — горько плакалась „христіанско-монархическая“ газета „Народъ“ — представляютъ собою слишкомъ рѣзкій контрастъ съ подавленнымъ настроеніемъ и полупустыми собраниями консерваторовъ.“ Такого одушевленія и такой увѣренности въ побѣдѣ, писалъ корреспондентъ лондонскаго „Социаль-Демократа“ никогда еще не было въ массахъ во все время существованія общаго избирательнаго права въ Германіи. И „какія силы“, восклицаетъ тотъ же корреспондентъ, находятся въ распоряженіи рабочей партіи! — это не забытыя, безсознательныя массы, дѣйствующія машинально, по командѣ, и превращающіяся въ мертвый кусокъ дерева, лишь только онѣ предоставлены самимъ себѣ. Каждый отдѣльный индивидуумъ изъ этихъ рабочихъ массъ является *личностью, полной воодушевленія....*, готовой съ радостью отдать *последній грошъ и последнюю каплю крови* въ пользу святаго дѣла....“ „По всей Германіи вы встрѣчаете проповѣдниковъ социальной демократіи — въ каждый домъ, въ каждое училище, въ каждую хижину проникаютъ они, чтобы пропагандировать евангеліе социализма.“

Въ словахъ этихъ нѣтъ никакого преувеличенія. Къ сожалѣнію.

недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ входить въ большія подробности относительно хода избирательной агитаціи. Укажу только на такіе факты, какъ многочисленныя собранія работницъ, объявившихъ себя солидарными съ соціальной демократіей и съ резолюціями интернаціональнаго марксистскаго конгресса и провозглашавшихъ обязанностью женщинъ рабочаго класса всѣми силами содѣйствовать избирательной побѣдѣ социалистовъ; далѣе, на энергическую агитацію соціаль-демократовъ въ сельскихъ округахъ и на чрезвычайный наплывъ народа въ ихъ собранія въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ населеніе жестоко разбило бы соціаль-демократическихъ агитаторовъ, если бы они вздумали тамъ открыто пронагандировать свои идеи. Наконецъ, характернымъ фактомъ для оцѣнки единоклюбія рабочихъ въ послѣдній избирательный періодъ является „бойкотъ“, объявленный ими въ большихъ городахъ противъ пивоваровъ и трактирныхъ хозяевъ, отказавшихъ дать соціаль-демократамъ залы для ихъ собраній*). Во всѣхъ, или въ огромномъ большинствѣ случаевъ имъ удалось, благодаря добровольной дисциплинѣ и единоклюбію, заставить этихъ „друзей порядка“ отказаться отъ своихъ затѣй.

Пора однако перейти къ разсмотрѣнію результатовъ избирательной борьбы.

Накапунѣ самыхъ выборовъ, центральный органъ нѣмецкой рабочей партіи, лондонскій „Соціаль-Демократъ“, почелъ нужнымъ въ спеціальной статьѣ предостеречь своихъ читателей противъ чрезмернаго оптимизма относительно ожидаемыхъ результатовъ избирательной борьбы. Во многихъ округахъ, сказано въ этой статьѣ, соціальная демократія разрослась уже до такихъ размѣровъ, что „удвоеніе ея голосовъ прямо *физически* невозможно“. Тамъ же, гдѣ она имѣла до сихъ поръ мало приверженцевъ, или совсѣмъ ихъ не имѣла, 20-тое февраля несомнѣнно доставитъ намъ не мало пріятныхъ сюрпризовъ, а врагамъ — горькія разочарованія... Но не слѣдуетъ забывать, что для роста партіи пока еще есть предѣлы, которыхъ она не можетъ перейти... „Отсталое состояніе промышленности (въ мѣстностяхъ, въ которыхъ соціальная демократія до послѣднихъ выборовъ получала мало голосовъ), низкій уровень умственнаго развитія населенія, связанная съ тѣмъ и другимъ большая зависимость рабочихъ и разбросанность ихъ по большимъ районамъ, препятствующая возникновенію въ ихъ средѣ массоваго сознанія и движенія“ — всѣ эти препятствія, прежде затруднявшія успѣхи соціальной демократіи во многихъ провинціяхъ, остаются еще во всей силѣ. Къ всему этому присоединяется еще то обстоятельство, что въ періодъ, предшествовавшій изданію исключительныхъ законовъ, „почти всѣ партіи отрицали существованіе соціальнаго вопроса и проповѣдывали шувльце-деличевскіе рецепты. Теперь же всѣ онѣ, вплоть до „свободомыслящихъ“, уступая давленію соціалистической агитаціи, включи-

*) Часто употребляемое теперь во всѣхъ европейскихъ языкахъ слово *бойкотъ* означаетъ отказъ имѣть сношенія. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ пивоварамъ бойкотъ означалъ рѣшеніе соціаль-демократовъ не пить пива, что причиняло имъ большіе убытки.

ли въ свою программу требованіе рабочаго законодательства и выступаютъ съ „соціалъ-реформаторами“; эта тактика партій высшихъ классовъ дѣлаетъ гораздо болѣе затруднительнымъ положеніе социалистическихъ агитаторовъ среди политически неразвитой части народныхъ массъ, чѣмъ въ періодъ семидесятихъ годовъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, органъ нѣмецкой социальной демократіи пришелъ къ заключенію, что увеличеніе числа голосовъ этой партіи до одного милліона будетъ означать „чрезвычайный, феноменальный ростъ партіи“.

Въ слѣдующемъ номерѣ, тотчасъ послѣ выборовъ, тотъ же органъ опредѣлялъ возрастаніе числа социалистическихъ избирателей въ 467,000, т. е. увеличеніе ихъ числа до милліона съ четвертью. „Самыя смѣлыя ожиданія наши превзойдены, восклицалъ онъ съ триумфомъ, наши наиболѣе оптимистическіе расчеты остались далеко позади дѣйствительности! Но скоро оказалось, что дѣйствительность въ еще гораздо большей степени опередила „наиболѣе оптимистическіе расчеты“ публицистовъ социальной демократіи. По официальной статистикѣ выборовъ, число социалистическихъ избирателей поднялось до 1,427,298, т. е. почти удвоилось по сравненію съ 1887 г. (760,000). Энергія и самоотверженность пропагандистовъ нѣмецкой социальной демократіи, классовое самосознаніе и политическая самодѣятельность передовыхъ слоевъ германскаго пролетаріата сдѣлали дѣйствительнымъ то, что казалось невозможнымъ.

Какъ извѣстно, социаль-демократы вышли въ 20 округахъ побѣдителями при общей баллотировкѣ, и затѣмъ, 58 социалистическимъ кандидатамъ пришлось подвергнуться перебаллотировкѣ. Это значитъ, что въ 78 округахъ социалистическая партія частью имѣетъ численный перевѣсъ надъ всѣми буржуазными партіями *вмѣстѣ взятыми*, частью — она является самой сильной по сравненію съ *каждой* изъ нихъ въ отдѣльности или же очень близкой къ этому. Слѣдующая таблица даетъ приблизительное понятіе о степени распространенія социальной демократіи въ теченіе этого десятилѣтія.

Выше 15,000 голосовъ социалистическая партія получила :

Въ 1881 году въ	0	округахъ.
Въ 1887	8	„
Въ 1890	18	„

Между 10 и 15 тысячъ.

Въ 1881 году въ	4	округахъ.
Въ 1887	9	„
Въ 1890	31	„

Между 5 и 10 тысяч.

Въ 1881 году въ 18 округахъ.		
Въ 1887 „ 31 „		
Въ 1890 „ 45 „		

Общая цифра избирательныхъ округовъ, въ которыхъ социалистическая партія получила какое-нибудь число голосовъ, равнялась десять лѣтъ тому назадъ 173, а теперь — 350. Затѣмъ, въ то время, какъ тогда у нея всего было 67 округовъ съ числомъ голосовъ не ниже одной тысячи, послѣдніе выборы доставили ей такихъ 221.

Приведенныя цифры наглядно показываютъ двойной ходъ избирательныхъ завоеваній нѣмецкой соц. демократіи. Увеличеніе округовъ съ числомъ социалистическихъ избирателей выше 5,000 за истекшее десятилѣтіе съ 22 (въ 81 г.) до 94 указываетъ на интенсивный ростъ ея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она приобрѣла приверженцевъ, а удвоеніе числа округовъ, въ которыхъ вообще поданы были за нее голоса, указываетъ степень ея экстенсивнаго роста.

Когда-то важнѣйшіе центры торговли и образованія составляли какъ бы политическую монополію либеральной интеллигенціи, самоувѣренно предсказывавшей, что туда не сможетъ проникнуть вліяніе социальной демократіи. Посмотримъ, на сколько сбылось это предсказаніе. Въ 26-ти крупнѣйшихъ городахъ Германіи (съ населеніемъ около 100,000 и выше), обнимающихъ 36 избирательныхъ районовъ, рабочая партія получила въ 81 г. — 162,000 голосовъ (въ круглыхъ числахъ), въ 87 г. — около 350,000, а на послѣднихъ выборахъ 516,000, т. е. за десять лѣтъ увеличеніе на 218%. Въ общей цифрѣ избирателей разсматриваемыхъ 36 округовъ, голоса социальной демократіи составляли въ 81 г. меньше одной четвертой, въ 87 г. нѣсколько больше одной трети, а теперь — почти цѣлую половину. Противъ 516,000 ея голосовъ всѣ буржуазныя партіи *вмѣстѣ* взятыя получили всего только около 560,000. Въ столицѣ имперіи, Берлинѣ, около 54% вотиrowавшихъ избирателей находится въ лагерѣ социальной демократіи; въ первомъ торговомъ городѣ Германіи, въ Гамбургѣ — около 60% или на цѣлую треть больше, чѣмъ всѣ буржуазныя партіи *вмѣстѣ*; въ Хемницѣ, считающемся нѣмецкимъ Манчестеромъ, она получила почти вдвое больше голосовъ, чѣмъ ея противники: 24,641 противъ 14,800.

Въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ центровъ социалистическіе избиратели составляютъ всего только треть, или даже меньше, общаго числа вотиrowавшихъ. Но достаточно посмотрѣть на ростъ социалистической партіи за послѣднее время въ разсмотрѣнныхъ округахъ вообще и въ этихъ городахъ специально, чтобы убѣдиться въ бли-

зости момента численнаго ея преобладанія и въ этихъ послѣднихъ избирательныхъ районахъ. Въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Кенигсбергѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ на М. цифра ея голосовъ еще три года тому назадъ составляла около одной трети общаго числа избирателей, въ Штетинѣ всего около четвертой доли. Теперь она составляетъ въ однихъ изъ нихъ больше половины всѣхъ избирателей, въ другихъ почти половину. Къ числу немногихъ крупныхъ городовъ, въ которыхъ социалисты являются меньшинствомъ, относятся: Кельнъ, Штутгартъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Дюссельдорфъ. Съ 1887 по 1890 г. число ихъ голосовъ поднялось тамъ слѣдующимъ образомъ :

ГОРОДА	1887 г.	1890 г.	Увеличеніе въ три года	бурж. партіи въ 90 г.
Кельнъ	4,952	10,688	больше чѣмъ вдвое	24,870
Лейпцигъ	10,087	12,921	около 30 пр.	16,050
Дрезденъ	16,117	25,097	больше чѣмъ 50 пр.	36,300
Штутгартъ	4,496	10,446	больше чѣмъ удвоилось	17,640
Дюссельдорфъ	2,933	7,573	на 160 проц.	23,200
	38,585	66,725	28,140	118060

Въ три года число социалистическихъ голосовъ почти удвоилось. между тѣмъ, какъ число голосовъ буржуазныхъ партій упало съ 142,000 на 118,000; въ 87 г. первые составляли четвертую долю послѣднихъ, теперь болѣе чѣмъ половину. На выборахъ этого года партіямъ буржуазнымъ пришлось въ перечисленныхъ центрахъ сплотиться въ одну компактную „реакціонную массу“, чтобы удержать за собою старыя позиціи—и только такимъ путемъ имъ удалось на этотъ разъ на перебаллотировкахъ одолѣть социаль-демократовъ. Но читатель самъ можетъ судить, много ли шансовъ у этихъ партій и на слѣдующихъ выборахъ устоять противъ постоянно усиливающагося натиска политически активныхъ массъ нѣмецкаго пролетаріата на главнѣйшіе центры „интеллигенціи“ и промышленно-торговой жизни. Но и второстепенные и даже третьестепенные центры политическаго и экономическаго движенія Германіи находятся уже почти въ такой же опасности. Я насчиталъ 50 городовъ съ населеніемъ приблизительно отъ 20,000 до 60,000 и нѣсколько выше, въ которыхъ общая цифра социалистическихъ голосовъ поднялась въ послѣднее трехлѣтіе съ 162,000 до 312,000, т. е. почти на 100 проц. О степени успѣховъ социальной демократіи въ этихъ городахъ и вѣроятной близости ея полнаго господства въ нихъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ даннымъ относительно движенія ея

голосовъ въ нѣкоторыхъ изъ округовъ*), избирательными центрами которыхъ служатъ эти города.

Избирательн. окр. съ второстепенными горо- дами (20-60,000 жителей)	1884 г.	1887 г.	1890 г.	Абсолют- ное увеличе- ніе съ 84 по 90 г.	Процентное отно- шеніе соц. голосовъ къ друг. партіямъ	
					въ 84 г.	въ 90 г.
Франкфуртъ на Од.	1,318	2,262	6,941	6,623	—	—
Котбусъ-Шпрембергъ .	2,699	3,964	5,610	2,911	—	—
Лигницъ	960	2,220	5,173	4,218	—	—
Эрфуртъ	3,366	3,778	8,721	5,355	—	—
Фленсбургъ	920	2,711	3,890	2,970	—	—
Киль	7,851	9,599	14,443	6,592	—	—
Гильдесгеймъ	585	2,847	5,457	4,922	—	—
Геттингенъ	215	275	3,052	2,887	—	—
Кассель	4,198	6,412	9,170	4,972	—	—
Висбаденъ	2,125	2,356	5,162	3,037	—	—
Дортмундъ	1,812	2,141	10,422	8,610	—	—
Бохумъ	0	1,160	8,388	8,388	—	—
Гагенъ	1,126	2,702	5,221	4,095	—	—
Билефельдъ	2,624	2,707	4,688	2,059	—	—
Ганау	5,503	5,203	8,446	2,948	—	—
Карлсруэ	3,010	2,736	5,476	2,466	—	—
Гота	7,440	8,765	11,205	3,765	—	—
Гофъ	130	557	3,535	3,405	—	—
Вюрцбургъ	113	1,614	4,615	4,502	—	—
Аугсбургъ	1,550	2,888	5,070	3,520	—	—
Цвикау	11,590	12,913	17,424	5,834	—	—
Глаухау-Мееране	9,513	9,886	15,266	5,753	—	—
Плауэнъ	2,312	4,954	8,275	5,963	—	—
Мангеймъ	4,846	5,128	8,701	3,855	—	—
Шверинъ	1,170	2,568	7,637	6,467	—	—
Итого	76,926	102,423	191,983	115,057	20	47

Читатель можетъ самъ на основаніи этой таблицы опредѣлить степень возрастанія социалистическихъ голосовъ въ каждомъ изъ указанныхъ въ ней городовъ за послѣднія шесть лѣтъ. Онъ увидитъ, что въ большей части изъ нихъ оно достигло 100 проц., а въ нѣкоторыхъ даже больше 1000. Въ среднемъ счетѣ во всѣхъ этихъ округахъ вмѣстѣ увеличеніе числа социалистическихъ избирателей равняется почти 150 проц. Рядомъ съ абсолютнымъ шло и относительное возрастаніе ихъ численности. Въ началѣ разсматриваемаго нами періода они составляли всего только одну пятую часть или 20 пр. избирателей, вотировавшихъ за кандидатовъ буржуазныхъ партій, въ концѣ его они возросли уже почти до половины общаго числа голосовъ этихъ партій. За разсматриваемое нами шестилѣтіе цифра из-

*) Большинство или, по крайней мѣрѣ, значительная часть городовъ съ населеніемъ между 20 и 50,000 жителей, не составляютъ самостоятельнаго избирательнаго округа, а являются центрами окрестныхъ мѣстечекъ и деревень, нерѣдко разбросанныхъ на довольно большой территоріи.

бирателей вообще поднялась на 148,000 съ чѣмъ то, но изъ этого новаго контингента голосовъ, на долю *всѣхъ* противниковъ социальной демократіи *вмѣстѣ* взятыхъ достались всего только 22-3 проц. Остальные же 77-8 проц. или больше 3/4 избирателей вотировали за нее. Вы видите, какъ быстро она догоняетъ своихъ противниковъ. Съ такой же приблизительно быстротой процессъ этотъ совершается и въ другихъ округахъ изъ категоріи поименованныхъ нами въ таблицѣ. Въ отношеніи къ росту социальной демократіи они находятся на той стадіи развитія, на которой стояли первостепенные города Германіи около середины прошлаго десятилѣтія. Всего три года тому назадъ немного болѣе трети общаго числа ихъ избирателей вотировало за социалистическихъ кандидатовъ, а теперь половина, т. е. въ среднемъ итогѣ социальная демократія получила въ этихъ центрахъ столько же или почти столько голосовъ, сколько всѣ другія партіи въ общей совокупности, и численно преобладаетъ надъ каждой изъ нихъ порознь. Этотъ моментъ, очевидно, близокъ и для второстепенныхъ и вообще провинціальныхъ городскихъ центровъ средней величины. Уже на послѣднихъ выборахъ они послали 8 (если не больше) социалистическихъ депутатовъ въ рейхстагъ и въ 21 изъ нихъ буржуазнымъ кандидатамъ пришлось подвергнуться перекрѣпленію съ кандидатами социальной демократіи — и въ большинствѣ случаевъ, только *совокупными* усиліями, позабывъ свои междуусобія, имъ удалось на этотъ разъ одержать надъ нею побѣду. Но поможетъ ли это и на будущихъ выборахъ?

Въ виду такихъ фактовъ уже никому не приходитъ въ голову смотрѣть на „центры интеллигенціи“ и политической жизни, какъ на спасительный оплотъ противъ социально-демократическаго движенія. Чистокровные реакціонеры, впрочемъ, давно уже махнули на нихъ рукой. Неодолимой преградой для этого движенія имъ казались деревня и вообще мѣста, въ которыхъ преобладаетъ крестьянское населеніе, земледѣльческій пролетарій и „почтенное“, по своему долготерпѣнію, чиновничеству и вообще политической неразвитости, „среднее сословіе“ мелкихъ буржуа. Нѣкогда выдававшій себя за социалиста, утопистъ-реакціонеръ Шеффле, недавно еще съ триумфомъ указывалъ на „черепъ крестьянина“, какъ на скалу, о которую разобьются „лжеученія“ и „иллюзіи“ социальной демократіи. Съ такими же надеждами смотрѣли еще недавно онъ и его феодально-клерикальные коллеги вообще на всѣ тѣ низшіе слои населенія, которые, живя въ захолустьяхъ, разбросанно, вдали отъ центровъ умственной жизни и въ большей экономической зависимости отъ своихъ эксплуататоровъ, чѣмъ пролетаріи крупныхъ городовъ, дѣйствительно медленно поддаются вліянію новыхъ идей и лишены всѣхъ средствъ, необходимыхъ для общественной и политической самодѣятельности. Посмотримъ, поэтому, на сколько послѣдніе выборы оправдали расчеты буржуазныхъ политическихъ партій на провинціальныя и сельскіе избирательныя округа.

Мы уже указали выше на тотъ фактъ, что избирательныя районы съ городами средней величины захватываютъ въ значительной мѣрѣ и сельское населеніе. Даже въ первостепенныхъ городахъ, какъ напр.

въ Гамбургѣ, встрѣчаются округа, захватывающіе окрестныя деревни. Въ гораздо большей степени это имѣетъ мѣсто въ тѣхъ 50 избирательныхъ округахъ, о которыхъ мы только что говорили. Поэтому, изъ насчитанныхъ нами въ нихъ 200,000 социалистическихъ голосовъ значительная часть приходится, конечно, и на долю сельскаго населенія. Всего, какъ припомнитъ читатель, социальная демократія получила 1,427,000 голосовъ. Вычтя изъ этой цифры 8-900,000, полученныхъ ею въ большихъ и среднихъ городахъ, у насъ остается около пяти сотъ тысячъ на полу и чисто сельскіе округа, вообще на мѣстности, населенныя главнымъ образомъ „почтеннымъ среднимъ сословіемъ“, мелкими ремесленниками, торговцами, крестьянами, полусельскимъ и совсѣмъ сельскимъ пролетаріатомъ. Впрочемъ, пусть нѣсколько примѣровъ наглядно покажутъ, насколько успѣла проникнуть социальная демократія и въ тѣ мѣстности, въ которыхъ „отсталое состояніе промышленности, низкій уровень умственного развитія и разбросанность населенія“ являлись до сихъ поръ, къ великому удовольствію сознательныхъ и полусознательныхъ недруговъ промышленнаго пролетаріата, неодолимою преградой для социалистической агитаціи. Наиболѣе характерными изъ этой категоріи провинцій въ Германіи считаются: Восточная и Западная Пруссія, Померанія, Шлезвигъ-Гольштейнъ и Мекленбургъ, а потому избираемъ ихъ для иллюстраціи успѣховъ социальной демократіи въ мелкихъ городахъ и селахъ.

ПРОВИНЦИИ	Съ главными городами			Безъ главн. городовъ			Увеличеніе за 6 лѣтъ
	I.			II.			
	84 г.	87 г.	90 г.	84 г.	87 г.	90 г.	
1) Восточная Пруссія.	4,470	8,223	18,058	119	236	5,688	I на 300 пр. II почти на 900 пр.
2) Западная Пруссія .	683	4,554	9,825	106	2,326	6,300	
3) Померанія	1,909	8,178	20,631	770	3,900	12,892	
4) Шлезвигъ-Гольштг. .	24,701	39,876	61,746	5,090	12,446	23,880	
5) Мекленбургъ . . .	2,466	5,921	28,235	532	1,357	13,624	
Итого	32,229	58,752	138,495	6,617	20,265	62,384	Sub. Sub.

Приведенныя цифры рельефно показываютъ, съ какой скоростью подвигается процессъ завоеванія социальной демократіей мелкихъ городовъ и сель. Особенно поразительно быстрые успѣхи дѣлаетъ этотъ процессъ въ отдѣльныхъ округахъ и деревняхъ вышеупомянутыхъ герцогствъ и прусскихъ провинцій. Въ одномъ изъ округовъ Мекленбургъ-Шверина цифра социалистическихъ избирателей поднялась съ 77 въ 84 г. до 319 въ 87, и затѣмъ до 4877 въ — 90, въ другомъ округѣ она за тотъ же періодъ поднялась съ 50 до 2,389. Въ Ганноверѣ мы встрѣчаемъ мѣстечки и цѣлыя избирательныя районы (сельскіе), въ которыхъ социалистическіе голоса за послѣдніе только три года увеличились въ четыре, десять и даже двадцать разъ. Такъ напр. въ Маховъ-Ильценѣ за социальную демократію

подано было въ 87 г. — 55 голосовъ, а на послѣднихъ выборахъ — 1167, въ Гессларъ-Герцбергъ въ 87 году — 212, а въ этомъ году — 4197. Наконецъ, въ одномъ селѣ или мѣстечкѣ той же провинціи вмѣсто 2 голосовъ въ 87 г., она теперь получила 394. Въ одной деревнѣ, если не ошибаюсь, въ Восточной Пруссіи, изъ 78 вотировъ избирателей 56 подали свои голоса за кандидата соц. демократіи. Въ мѣстечкѣ Нейдаммъ изъ 1280 голосовъ поданы были, не смотря на внѣшнее давленіе, оказанное на избирателей, 500 за рабочего кандидата. Въ Бранденбургѣ, гдѣ общая цифра социалистическихъ избирателей въ сельскихъ районахъ поднялась за послѣднее шестилѣтіе съ 16,000 (въ круглыхъ числахъ) до 75,000, мы встрѣчаемъ округа, въ которыхъ социалисты въ 84 г. получили всего нѣсколько десятковъ голосовъ или совсѣмъ нуль, а на послѣднихъ выборахъ — отъ одной тысячи до тысячи пятисотъ и больше.

Подобные успѣхи социальной демократіи замѣчаются въ большей или меньшей степени почти во всѣхъ частяхъ Германіи. Возьмемъ хоть Баварію, второе, по величинѣ и населенію государство въ имперіи. Изъ 48 избирательныхъ районовъ, на которые она дѣлится, социалисты шесть лѣтъ тому назадъ въ 26 не имѣли ни одного избирателя. Въ 87 г. такихъ чистыхъ отъ социалистической „заразы“ округовъ было уже всего только 13 (прежде 26). Въ настоящее же время нѣтъ ни одного, въ которомъ за соц.-демокр. кандидатовъ не подано было бы извѣстное количество голосовъ. Въ тѣхъ 26 округахъ (въ одномъ только изъ нихъ имѣется городъ съ числомъ жителей около 30,000) — преимущественно сельскихъ, въ которыхъ она въ 84 г. не получила *ни одного* голоса, на послѣднихъ выборахъ за нее вотировало 27,800 избирателей, т. е. среднимъ числомъ больше, чѣмъ по 1,000 въ каждомъ. Наконецъ, въ 84 г., во всей Баваріи социалистическая партія имѣла 7 округовъ съ числомъ избирателей выше 1,000. Послѣдніе выборы доставили имъ 20 округовъ съ цифрой голосовъ выше 1,000, и изъ нихъ только десять имѣютъ своими центрами города съ населеніемъ въ 20,000 и выше душъ.

Мы опасаемся утомить вниманіе читателя статистическими подробностями, а потому ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что указанный процессъ распространения вліянія и популярности социальной демократіи изъ крупныхъ и среднихъ городскихъ центровъ въ провинцію и захолустныя мѣста (конечно, не въ русскомъ смыслѣ) весьма замѣтно совершается и въ Баденѣ, Гессенѣ, Вюртембергѣ, вообще во всѣхъ большихъ и мелкихъ государствахъ, входящихъ въ составъ германской имперіи. *)

Въ 70-хъ, а отчасти и въ 80-хъ годахъ политики и публицисты клерикально-феодалныхъ элементовъ съ нескрываемымъ злорадствомъ смотрѣли на возрастающую со стороны социалистической партіи конкуренцію либераламъ въ городахъ. Своими „лжеученіями“ и вольно-

---

*) Съ 1884 - го по 90 годъ общая цифра социалистическихъ избирателей въ мелкихъ городахъ и селахъ поднялась въ Баваріи съ 8607 до 29374, въ Саксоніи съ 65891 до 124,607, въ Баденѣ - съ 2,148 до 10,076, въ Гессенѣ - съ 573 до 6996.

думствомъ либералы подорвали въ массѣ городского населенія исконную вѣру въ авторитеты и въ божественный характеръ такихъ основъ общества и государства, какъ церковь, монархія и сословныя привилегіи. Они уничтожили наше государство, такъ вотъ же теперь на вспаханной ими же почвѣ вырастаетъ сила, угрожающая ихъ собственному существованію. Такого рода сужденіями могли въ прежнее время реакціонеры сопровождать избирательныя пораженія, наносимыя соціальной демократіей либераламъ. Еще въ началѣ прошлаго десятилѣтія дворяне, попы и самъ Бисмаркъ при случаѣ не прочь были подставить на выборахъ ногу „свободомыслящимъ“, хотя бы пораженіе послѣднихъ пошло на пользу однимъ только соціалистамъ. Да и сами исключительные законы противъ соціальной демократіи первоначально имѣли своимъ назначеніемъ косвенно послужить орудіемъ для ослабленія либерализма и буржуазно-демократическихъ теченій въ обществѣ. Теперь уже господамъ реакціонерамъ не до козней противъ „либеральнаго средняго сословія“ и его политическихъ вождей. Соціал-демократы забрались въ недоступныя, какъ казалось, для нихъ гнѣзда „благородныхъ“ бароновъ, князей и юнкеровъ, и начинаютъ также успѣшно выживать ихъ оттуда, какъ они выживаютъ либераловъ изъ „деморализованныхъ“ либерализмомъ городовъ.

П. Аксельродъ.

(Третья статья слѣдуетъ).

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“, route de Lancy, 505

1892

Содержаніе.

	Стр.
I. — ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА ВЪ 1843 ГОДУ, переводъ съ нѣмецкаго. В. Наумова	5 ✓
II. — РУССКІЙ РАБОЧИЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ (окончаніе). Г. Плеханова	30 ✓
III. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. И. Засуличъ	81
IV. — ЗА БАЙКАЛОМЪ (разсказъ). Вл. Дебагорія-Мокрѣевича	109 ✓
V. — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (ст. четвертая и послѣдняя). Г. Плеханова	144 ✓

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

VI. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ РЕЙХСТАГЪ (окончаніе). П. Аксельрода	3
VII. — ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ ПО ДѢЛУ С. ГИНСБУРГЪ.	46 ✓
VIII. — ВСЕРОССИЙСКОЕ РАЗЗОРЕНІЕ. Г. Плеханова	65 ✓
IX. — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ 1881 ГОДУ	102 ✓
X. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. Г. П	125
XI. — ПРОТЕСТЪ ХАРЬКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ	131
XII. — ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВЪ (некрологъ)	133
XIII. — СТАНИСЛАВЪ ПАДЛЕВСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища	134
XIV. — ЛЮДОВИКЪ ВАРЫНСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища.	135
XV. — ШПИОНСКІЯ ЗАБАВЫ. Г. Плеханова	137
XVI. — О ДАЛЬНѢЙШЕМЪ ВЫХОДѢ „СОЦ.-ДЕМОКРАТА“.	139
XVII. — СПИСОКЪ НѢКОТОРЫХЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ	140

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Соціальной-Демократіи

и

ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ РЕЙХСТАГѢ

(Окончаніе.)

I.

Политики и публицисты съ тревогой и опасеніями слѣдятъ за симптомами подготовляющейся революціи рабочаго класса. Недавно еще глава буржуазной демократіи во Франціи, Клемансо, счелъ нужнымъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей напомнить имущимъ классамъ, что на исторической сценѣ появилась „новая, страшная сила: четвертое сословіе, стремящееся завладѣть властью.“ Подвигающаяся впередъ организація этого „сословія“ составляетъ, по его выраженію, „важнѣйшій фактъ современной политической жизни.“ Слова эти сказаны были по поводу майской интернаціональной демонстраціи пролетаріата и относились къ коммунистической революціи, составляющей конечную цѣль современнаго революціоннаго движенія въ цивилизованныхъ странахъ. Нужно, однако, помнить, что ближайшія задачи „новой, страшной силы“, во Франціи довольно существенно разнятся отъ задачъ ея въ странахъ, политически менѣе развитыхъ, какъ напримѣръ, въ Германіи. Во Франціи буржуазная

демократія радикально покончила свои счеты съ общественными элементами феодально-монархической эпохи; здѣсь нѣтъ привилегированнаго дворянства, которое своими сословными претензіями и преимуществами, съ одной стороны — мозолило бы глаза имущимъ классамъ, а съ другой — вмѣстѣ съ послѣдними стремилось бы подчинить рабочихъ „патріархальному“ режиму эксплуататоровъ и произволу властей. Здѣсь нѣтъ также „короля божіей милостію,“ который въ глазахъ буржуазіи игралъ бы роль охранителя ея священной собственности отъ предполагаемаго грабежа социалистовъ пролетаріевъ, а предъ трудящимися массами выступалъ бы въ качествѣ ихъ защитника отъ несправедливостей высшихъ классовъ. Во Франціи буржуазія является единственнымъ господиномъ надъ рабочими, а потому у пролетаріата этой страны нѣтъ и не можетъ быть иной цѣли даже въ ближайшемъ будущемъ, кромѣ экономической экспроприации буржуазіи, при помощи политической ея экспроприации.

Мы уже въ первой статьѣ предлагаемаго нами очерка отметили двойственный характеръ дѣятельности нѣмецкой социальной демократіи, обусловливаемый тѣмъ обстоятельствомъ, что ей приходится одновременно вести борьбу противъ буржуазіи и ея юнкерско-абсолютистскихъ враговъ, съ которыми она не сумѣла справиться и которые, все еще мечтая объ искорененіи „безбожнаго либерализма,“ направляютъ пока свои усилія на то, чтобы заковать пролетаріевъ въ цѣпи хозяйскаго и полицейскаго деспотизма, освящаемаго церковью и поддерживаемаго военнымъ абсолютизмомъ. Удастся ли революціоннымъ элементамъ рабочаго класса Германіи сразу покончить со всѣми своими врагами, т. е. одновременно съ политической экспроприацией дворянства и монархіи совершить и революцію социалистическую въ смыслѣ организациі производства и распределенія, это теперь довольно трудно предвидѣть. Объ этомъ вопросѣ, впрочемъ, рѣчь еще будетъ ниже. Здѣсь-же мы просимъ читателя не упускать изъ виду указанной нами особенности въ историческомъ положеніи социальной демократіи и вытекающей изъ него для нея миссіи покончить въ Германіи съ тѣми политическими задачами, которыя во Франціи и отчасти въ Англии рѣшены были радикальными либералами. У насъ чаще всего, чтобы не сказать всегда, игнорируютъ либерально-демократическую сторону въ дѣятельности германской рабочей партіи. Отсюда происходятъ въ нашей прессѣ нелѣпныя сужденія при оцѣнкѣ успѣховъ этой партіи; изъ непониманія-же ея теперешней политической роли вытекаютъ и нелѣпныя толки въ нашихъ демократическихъ кругахъ объ ея тактикѣ. Мы съ своей стороны считаемъ демократизацію государственнаго строя Германіи центральной задачей въ революціонной дѣятельности ея социалистическаго пролетаріата, задачей, имѣющей первостепенное значеніе для всего цивилизованнаго міра. Поэтому, именно съ точки зрѣнія этой политической задачи мы и рассматриваемъ въ своемъ очеркѣ всѣ явленія общественной жизни Германіи и успѣхи социальной демократіи въ частности. Съ этой же точки зрѣнія посмотримъ теперь на результаты прошлогоднихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ.

Читатель помнитъ изъ нашей предыдущей статьи, что въ итогѣ послѣднихъ выборовъ социальная демократія оказалась самой многочисленной партией въ странѣ, такъ какъ за нее вотировало около 1¹/₂ милліона избирателей, т. е. почти на 100,000 больше чѣмъ за центръ — сильнѣйшую изъ эксплуататорскихъ партій. Чтобы утѣшить себя, буржуазно демократическіе органы объявили, что только ничтожное меньшинство — по „Франкфуртской газетѣ“ всего одна двадцатая — голосовавшихъ за социальную демократію, знакома и солидарна съ ея конечными цѣлями и воззрѣніями. Въ отвѣтъ на подобныя сообщенія, можно бы спросить буржуазныя партіи: а какъ великъ процентъ вашихъ избирателей, имѣющихъ ясное представленіе о социально-политическихъ идеалахъ своихъ парламентскихъ вождей? Послѣдніе были бы поставлены въ большое затрудненіе такимъ вопросомъ, между тѣмъ какъ социаль-демократамъ легко было бы очень убѣдительными фактами разбить иллюзію либеральной интеллигенціи относительно умственной незрѣлости социалистическихъ избирателей. Впрочемъ, германскіе либералы и сами плохо вѣрятъ въ эту иллюзію, и только многіе изъ нашихъ доморощенныхъ „соціалистовъ“ приняли ее въ серьезъ. Допустимъ, однако, что скептицизмъ нѣмецкихъ буржуа и русскихъ „соціалистовъ“ относительно коммунистическихъ тенденцій избирателей социальной демократіи основателенъ. Что же въ такомъ случаѣ привлекаетъ извѣстные слои трудящихся классовъ Германіи къ этой партіи? Очевидно, та часть ея программы, которая содержитъ въ себѣ требованія не спеціально коммунистическаго характера. Первое же мѣсто въ этой части программы занимаютъ требованія, выражающія крайній политической идеалъ, къ которому стремился когда-то и нѣмецкій либерализмъ. „Демократическая республика“ — таковъ, какъ извѣстно, этотъ идеалъ. Объ ознакомленіи массы населенія съ „лжеученіями“ социальной демократіи хлопотали всѣ эксплуататорскія партіи, начиная съ ультрареакціонеровъ и кончая самыми красными изъ буржуазныхъ либераловъ. И не смотря на это, она получила столько голосовъ на послѣднихъ выборахъ! Если ея избиратели не сочувствуютъ коммунистическимъ ученіямъ, то приходится признать, что демократически-республиканскія стремленія рабочей партіи производятъ тѣмъ болѣе сильное притягательное дѣйствіе на низшіе слои нѣмецкаго народа, которые такъ сильно тяготеютъ къ ней, не смотря на ея „превратныя“ идеи по отношенію къ частной собственности, семьѣ и религіи. Пока, именно эта сторона въ успѣхахъ германской социальной демократіи насъ больше всего интересуетъ. Можетъ быть (мы этого, впрочемъ, отнюдь не думаемъ), что въ тотъ моментъ, когда социальная демократія низвергнетъ военно-монархическій режимъ, большинство ея избирателей отпадетъ отъ нея и сгруппируется вокругъ какойнибудь новой партіи, которая въ экономическомъ отношеніи будетъ стоять на почвѣ буржуазнаго общества. Пусть утѣшаются этой надеждой враги германской рабочей партіи. Но теперь дѣло идетъ еще только объ окончательномъ очищеніи Германіи отъ феодально-абсолютистскихъ элементовъ и водвореніи въ ней строго демократической системы правленія. А такъ какъ изъ всѣхъ партій Германіи одна только со-

циалистическая открыто и последовательно стремится къ демократической революціи, то ея избирательными побѣдами и приходится измѣрять успѣхи республиканско-демократическихъ теченій въ этой странѣ.

Зная, однако, какъ часто подъ вліяніемъ случайныхъ, скоро проходящихъ причинъ измѣняется настроеніе избирательныхъ массъ, какъ быстро переходятъ онѣ отъ одной партіи къ другой — въ Англіи, на примѣръ отъ тори къ вигамъ, въ Бельгіи отъ либераловъ къ ультрамонтанамъ и обратно, — зная это, иной читатель можетъ спросить себя: не такой ли кратковременный, случайный характеръ имѣютъ и избирательные успѣхи рабочей партіи въ Германіи? Она могла, на примѣръ, одержать всѣ свои побѣды исключительно надъ одной какой-нибудь изъ буржуазныхъ партій, оказываясь въ то же время слабымъ конкурентомъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ. Успѣхами своими она, такимъ образомъ, была бы обязана народной ненависти противъ извѣстной политической группы, случайному обстоятельству, которое въ такой же степени могло послужить на пользу не только ей, но и большинству эксплуататорскихъ партій, соперничающихъ съ проигравшей группой. А въ такомъ случаѣ полтора милліона ея избирателей отнюдь не выражали бы прочность и силу корней, пущенныхъ ею въ народную среду.

Чтобы получить возможно болѣе точный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, мы обратились къ даннымъ избирательной статистики, собраннымъ въ изданіяхъ императорскаго статистическаго бюро Германіи. По этимъ даннымъ мы имѣли возможность прослѣдить за послѣдніе 20 лѣтъ параллельное движеніе голосовъ у соціальной демократіи и у каждой изъ партій господствующихъ классовъ и составить себѣ, такимъ образомъ, ясное представленіе какъ о постоянномъ ростѣ вліянія социалистической партіи, такъ и о политическомъ характерѣ избирательныхъ массъ, на которыя опираются партіи эксплуататорскихъ классовъ въ Германіи. Къ сожалѣнію, объемъ и характеръ нашей статьи не позволяютъ намъ воспользоваться имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаломъ въ той мѣрѣ, въ какой намъ бы хотѣлось.

II

Слѣдя за результатами выборовъ въ общегерманскій парламентъ за все время его существованія, мы невольно наталкиваемся на весьма характерную разницу въ количественныхъ измѣненіяхъ избирателей у соціальной демократіи и у другихъ партій. Въ то время, какъ ея избирательные итоги возрастаютъ почти съ математической правильностью, свидѣтельствуя, такимъ образомъ, о постоянномъ ростѣ и развитіи, соответствующія цифры у ея противниковъ измѣняются крайне неправильно, то вдругъ чрезвычайно увеличиваясь, то страшно уменьшаясь, и обнаруживаютъ вѣчныя колебанія и скачки отъ наружнаго процвѣтанія къ упадку, и наоборотъ. Ни у одной изъ

значительныхъ партій господствующихъ классовъ измѣненія въ цифрахъ полученныхъ ею голосовъ не указываютъ на дѣйствительный ростъ. Мы ниже увидимъ, что въ окончательномъ итогѣ измѣненія эти обнаруживаютъ какъ разъ обратное явленіе — не ростъ, а убываніе силъ этихъ партій. Теперь же предлагаемъ читателю слѣдующую таблицу, какъ иллюстрацію къ нашему замѣчанію о вѣчныхъ колебаніяхъ и зигзагахъ въ цифрахъ голосовъ, получаемыхъ на выборахъ „партіями порядка“.

Увеличеніе или уменьшеніе числа избирателей у

Партій*)	съ 71 по 74 г.	съ 74 по 78 г.	съ 78 по 81 г.	съ 81 по 87 г.	съ 87 по 90 г.
Консерваторы	— 381,000	+ 2,282,000	— 1,065,000	+ 1,604,000	— 1,007,000
Либералы . . .	+ 471,000	— 1,605,000	+ 698,000	— 105,000	+ 186,000
Центръ и партикуляристы	+ 784,000	— 161,000	— 183,000	+ 536,000	— 280,000

Таблица эта наглядно показываетъ съ какой стремительностью сотни тысячъ избирателей превращаются изъ либераловъ въ реакціонеровъ и обратно. Всякое событіе, каждое новое стеченіе минутныхъ обстоятельствъ тотчасъ измѣняетъ политическій цвѣтъ мыслей и чувствъ „почтенныхъ“ бюргеровъ. Военныя побѣды Пруссіи надъ Франціей въ 70 г. и объединеніе Германіи наполняютъ ихъ сердца патриотическимъ восторгомъ, и подъ его вліяніемъ либерализмъ ихъ сразу на столько поблѣднѣлъ, что они на первыхъ же выборахъ въ парламентъ новооснованной германской имперіи поспѣшили доставить господство въ немъ консерваторамъ и той именно фракціи либерализма — національ-либераламъ, — которая проявила наибольшую готовность пойти на уступки Бисмарку. Но вотъ наступилъ промышленно-торговый кризисъ, а правительство начало, не смотря на полученную отъ Франціи контрибуцію въ 5 миллиардовъ, стремиться къ новымъ налогамъ, и нѣмецкій филистеръ вновь впадаетъ въ либеральное настроеніе, которое выражается на выборахъ 74 г. въ увеличеніи почти на полъ милліона числа голосовъ у либеральныхъ еще тогда національ-либераловъ и прогрессистовъ. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ оппозиціонное настроеніе въ Германіи еще болѣе обострилось и парламентское большинство, вышедшее изъ слѣдующихъ выборовъ, оказалось на столько строптивымъ, что Бисмарку трудно было съ нимъ ладить. Но въ 78 г. происходятъ два неудачныхъ покушенія на жизнь Вильгельма I, реакціонеры пользуются ими для возбужденія въ „образованныхъ“ и среднихъ классахъ всякихъ

*) Къ консерваторамъ причислена мною и „либеральная имперская партія“, получившая въ 71 г. около 274 тысячъ голосовъ. Скоро она исчезла, слившись, если не ошибаюсь, съ консерваторами. Но, если даже часть ея избирателей присоединилась къ національ-либераламъ, то это уравнивается тѣмъ обстоятельствомъ, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ среди послѣднихъ находились элементы, тяготѣвшіе къ консерваторамъ.

ужасовъ предъ краснымъ призракомъ. Буржуазія начинаетъ неистовствовать и трусить за свою „священную“ собственность, и отъ страха предъ воображаемымъ нападеніемъ новыхъ варваровъ на „основы цивилизаціи“, готова вновь пасть ницъ предъ сильной властью. Тогда Бисмаркъ распустилъ рейхстагъ, и новые выборы доставили ему такое „представительство народа“, какое ему нужно было. По сравненію съ 74 г., число консервативныхъ депутатовъ удвоилось, а число либеральныхъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на одну треть, и изъ оставшихся либераловъ — всего 26 (вмѣсто 49) прогрессистовъ остались вѣрны своему блѣдно либеральному знамени, огромное-же большинство, хотя и сохранило свое названіе „національ-либераловъ“, фактически отреклось отъ либерализма и цѣлкомъ перешло въ лагерь реакціонеровъ. Съ 78 г. партія эта превратилась въ полнѣйшее орудіе Бисмарка и съ тѣхъ поръ изображаетъ собою разновидность — нѣчто вродѣ лѣваго фланга — консерваторовъ. Дѣйствительный либерализмъ остался тогда въ Германіи воплощеннымъ въ одной только парламентской фракціи прогрессистовъ, за которыхъ вотировали всего около 400,000 избирателей. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, протекшихъ со времени покушенія на Вильгельма и изданія социалистическаго закона, нѣмецкая буржуазія успѣла нѣсколько опомниться отъ своего страха предъ краснымъ призракомъ. Но вмѣсто послѣдняго, на сценѣ появились совсѣмъ уже не призрачные, а весьма реальныя проэты Бисмарка по части новаго увеличенія финансовыхъ и военныхъ тягостей, развитія системы государственнаго покровительства земледѣльческой и денежной аристократіи, проэты государственной монополизациі (съ фискальными цѣлями) разныхъ отраслей торговли и производства, и все это въ сопровожденіи крикливой и шумной агитаціи антисемитическихъ и христіанско-монархическихъ демагоговъ противъ „космополитическаго капитала“ (отождествляемаго съ еврействомъ) и „всеразлагающаго либерализма“, агитаціи, приправленной фразеологіей, заимствованной изъ социаль-демократической прессы, и поддерживаемой государственно-социалистическими декламаціями Бисмарка и „социально-реформаторскими“ обѣщаніями редактируемыхъ имъ тронныхъ рѣчей. Словомъ, вмѣсто социалистической критики современнаго общества и пропаганды социальнаго переворота на почвѣ и при посредствѣ демократіи, на политическомъ горизонтѣ появилась поповско-полицейско-профессорская поддѣлка социализма, съ очевиднымъ назначеніемъ служить съ одной стороны ярлыкомъ для „социальной политики“, направленной въ пользу монархическихъ, дворянскихъ и капиталистическихъ интересовъ, а съ другой — орудіемъ борьбы одновременно — противъ социальной демократіи и либерализма. И вотъ часть примкнувшихъ къ консерваторамъ среднихъ и мелкихъ буржуа опять становится оппозиціонной и выдѣляется въ 81 г. въ числѣ 430,000 избирателей въ особую фракцію сецессионистовъ, слившихся вскорѣ съ прогрессистами (увеличившимися въ свою очередь на 260,000 голосовъ) въ партію „свободомыслящихъ“. Около 87 г. это либерально-оппозиціонное настроеніе среднихъ и „образованныхъ“ классовъ достигло такихъ размѣровъ, что грозило на будущихъ выборахъ значи-

тельно усилить оппозиціонныя партіи насчетъ правительственныхъ. Что же сдѣлалъ Бисмаркъ? Зная заячью натуру этихъ классовъ, онъ, при помощи картельной и оффиціозной прессы, распространилъ въ населеніи панику предъ готовящимся будто бы нападеніемъ французовъ и распустилъ рейхстагъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ отказалъ будто бы правительству въ средствахъ, необходимыхъ для „самообороны націи“. Извѣстно, какъ превосходно удался ему этотъ маневръ. Больше, чѣмъ на полтора милліона голосовъ увеличилась избирательная армія картеля и въ рейхстагѣ онъ приобрѣлъ полное господство, между тѣмъ какъ число свободомыслящихъ и вообще либерально-демократическихъ депутатовъ уменьшилось сравнительно съ 81 г. почти на три четверти — съ 115 оно опустилось до 32. Наконецъ, только на послѣднихъ выборахъ, 12 лѣтъ послѣ введенія исключительнаго закона противъ социалистовъ, когда безсиліе его вполнѣ обнаружилось, а гибельныя послѣдствія финансовой и торговой, вообще внутренней политики Бисмарка достигли своихъ крайнихъ проявленій, почтенный бюргеръ сообразилъ, что онъ былъ одураченъ реакціонерами и опять повернулъ въ сторону либерализма. Но на долго-ли? Поведеніе „свободомыслящихъ“ въ періодъ прошлогоднихъ перебаллотировокъ по отношенію къ социаль-демократамъ даетъ намъ право усумниться въ прочности либеральнаго настроенія „либеральныхъ“ избирателей.

Изъ партій, поименованныхъ въ нашей таблицѣ, только ультрамонтано-партикуляристская можетъ похвастаться постоянствомъ симпатій къ ней со стороны тѣхъ слоевъ населенія, въ которыхъ рекрутируются ея избиратели. Причина этого явленія заключается въ обстоятельствахъ, вызвавшихъ ее къ жизни, — мы коснулись ихъ мимоходомъ въ своей первой статьѣ. Не смотря, однако, на особенно благоприятныя для ея роста условія, мы и у ней замѣчаемъ такія рѣзкія колебанія въ цифрахъ ея избирателей, какъ уменьшеніе ихъ почти на 350,000 въ періодъ съ 74 по 81 г. и на 280,000 въ прошломъ году, сравнительно съ позапрошлыми выборами. Просимъ читателя не упускать изъ виду, что по составу своихъ руководящихъ элементовъ эта партія является одной изъ политическихъ организацій высшихъ классовъ и что, поэтому, избирателямъ ея никогда не приходилось встрѣчать такихъ экономическихъ и полицейскихъ препятствій при голосованіи, какъ социалистамъ. Тѣмъ не менѣе, уже съ выборовъ 77 г. въ движеніи ея голосовъ начинаютъ обнаруживаться, хотя и въ меньшей степени, тѣ же неправильности и колебанія, какія замѣчаются у другихъ партій господствующихъ классовъ. Фактъ этотъ указываетъ на то, что и корни ультрамонтановъ въ народной массѣ далеко не такъ прочны и глубоки, какъ кажется на первый взглядъ. Особенно симптоматическое значеніе имѣетъ уменьшеніе голосовъ у центра на послѣднихъ выборахъ, произволившихся въ атмосферѣ широко распространеннаго и интенсивнаго недовольства массъ правительствомъ и его парламентскими союзниками.

Какъ разъ обратное говорятъ цифры, выражающія отношеніе трудящихся классовъ Германіи къ социальной демократіи. Съ 71 по

90 г. количественный состав ея избирателей измѣнялся слѣдующимъ образомъ:

Число социалистическихъ голосовъ

въ 71 г.	124,700
” 74 ”	352,000
” 77 ”	493,300
” 78 ”	437,100
” 81 ”	312,000
” 84 ”	550,000
” 87 ”	763,100
” 90 ”	1,427,300

Вы видите, что за исключеніемъ 78 — 81 г. г., избирательные итоги социальной демократіи въ течение всего періода существованія имперскаго парламента въ современной Германіи съ неизмѣнной правильностью указываютъ на распространеніе и углубленіе ея вліянія въ народныхъ массахъ. Но можно-ли уменьшеніе цифры ея избирателей въ указанный періодъ считать признакомъ хотя бы кратковременнаго ослабленія къ ней симпатій въ этихъ массахъ? Достаточно напомнить читателю сказанное нами въ первой статьѣ относительно оргій реакціонеровъ и капиталистовъ въ первые годы послѣ изданія антисоциалистическаго закона — и онъ самъ дастъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Принимая во вниманіе беспощадный характеръ полицейско-судебныхъ преслѣдованій, сразу обрушившихся на социальную демократію въ 78 г., произволь хозяевъ, прогнавшихъ въ одномъ только Берлинѣ тысячи (говорятъ больше 15,000) интеллигентныхъ рабочихъ изъ мастерскихъ, высылку или изгнаніе наиболѣе инициативныхъ членовъ рабочихъ кружковъ изъ мѣстъ ихъ дѣятельности, внезапную дезорганизацію, произведенную преслѣдованіями въ рядахъ партіи, — принимая все это во вниманіе, въ связи съ запрещеніями распространять не только избирательныя воззванія, но и голосовыя бланки съ именами ея кандидатовъ, нужно удивляться не уменьшенію числа социалистическихъ голосовъ въ первое трехлѣтіе по изданіи исключительнаго закона, а тому, что въ неорганизованной и не воспламененной агитаціей массѣ нашлось 312,000 (въ 81 г.) избирателей, рискнувшихъ въ такой критической моментъ вотировать за партію, состоящую изъ однихъ пролетаріевъ, ничего пока не приносящую своимъ приверженцамъ, кромѣ матеріальныхъ лишеній и всяческихъ преслѣдованій. Очевидно, извѣстная часть избирателей, голосовавшихъ въ 77 г. за социалистовъ, поставленная при новыхъ обстоятельствахъ въ невозможность вотировать по своему убѣжденію, совсѣмъ воздержалась отъ голосованія. И дѣйствительно, общая цифра всѣхъ вотировавшихъ въ 81 г. значительно ниже, чѣмъ при предшествовавшихъ выборахъ.

Временная остановка въ ростѣ избирательной арміи рабочей партіи не можетъ, поэтому, идти въ параллель съ непрекращающимися колебаніями между процвѣтаніемъ и упадкомъ, наблюдаемыми у партій высшихъ классовъ, искусственно не задерживаемыхъ въ своемъ развитіи ни преслѣдованіями государства, ни бичемъ голода, въ видѣ лишенія ихъ приверженцевъ заработка. Политическая безформен-

ность и безпринципность, недостатокъ глубоко чувствуемыхъ и воодушевляющихъ общественныхъ идеаловъ у одной части населенія, полнѣйшее невѣжество и индифферентизмъ относительно политическихъ вопросовъ другой его части — вотъ главный источникъ отмѣченныхъ выше колебаній въ избирательныхъ результатахъ, относящихся къ этимъ партіямъ, опирающимся съ одной стороны на эксплуатирующіе классы, а съ другой — на наименѣ развитые и наиболѣе угнетаемые слои среди эксплуатируемыхъ массъ. Такія общественныя арміи естественно приходятъ въ разстройство отъ всякаго внѣшняго толчка, убываютъ и увеличиваются моментально, подъ вліяніемъ минутныхъ событій, измѣняющихъ настроеніе ихъ вліятельныхъ элементовъ. Но по мѣрѣ того, какъ распространяется пропаганда и агитаціонная дѣятельность соціальной демократіи, возрастаетъ доля политически сознательныхъ слоевъ въ низшихъ классахъ народа и уменьшается число политически индифферентныхъ. И именно къ ней все болѣе и болѣе тяготеютъ всѣ проснувшіеся къ осмысленной жизни элементы низшихъ классовъ. Поэтому-то избирательные успѣхи соціальной демократіи постоянно влекутъ за собою новые, дальнѣйшіе успѣхи, и являются въ самомъ дѣлѣ показателями ея роста и развитія, а не мимолетнаго процвѣтанія. Уменьшеніе-же цифры ея избирателей въ періодъ 78 — 81 гг. было только кратковременнымъ отступленіемъ предъ внезапно напавшимъ, обладающимъ гораздо большими силами врагомъ. Но такое вынужденное отступление не имѣетъ ничего общаго съ перемѣной въ настроеніи солдатъ отступившей арміи, и само по себѣ не указываетъ ни на дезертерство изъ ея рядовъ, ни даже на ослабленіе энтузіазма въ ней. Это и обнаружилось вполне уже при выборахъ 84 г., когда соціальная демократія выступила на поле избирательной борьбы съ силами, реорганизованными соотвѣтственно исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ она очутилась съ 78 г.

Помѣщенные выше таблицы содержатъ въ себѣ только абсолютныя измѣненія въ избирательныхъ итогахъ, безотносительно къ общему числу голосовавшихъ. Прослѣдимъ теперь ихъ относительныя измѣненія, такъ какъ именно они даютъ настоящій масштабъ для опредѣленія роста или упадка силъ разныхъ партій.

Изъ каждой сотни избирателей вотировали*)

Г О Д Ы	71	81	90
За консерваторовъ	28,3	38,4	35,4
„ либераловъ (включ. южногерм. демокр.)	37,3	23,2	18,3
„ ультрамонтановъ и партикуляристовъ	29,1	31,7	25,0
„ соціаль-демократовъ	3,0	6,1	19,7

*) Въ текстѣ всюду подразумѣваются только избиратели, принимавшіе участіе въ голосованіи, процентъ которыхъ сравнительно съ общею цифрою имѣющихъ право выбирать, бываетъ очень различенъ отъ одного избирательнаго періода до другого. Большинство „воздерживающихся“ отъ голосованія состоитъ изъ политически

Таблица эта резюмируетъ въ общихъ чертахъ ходъ измѣненій въ относительныхъ силахъ главнѣйшихъ партій Германіи за истекшія два десятилѣтія. Оставляя пока въ сторонѣ центръ съ примыкающими къ нему группами, мы видимъ, что либерализмъ, считавшій въ 71 г. около 40% избирателей въ своихъ рядахъ, потерялъ больше, чѣмъ половину своихъ приверженцевъ (частью потенциальныхъ, а отчасти и фактическихъ) и превратился изъ наиболѣе сильнаго политическаго фактора въ наиболѣе слабый. вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ относительное усиленіе консерваторовъ въ концѣ разсматриваемаго нами періода на семь процентовъ, а съ другой стороны — социаль демократовъ почти на семнадцать процентовъ. Въ 71 г. послѣдніе составляли одну тридцать третью долю всѣхъ избирателей, теперь же около одной пятой, т. е. приблизительно въ семь разъ больше (абсолютно же они увеличились въ 11 разъ). Это значитъ, что социалистическая агитація вызвала центробѣжное стремленіе въ составныхъ элементахъ либеральныхъ фракцій: въ рабочихъ слояхъ, слѣдовавшихъ за ними, развилось тяготѣніе къ социальной демократіи, въ буржуазныхъ — возникло тяготѣніе къ консерваторамъ. Мы уже выше видѣли, что въ 78 г. вся національ-либеральная партія, если не по названію, то фактически, оставила знамя либерализма и присоединилась, въ качествѣ лѣваго крыла, къ официальнымъ реакціонерамъ.

Не смотря, однако, на такой огромный притокъ новыхъ силъ къ консерваторамъ въ концѣ 70-ыхъ годовъ, въ теченіи послѣдняго десятилѣтія и у нихъ обнаруживается регрессивное движеніе. По сравненію съ 81 г., они на прошлогоднихъ выборахъ получили на три процента меньше голосовъ, а по сравненію съ 78 г. убыль ихъ равна почти двадцати процентамъ. Очевидно, одностороннее, направленное какъ бы исключительно ко вреду либераловъ, вліяніе социаль-демократической агитація на группировку общественныхъ силъ между разными политическими партіями продолжалось только до конца 70-ыхъ годовъ. Въ теченіе же прошлаго десятилѣтія вліяніе это начало все болѣе и болѣе непосредственно отражаться и на реакціонныхъ партіяхъ, такъ что наконецъ притокъ перебѣжчиковъ къ нимъ изъ лагеря либераловъ оказался не въ состояніи покрыть дефицитъ, образовавшійся въ ихъ избирательной арміи, вслѣдствіе потерь, понесенныхъ ими въ столкновеніяхъ съ социальной демократіей. Прогрессъ притягательной силы этой послѣдней на демократическую часть элементовъ, составляющихъ главную опору консервативныхъ партій, обнаружится еще болѣе, если совѣмъ выдѣлимъ изъ нихъ

вполнѣ индифферентныхъ лицъ и образуетъ резервную избирательную армію для эксплуататорскихъ партій, преимущественно для реакціонныхъ, пускаемую ими въ дѣйствіе въ особенно критическіе моменты. Весьма характерно, что въ 81 г., когда, благодаря исключительному положенію социальной демократіи, лишившему ее возможности открыто агитировать въ массахъ, партіи эти считали конкуренцію ея при выборахъ неопасной, цифра голосовавшихъ упала сравнительно съ 78 г. почти на 700,000. За вычетомъ приблизительно 180,000 социалистическихъ избирателей, не голосовавшихъ по известнымъ причинамъ, остальные изъ воздержавшихся принадлежали къ пассивнымъ силамъ реакціи.

національ либераловъ. Безъ послѣднихъ, цифра ихъ избирателей понизилась съ двадцати восьми процентовъ общаго числа голосовъ въ 71 г. до двадцати трехъ процентовъ въ 81 г. и упала, наконецъ, до девятнадцати процентовъ на послѣднихъ выборахъ. Если часть этихъ потерь официальныхъ реакціонеровъ въ нѣкоторыхъ округахъ пошла на пользу демократическихъ или плутократическихъ либераловъ, то другая, быть можетъ большая, должна быть зачислена въ политическій активъ соціальной демократіи.

Избирательная статистика (относящаяся къ выборамъ въ рейхстагъ) наглядно показываетъ, съ какой математической правильностью подвигается впередъ процессъ разложенія эксплуататорскихъ партій подъ влияніемъ соціальной демократіи и поглощенія ею ихъ наиболее здоровыхъ жизненныхъ соковъ. Избирательные итоги отражаютъ также разницу въ политическомъ характерѣ тѣхъ слоевъ народа, которые пристають къ рабочей партіи, и тѣхъ изъ нихъ, которые тащатся въ хвостѣ ея противниковъ. Эта разница особенно рельефно проявилась въ періодъ перебаллотировокъ. И такъ какъ она очень существенна для оцѣнки политической роли соціальной демократіи, то мы и остановимся нѣсколько на тактикѣ послѣдней и ея враговъ во время этихъ перебаллотировокъ. Кромѣ того, они имѣютъ интересъ еще и потому, что непосредственно и осязательно показываютъ, въ какой сильной степени либерально-демократическія фракціи Германіи находятся въ зависимости отъ партій социалистической.

III

Для читателей, не имѣвшихъ случая хорошо ознакомиться съ названіями и составомъ общественныхъ элементовъ, между которыми шла борьба на послѣднихъ выборахъ, мы сдѣлаемъ слѣдующее замѣчаніе. Господствующими партіями въ предыдущемъ рейхстагѣ были консерваторы и національ-либералы, заключившіе между собою во время избирательной борьбы 87 г. формальный союзъ, извѣстный подъ названіемъ картеля. Первые изъ нихъ являются представителями землевладѣльческой аристократіи и вообще дворянско-клерикальных элементовъ протестантской части населенія, послѣдніе — капиталистической аристократіи. Въѣтъ съ правительствомъ, обѣ половины картеля управляли законодательнымъ и административнымъ механизмомъ имперіи исключительно въ интересахъ святой троицы современной Германіи: монархіи, юнкерства и плутократіи. Противъ картеля и направлены были поэтому, главнымъ образомъ, общія усилія всей оппозиціи.

Оппозиція эта состояла изъ слѣдующихъ элементовъ: во-первыхъ, изъ социалистической демократіи или партій рабочихъ; во-вторыхъ, изъ либеральной или буржуазной демократіи, распадающейся въ свою очередь на двѣ фракціи: „свободомыслящихъ“ и „народную партію“ южно-германскихъ демократовъ. Обѣ онѣ опираются

на среднюю и отчасти мелкую буржуазию*), которая тащит за собою къ избирательной урнѣ и не доразвившихся до классового самосознанія рабочихъ. Наконецъ, въ оппозиціонномъ-же лагерѣ находились ультрамонтаны и партикуляристы Эльзаса, насильственно присоединеннаго въ 66 г. къ Пруссіи ГанOVERA и польскихъ провинцій. Генеральный штабъ, т. е. руководящіе элементы ультрамонтановъ и партикуляристовъ состоятъ преимущественно изъ католическихъ юнкеровъ и феодаловъ, теологовъ и поповъ всѣхъ ступеней іерархіи римской церкви, а избирательная армія рекрутируется, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ, ремесленниковъ, вообще мелко буржуазныхъ слоевъ и рабочихъ. Связующимъ звеномъ и формальнымъ лозунгомъ для всѣхъ этихъ элементовъ служили (а отчасти и теперь еще служатъ), съ одной стороны: защита правъ католической церкви противъ усилій Бисмарка подчинить ее государственной власти, представителемъ которой является сынъ евангелической церкви, прусскій король и германскій императоръ, а съ другой — ненависть противъ Пруссіи и стремленіе противодѣйствовать дальнѣйшимъ покушеніямъ ея на остатки національной и мѣстной автономіи государствъ и провинцій, „объединенныхъ“ при помощи „крови и желѣза“ въ имперію. Сильнѣйшей изъ ультрамонтано-партикуляристскихъ группъ является центръ, по отношенію къ которому всѣ прочія играютъ роль спутниковъ. Эта партія преслѣдуетъ спеціально церковно-политическіе интересы католицизма, но коренной источникъ ея силы заключается, помимо народныхъ симпатій, прибрѣтенныхъ ею въ періодъ преслѣдованій католическаго духовенства (70-ые годы), въ общности, не интересовъ, но *антагонизма* ея аристократическихъ и демократическихъ слоевъ съ крупной буржуазіей, оттѣснившей на задній планъ клерикально дворянскіе элементы, разоряющей различными путями мелкую буржуазию (включая и крестьянъ) и обогащающейся непосредственною эксплуатаціей рабочаго класса. При слабости социалистическаго движенія въ началѣ 70-ыхъ годовъ, центру не трудно было, опираясь на эту отрицательнаго свойства почву, убѣдить не только крестьянъ и ремесленное населеніе, но и рабочихъ католическаго вѣроисповѣданія въ томъ, что онъ является ихъ естественнымъ руководителемъ и въ дѣлахъ церкви, и въ защитѣ ихъ социальнаго экономическаго и политическаго интересовъ. А такъ какъ философія исторіи реакціонеровъ (и идеалистическихъ атенстовъ, замѣтнмъ кстати) говоритъ, что именно либерализмъ породилъ буржуазное общество, а не наоборотъ, то борьба всѣхъ вѣрующихъ католиковъ противъ „лжеученій либерализма“ и „либеральнаго государства“ заняла въ программѣ ультрамонтановъ мѣсто классовой борьбы пролетаріата противъ буржуазіи. Въ дѣйствительности, однако, центру приходилось часто бокъ о бокъ съ либералами, и именно демократическими, защищать противъ Бисмарка и его парламент-

---

*) Теоретически и по намѣренію, либеральная демократія является представительницей именно среднихъ и низшихъ слоевъ буржуазіи. Но на дѣлѣ, масса послѣднихъ, едва ли не большинство, тащится въ послѣдніе 10 — 15 лѣтъ въ хвостъ реакціонеровъ,

скихъ союзниковъ права рейхстага и „народа“, т. е. бороться за дальнѣйшее развитіе и упроченіе основныхъ началъ либерализма въ государственномъ строѣ Германіи. Этого требовали интересы католической церкви въ Пруссіи и Германіи, гдѣ главой государственной власти является протестантъ, а также и демократическій составъ избирательныхъ массъ центра. Въ итогѣ послѣдній оказывается (точнѣе былъ) партией, въ одно и то же время реакціонной и либеральной, аристократической и демократической.

При всей разницѣ въ характерѣ и стремленіяхъ составныхъ частей оппозиціи, всѣ онѣ, начиная съ социальной демократіи и кончая ультрамонтано-партикуляристскими группами, сходились въ періодъ прошлогодней избирательной борьбы въ одномъ пунктѣ: въ стремленіи окончательно разбить картель, чтобы устранить первое и непосредственное препятствіе для избавленія отъ бисмарковскаго режима, ненавистнаго всѣмъ имъ и представляемымъ ими общественнымъ классамъ. Побѣда картеля на выборахъ имѣла бы своимъ послѣдствіемъ, по крайней мѣрѣ въ перспективѣ, упроченіе на многіе годы этого режима съ его политикой, направленной исключительно въ пользу прогрессивнаго усиленія бюрократіи, полицейскаго произвола, солдатчины и обогащенія капиталистическихъ и землевладѣльческихъ бароновъ и князей на счетъ остальныхъ классовъ населенія. Отсюда сама собою вытекала для всѣхъ оппозиціонныхъ партій обязанность и необходимость взаимной поддержки при перебаллотировкахъ повсюду, гдѣ противниками той или другой изъ нихъ явится кандидатъ картеля. Въ лагерѣ буржуазной демократіи еще до генеральныхъ выборовъ раздавались голоса въ пользу соглашенія между всѣми элементами оппозиціи, включая и социальную демократію. „Долой картель!“ — таковъ общій девизъ всѣхъ этихъ элементовъ. А потому, заявляли нѣкоторые изъ либерально-оппозиціонныхъ органовъ, всѣ они должны соединиться въ „антикартель“ и дружно напасть на общаго врага. При этомъ не скупились на комплименты по адресу социаль-демократовъ, надѣясь, вѣроятно, сдѣлать ихъ такимъ образомъ болѣе податливыми на заискиванія „свободомыслящихъ“ и „народной партіи“.

Какова-же на самомъ дѣлѣ была тактика оппозиціонныхъ партій на перебаллотировкахъ?

Лишь только обнародованы были первые результаты общихъ выборовъ, какъ почти всѣ отѣнки буржуазной прессы наполнились іереміадами, заканчивавшимися обыкновенно такого рода призывомъ къ имущимъ классамъ: „Это положеніе вещей налагаетъ на партіи порядка обязанность сомкнуться въ тѣсные ряды, чтобы соединенными силами напасть на общаго врага“ — на социальную демократію (Швабскій Меркурій, № отъ 22 Февраля). Цитированная газета принадлежитъ къ органамъ картеля. Но въ такомъ же смыслѣ высказывалась пресса центра и, за немногими исключеніями, пресса свободомыслящихъ. Ультрамонтаны были такъ перепуганы избирательными успѣхами рабочей партіи, что забыли о своей кровной враждѣ съ національ-либералами и консерваторами протестантскаго лагеря и поспѣшили образовать съ ними оборонительный „картель“

противъ этого „общаго“ врага. Мы не станемъ, однако, останавливаться на поведеніи центра относительно соціальной демократіи. Для насъ интереснѣе избирательная тактика либеральной демократіи съ одной стороны и соціалистической — съ другой.

Вотъ прежде всего нѣсколько образчиковъ тона, которымъ заговорили „свободомыслящіе“, только что искавшіе сближенія съ соціаль-демократами, тотчасъ послѣ общихъ выборовъ.

Во второмъ берлинскомъ округѣ первые выставили своимъ кандидатомъ профессора Вирхова. Въ качествѣ представителя науки, онъ пользуется уваженіемъ и симпатіями среди соціалистическихъ рабочихъ Германіи въ такой же мѣрѣ, какъ и среди образованныхъ слоевъ другихъ классовъ населенія. Но какъ членъ одной изъ буржуазныхъ партій, онъ являлся политическимъ противникомъ пролетаріата, а потому объ отказѣ со стороны соціальной демократіи въ его пользу отъ самостоятельной кандидатуры не могло быть и рѣчи. И вотъ оказалось, что на общихъ выборахъ знаменитый Вирховъ получилъ на 2000 голосовъ меньше, чѣмъ темный переплетчикъ Янышевскій, кандидатъ рабочей партіи. Въ виду этого неожиданнаго результата, „свободомыслящіе“ прежде всего излили свои чувства въ такихъ эпитетахъ по адресу Янышевскаго, какъ „полуидіотъ, польскій переплетчикъ“, а затѣмъ обратились къ бюрократическимъ и дворянскимъ реакціонерамъ, населяющимъ одинъ изъ участковъ 2-го берлинскаго округа съ такими упреками: Можно было надѣяться, что въ виду кандидатуры соціалистовъ, общественные элементы „квартала тайныхъ совѣтниковъ“ примирятся съ представительствомъ чловѣка такой всемірной извѣстности, какъ Вирховъ, единственный недостатокъ котораго только въ томъ и заключается, что онъ принадлежитъ къ партіи свободомыслящихъ. И если у нихъ не хватило духу голосовать за него, то пусть бы они имѣли мужество хоть вотировать за консерватора Ирмера (антисеми́та)! Въмѣсто того, они совѣмъ воздержались и привели къ тому, что какой-то темный соціаль-демократическій переплетчикъ получилъ 20,000 голосовъ, на 2000 больше Вирхова“.

Дѣйствительно, Янышевскій былъ наканунѣ выборовъ, да и теперь остается „темнымъ соціаль-демократическимъ переплетчикомъ“. Но этотъ переплетчикъ незадолго до послѣдней избирательной борьбы выпущенъ былъ изъ тюрьмы, гдѣ онъ просидѣлъ три съ половиною года изъ-за попытки начать пропаганду соціализма въ Познани. Этого обстоятельства оказалось достаточнымъ, чтобы доставить ему побѣду надъ такимъ, неизмѣримо болѣе сильнымъ и популярнымъ противникомъ, какъ Вирховъ. Мы понимаемъ, что такой фактъ, случившійся при томъ въ столицѣ имперіи и одномъ изъ ея главнѣйшихъ „центровъ торговли и образованія“, долженъ былъ привести либеральную „интеллигенцію“ въ чрезвычайное смущеніе. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя не стала бы обзывать „полуидіотомъ“ кандидата партіи, которую только что приглашала присоединиться къ „антикартелю“, если бы либерализмъ ея имѣлъ подъ собою серьезную подкладку. Въдѣ въ данномъ случаѣ дѣло шло главнымъ образомъ о протестѣ противъ политическаго режима, врагами котораго объяв-

ляют себя и господа „свободомыслящие“. Еще болѣе характерной, если это возможно, для политической благонадежности послѣднихъ является съ такимъ цинизмомъ выраженная досада ихъ на консерваторовъ за то, что у нихъ не хватило безстыдства вотировать за антисемитическаго демагога Ирмера. Хороши радикальные либералы, готовые мириться съ побѣдой даже такого ультра-реакціоннаго кандидата, за котораго стѣсняются подавать голоса сами реакціонеры „квартала тайныхъ совѣтниковъ“.

На иной манеръ, хотя не менѣе типично, проявилъ свой политическій радикализмъ избирательный комитетъ „свободомыслящихъ“ въ третьемъ берлинскомъ округѣ. Въ своей прокламаціи названный комитетъ прежде всего упрекаетъ социаль-демократическихъ агитаторовъ въ скриваніи ими будто бы конечныхъ цѣлей социализма, а затѣмъ возводится слѣдующій рядъ обвиненій противъ нихъ: „Но чего же они добиваются на почвѣ современнаго государства? Они отказываютъ правительству въ налогахъ и солдатахъ и вотируютъ въ парламентѣ не только противъ чрезмѣрныхъ расходовъ, но и противъ всего бюджета, противъ жалованья чиновникамъ, пенсій инвалидамъ, они отказываютъ правительству въ средствахъ на удовлетвореніе государственныхъ кредиторовъ, на продолженіе старыхъ и предпріятіе новыхъ построекъ. Въ послѣдней сессіи рейхстага социалистическіе депутаты вотировали противъ снабженія войска новымъ, усовершенствованнымъ оружіемъ, а въ 1870 г. они высказались противъ выдачи средствъ правительству на веденіе войны съ Франціей. Социаль-демократы не признаютъ всеобщей равноправности, они врываются въ чужія собранія, производятъ тамъ безпорядки и стараются ихъ разстраивать...“ Мы не станемъ разбирать этотъ, отчасти злостный, а еще болѣе смѣшной винегретъ всевозможныхъ нареканий и обвиненій, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, четыре пятихъ характеризуютъ только политическую твердость социальной демократіи, а остальные представляютъ собою чистѣйшую ложь. Предоставляемъ самому читателю судить о политическомъ характерѣ либерально демократической партіи, бросающей своей соперницѣ обвиненія, сводящіяся къ тому, что она слишкомъ послѣдовательно и энергично борется противъ солдатчины, бюрократизма и чрезмѣрнаго обремененія народа налогами и податями, предоставленными въ распоряженіе полу-абсолютнаго правительства.

Вообще, въ періодъ перебаллотировокъ тактика „свободомыслящихъ“ по отношенію къ социальной демократіи въ большинствѣ округовъ едва ли существенно отличалась отъ тактики національ-либераловъ или консерваторовъ. Мѣстами она принимала характеръ прямого насилія надъ рабочими. Въ Кенигсбергѣ, на примѣръ, свободомыслящіе, при содѣйствіи національ-либераловъ и властей, заставили содержателей большихъ ресторановъ не давать социалистамъ залъ для собраній, вслѣдствіе чего послѣдніе лишены были возможности выступать публично предъ массой избирателей. Далѣе, многіе предприниматели потребовали отъ своихъ рабочихъ письменнаго обязательства, что они подадутъ свои голоса только за свободомы-

слящаго кандидата. Затѣмъ, на многихъ фабрикахъ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, проэктировалось запрещеніе рабочимъ, въ обѣденнаго времени, отлучаться для подачи своего голоса. Наконецъ, въ довершеніе всего, купечество намѣревалось (не знаю, выполнило ли оно свое намѣреніе) доставить всѣмъ лицамъ, не имѣвшимъ работы, на два дня занятіе въ города, рассчитывая лишить тѣмъ самымъ социалистовъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ, для „свободомыслящихъ“ дѣло шло о самозащитѣ. Ихъ поведеніе по отношенію къ социаль-демократіи шло въ разрывъ съ требованіями самаго либеральнаго демократизма, но въ свое оправданіе они могли бы сослаться на увлеченіе борьбой, въ виду опасности, угрожавшей ихъ важнѣйшимъ позиціямъ со стороны побѣдоноснаго противника. За то въ тѣхъ округахъ, гдѣ борьба на перебаллотировкахъ происходила исключительно между социалистами и реакціонерами, можно было ожидать, что „свободомыслящіе“ примутъ сторону первыхъ. На это можно было надѣяться, основываясь на заявленіяхъ ихъ прессы и на всемъ ея тонѣ въ періодъ генеральной избирательной борьбы. На дѣлѣ, однако, вышло совершенно обратное.

Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ социальной демократіи пришлось въ двухъ округахъ подвергнуться перебаллотировкѣ съ національ-либералами. Вотъ что мы находимъ по этому поводу въ „Кильской газетѣ“ органѣ свободомыслящихъ: „Во второмъ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ округѣ управленіе свободомыслящаго союза собирается обнародовать заявленіе въ пользу національ-либеральнаго кандидата. Въ Пиннебергѣ, Оттензенѣ, Итерзенѣ національ-либералы, консерваторы и свободомыслящіе соединились и уже образовали сообща одинъ избирательный комитетъ для предстоящей перебаллотировки. Далѣе, центральное управленіе свободомыслящихъ Шлезвигъ-Гольштейна (всего герцогства) готовитъ официальную прокламацію по поводу шестого округа. Мы еще разъ обращаемся къ членамъ свободомыслящей партіи и настоятельно просимъ ихъ, въ интересахъ этой послѣдней, слушаться только голоса разсудка и энергично дѣйствовать противъ социальной демократіи. Разъ округъ попадетъ въ руки послѣдней, свободомыслящіе потеряютъ всякую надежду когда либо опять овладѣть имъ. Это наглядно доказываютъ примѣры Гамбурга и Альтоны. И дѣйствительно, огромное большинство свободомыслящихъ въ шестомъ округѣ ясно сознаетъ, что вопреки всему случившемуся (т. е. ожесточеннымъ междоусобіямъ въ лагерѣ буржуазныхъ партій), національ-либералы, стоящіе на одной съ нами государственной и общественной почвѣ, являются наиболѣе близкой намъ партіей. Пусть же общность интересовъ партій имущихъ классовъ (buergerlichen Parteien) выступитъ теперь передъ ихъ сознаніемъ съ большей силой, чѣмъ воспоминаніе о прежнихъ распряхъ. Мы, Шлезвигъ-Гольштейнцы проявляли единеніе во всѣ критическіе моменты, будемъ же и теперь единодушно дѣйствовать, ни одна партія не будетъ въ этомъ потомъ раскаяваться.“

Не всѣ представители буржуазной демократіи стояли за предложенную цитированной газетой тактику. Но что большинство ихъ

я, въ особенности, руководимая ими масса, держались этой тактики, видно изъ результатовъ перебаллотировокъ. Я насчиталъ 37 округовъ, въ которыхъ социаль-демократамъ пришлось перебаллотировываться съ національ-либералами или консерваторами. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ исходъ перебаллотировокъ зависѣлъ отъ буржуазной оппозиціи, и главнымъ образомъ, отъ свободомыслящихъ. И тѣмъ не менѣе, всего въ 13 изъ интересующихъ насъ районовъ кандидатамъ социалистовъ удалось одержать побѣду надъ картелемъ. Уже одно это показываетъ, что большинство приверженцевъ буржуазной оппозиціи вотировало за картель.

Мы знаемъ, однако, что не смотря на измѣну буржуазной оппозиціи, у социальной демократіи, въ ея перебаллотировкахъ съ картелемъ прибавились десятки тысячъ новыхъ избирателей. Откуда же взялись они? Вопросъ этотъ разрѣшается очень просто.

Помимо элементовъ пассивныхъ и вялыхъ, находящихся въ ея рядахъ, какъ и въ другихъ партіяхъ, у нея имѣется еще избирательный резервъ, состоящій изъ рабочихъ, пока не примкнувшихъ къ ней, во уже начинающихъ сочувствовать ея борьбѣ и успѣхамъ. Часть изъ нихъ продолжаетъ пока сохранять свое внѣпартійное положеніе и не принимаетъ участія въ политической жизни, другая, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, а отчасти и по привычкѣ, еще остается даже формально въ лагерь той или другой изъ буржуазныхъ партій. При общихъ выборахъ, эти, стоящіе на распутьи, слои рабочаго класса или совсѣмъ воздерживаются отъ голосованія, или же вотируютъ за кандидата той партіи, съ которой они связаны по традиціи или по внѣшнимъ, „не зависящимъ“ отъ нихъ обстоятельствамъ. Тутъ дѣйствуютъ отчасти привычки, рутинна, инертность, отчасти сомнѣнія въ силѣ социалистовъ, только что начинающихъ пробивать себѣ дорогу къ вліянію и власти. Возрастающіе успѣхи социальной демократіи дѣйствуютъ, однако, обаятельнымъ образомъ на эти элементы рабочаго класса и замѣняютъ постепенно ихъ нерѣшительность и колебанія активнымъ сочувствіемъ. Изъ нихъ-то, нужно полагать, и составляется, главнымъ образомъ, тотъ контингентъ избирателей, который увеличиваетъ цифру социалистическихъ голосовъ при перебаллотировкахъ, происходящихъ послѣ генеральныхъ выборовъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ побѣдъ социальной демократіи. Этимъ именно элементамъ пролетаріата, а не буржуазной оппозиціи въ цѣломъ, социалисты обязаны своими побѣдами и при прошлогоднихъ перебаллотировкахъ.

Что собственно побудило либерально-оппозиціонные элементы перемѣнить фронтъ относительно социальной демократіи, лишь только окончилось первое голосованіе? Какъ ни многозначительны были ея избирательные успѣхи, все же они не представляли собою непосредственной опасности для экономическихъ основъ буржуазнаго общества. Въ лучшемъ случаѣ у нея оказалось бы 60 или около того депутатовъ въ рейхстагѣ, т. е. такое меньшинство, которое самостоятельно не могло бы даже играть роль рѣшающаго фактора въ законодательномъ собраніи, и стало бы, никоимъ образомъ не давало бы ей возможности покушаться на „собственность, семью“ и

прочія святыни либеральныхъ бюргеровъ. За то побѣда реакціонеровъ угрожала дѣйствительной, непосредственной опасностью не только социалистическому пролетариату, но и всему народу, за исключеніемъ крупныхъ капиталистовъ, юнкеровъ, бюрократовъ и клерикаловъ. А между тѣмъ, численный перевѣсъ реакціонеровъ въ рейхстагѣ былъ обезпеченъ уже исходомъ генеральныхъ выборовъ, доставившихъ относительное большинство парламентскихъ мѣстъ ультрамонтано-партикуляристской партіи, игравшей оппозиціонно-демократическую роль лишь поскольку это необходимо было для ея реакціонныхъ цѣлей. Уже въ то время можно было предвидѣть, что правительство пойдетъ на уступки центру и постарается очистить дорогу для сближенія послѣдняго съ консерваторами, т. е. съ реакціонерами „евангелической церкви“. Въ виду этой перспективы, энергичная поддержка другъ друга на перебаллотировкахъ являлась настоятельной необходимостью и обязанностью для всѣхъ фракцій демократической оппозиціи; и при томъ не только противъ вартеля, но и противъ ультрамонтановъ, побѣда которыхъ надъ первымъ была по разнымъ соображеніямъ очень желательна, но отнюдь не на счетъ одной изъ демократическихъ партій. Не представляя собою для современнаго общества непосредственной опасности въ смыслѣ коммунистическаго переворота, 50-60 социалистическихъ депутатовъ въ рейхстагѣ оказались бы, однако, весьма опасными для современнаго политическаго режима Германіи и для заинтересованныхъ въ его долговѣчности магнатовъ капитала и феодально-абсолютистскихъ элементовъ. Съ этой точки зрѣнія, оппозиціонная буржуазія должна бы, казалось, прямо желать побѣды социалистовъ на перебаллотировкахъ. Что же толкнуло ее въ объятія ненавидимыхъ ею партій и заставило дѣйствовать съ ними противъ социальной демократіи?

Истинная причина этого явленія заключается въ страхѣ всѣхъ слоевъ буржуазіи не только передъ будущей революціей пролетариата, но и передъ возрастающимъ вліяніемъ его на *повседневную* политику *современнаго* государства и самихъ эксплуататорскихъ партій въ области „соціального вопроса“. Уже дошло до того, жаловалась „Кельнская газета“, что „едва ли найдется партія, у которой имущіе и образованные классы могутъ найти себѣ защиту. Только немногіе выдающіеся органы имѣютъ еще мужество систематически и послѣдовательно выступать противъ заносчивости, ненасытности и террористическихъ склонностей массъ... А потому собственно нуждаются-то въ покровительствѣ именно имущіе и образованные классы“. Слова эти вполнѣ выражаютъ тревоги и мысли, возбужденныя извѣстными императорскими рескриптами отъ 4 Февраля 90 г. объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ изъ экономическихъ требованій интернаціональной социаль-демократіи.

Читатель помнитъ, какое соревнованіе по вопросу о государственномъ покровительствѣ рабочимъ проявили въ періодъ избирательной борьбы буржуазныя партіи — вплоть до свободомыслящихъ манчестерцевъ, принципиальныхъ приверженцевъ „свободы труда“, илп, что тоже самое, свободы капиталистовъ эксплуатировать его. Но

вѣдь это все происходило до выборовъ, когда о степени успѣховъ социалистическаго движенія въ истекшее трехлѣтіе можно было только догадываться по частичнымъ, хотя и внушительнымъ проявленіямъ его. Можно себѣ представить тревогу, овладѣвшую слабонервными бюргерами сейчасъ послѣ выборовъ, доставившихъ социаль-демократамъ сразу 20 мѣстъ въ рейхстагѣ, около 60 перебаллотировокъ и почти полтора милліона голосовъ. Что же будетъ, тревожно думали имущіе элементы правительственныхъ и антиправительственныхъ партій, если социалисты одержатъ побѣду надъ своими противниками и на перебаллотировкахъ, и войдутъ въ законодательную палату имперіи въ числѣ 70 или больше депутатовъ? Ну, положимъ, революціи они учинять не станутъ, да на такой конецъ у насъ, слава богу, солдатъ и полиціи достаточно. Но не будутъ ли они производить слишкомъ большое давленіе на правительство и большинство рейхстага? Кто можетъ поручиться, что „въ своемъ рвеніи обогнать другъ друга въ проявленіи своей любви къ рабочимъ“ (слова Кельнской газеты) правительство и рейхстагъ не введутъ десятичасоваго рабочаго дня и не удовлетворятъ другимъ ближайшимъ требованіямъ социальной демократіи, столь гибельнымъ для „національной промышленности“ и для благосостоянія „средняго сословія“ мелкихъ предпринимателей?

Такіе или подобные вопросы и думы должны были тревожить головы эксплуататоровъ въ періодъ перебаллотировокъ. При такомъ настроеніи, перспектива господства реакціонныхъ элементовъ въ новомъ рейхстагѣ должна была казаться „свободомыслящимъ“ филистерамъ чуть не мелочью, пустякомъ, по сравненію съ увеличеніемъ социалистической фракціи.

Мы видѣли выше, что присутствіе замѣтнаго числа социалистическихъ депутатовъ въ рейхстагѣ прежде всего и непосредственнѣе всего послужило бы на пользу борьбы за политическую свободу, значительно увеличивши силы либерально-демократической оппозиціи. Но читатель видитъ теперь, что либеральная буржуазія должна скорѣе опасаться, чѣмъ желать усиленія политической оппозиціи такимъ союзникомъ. Вѣдь въ настоящее время всякій шагъ по пути демократизаціи политическихъ учрежденій служитъ прежде всего къ увеличенію оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ пролетаріата въ его освободительной борьбѣ. Сильная монархическая власть, военщина, бюрократизмъ, ограниченія свободы прессы и т. п. — все это вещи, конечно, непріятныя, но онѣ въ то же время — ограды и крѣпости современнаго общества противъ натиска организованныхъ рабочихъ армій. Тяготятъ эти прелести полуабсолютистскаго режима среднюю и мелкую буржуазію, да совсѣмъ безъ нихъ обойтись ей еще страшнѣе; гдѣ и у кого найдешь тогда защиту противъ дерзкихъ требованій черни?

Экономическій антагонизмъ среднихъ и низшихъ слоевъ буржуазіи съ пролетаріатомъ, какъ съ объектомъ ихъ эксплуатаціи и условіемъ ихъ существованія, отнимаетъ у нихъ способность серьезно сочувствовать дѣлу политической свободы. Антагонизмъ этотъ обрекаетъ ихъ на вѣчное колебаніе между либерализмомъ и реакціей,

между стремленіемъ къ полному торжеству парламентскаго правленія надъ военно-бюрократическимъ и опасеніями послѣдствій такого торжества для ихъ экономическаго господства надъ рабочимъ классомъ. Вотъ эта-то политическая шаткость и безпринципность буржуазныхъ массъ и отразилась нагляднымъ образомъ въ ихъ голосованіи на перебаллотировкахъ въ прошломъ году, за реакціонныя партіи противъ социалистической.

Обратимся теперь къ избирательной тактикѣ социаль-демократовъ. Само собою разумѣется, что на общихъ выборахъ они выступили и обязаны были выступить вполне самостоятельно, не отвязываясь ни отъ одного голоса въ пользу буржуазныхъ противниковъ картеля. Говорю: „обязаны были“ потому, что этого требовали не только конечныя цѣли и задачи рабочей партіи, но и непосредственные интересы самой борьбы съ плутократическо-дворянской реакціей,—интересы политической свободы. Ничего, кромѣ вреда для накопленія силъ, необходимыхъ для энергическаго веденія этой борьбы, не вышло бы отъ избирательнаго компромисса съ политическими группами, программа и тактика которыхъ опредѣляются общественными элементами, больше всего опасяющимися именно политическаго радикализма рабочихъ. Предыдущія страницы избавляютъ меня отъ надобности въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ этого замѣчанія.

Съ окончаніемъ голосованія на общихъ выборахъ, окончился и тотъ фазисъ избирательной борьбы, въ которомъ исключительной основой тактики социаль-демократовъ служить пропаганда ихъ учений и требованій, съ одной стороны, а съ другой — опредѣленіе размѣровъ своего вліянія въ народной массѣ. Въ періодъ перебаллотировокъ, передъ социалистической партіей выступила на первый планъ задача, соединявшая ее общимъ интересомъ съ прочими элементами оппозиціи и выразившаяся въ лозунгѣ: „долой картель!“ Поэтому, тотчасъ послѣ общаго голосованія, центральное управленіе рабочей партіи обратилось къ социалистическимъ избирателямъ съ воззваніемъ, въ которомъ настоятельно приглашало ихъ — подъ условіемъ, о которомъ сказано будетъ ниже — вотировать повсюду за либерально-демократическихъ и даже ультрамонтанскихъ кандидатовъ противъ картеля. Читатель, однако, ошибся бы, если бы предположилъ, что вожди социальной демократіи вошли при этомъ въ какое нибудь соглашеніе съ буржуазными противниками картеля. „Предлагая вамъ такъ дѣйствовать, писали въ заключеніе авторы упомянутой прокламаціи, мы отнюдь не рассчитываемъ на обратныя услуги со стороны другихъ партій: вѣдь часть буржуазной прессы призываетъ уже эти партіи къ образованію коалиціи противъ насъ. Нѣтъ! и въ данномъ случаѣ мы дѣйствуемъ, не подъ вліяніемъ надеждъ на выгодныя сдѣлки съ нашими противниками, а единственно ради интересовъ своей партіи и общаго блага“.

Мы уже знаемъ, что послѣдующее поведеніе буржуазной массы вполне оправдало мотивъ, удерживавшій руководителей рабочей партіи отъ заключенія союза со свободомыслящими и центромъ хотя бы только для перебаллотировокъ. Поддерживать же названныя

партій соціаль-демократы должны были ради низверженія картеля. При этомъ буржуазная оппозиція, и своимъ вотомъ въ прежнемъ парламентѣ, и своими заявленіями въ прессѣ и на собраніяхъ взяла на себя обязательство противодѣйствовать возобновленію исключительнаго закона противъ передовыхъ элементовъ пролетаріата. Политическіе представители послѣдняго не удовлетворились, однако, этимъ; въ цитированномъ воззваніи они предлагали социалистическимъ избирателямъ требовать отъ кандидатовъ оппозиціи обязательство противодѣйствовать въ парламентѣ:

- 1) Введенію какихъ бы то ни было исключительныхъ законовъ.
- 2) Внесенію болѣе строгихъ постановленій въ уголовный кодексъ, и
- 3) Обязательство вотировать противъ всякихъ ограниченій общаго избирательнаго права.

Въ случаѣ отказа кандидата дать такія обязательства, социалистическимъ избирателямъ предлагалось совсѣмъ воздерживаться отъ голосованія, причемъ мѣстный комитетъ рабочей партіи долженъ былъ выступить съ публичнымъ объясненіемъ мотивовъ этого воздержанія. Какъ же поступила масса социалистовъ?

Приблизительно въ 70 округахъ буржуазная оппозиція одержала побѣду надъ картелемъ, и изъ нихъ больше чѣмъ въ 50 она побѣдой своей обязана социалистическимъ избирателямъ. Такую же энергичную поддержку получила эта оппозиція отъ социаль-демократовъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ она и при ихъ помощи не въ силахъ была одолѣть своихъ противниковъ изъ лагеря консерваторовъ или національ-либераловъ. Только незначительная часть социалистическихъ избирателей воздержалась на перебаллотировкахъ отъ голосованія. Но это случилось преимущественно тамъ, гдѣ раздраженіе рабочихъ избирательной тактикой оппозиціи достигло чрезвычайной интенсивности. Какъ бы то ни было, предсказанія берлинскаго органа рабочей партіи (Volksblatt), что „ни одинъ социаль-демократъ не подастъ своего голоса въ пользу картеля“ вполне сбылось. И въ окончательномъ итогѣ либеральная демократія (и вообще буржуазная оппозиція) обязана социалистамъ, по крайней мѣрѣ, половиной пріобрѣтенныхъ ею на перебаллотировкахъ парламентскихъ мѣстъ.

Какъ въ своемъ первомъ очеркѣ, такъ и на предыдущихъ страницахъ, мы привели рядъ фактовъ, подтверждающихъ нашъ взглядъ на политическую роль социальной демократіи и иллюстрирующихъ относительное значеніе этой партіи и буржуазныхъ демократовъ въ сферѣ борьбы за „права народа и парламента“. Выборы представляютъ собою такой моментъ въ жизни конституціонныхъ странъ, когда цѣлыя классы населенія выступаютъ на политическую арену съ тѣмъ, чтобы лично заявить о своемъ отношеніи къ борющимся партіямъ и ихъ политикѣ. Избирательные періоды даютъ, поэтому, особенно въ Германіи, наиболѣе точный матеріалъ для оцѣнки политическаго характера различныхъ общественныхъ слоевъ и объема силъ, дѣйствующихъ отъ ихъ имени партій. Поэтому-то мы придаемъ такое значеніе поведенію социалистическаго пролетаріата и оп.

позиціонной буржуазіи на послѣднихъ выборахъ. Если эта либеральная буржуазія, изъ антагонизма съ рабочимъ классомъ, перебѣжала къ реакціонерамъ въ моментъ довольно остраго недовольства ихъ господствомъ, то ясно, что самостоятельно она никоимъ образомъ не можетъ быть разсматриваема, какъ надежный факторъ въ борьбѣ за демократизацію государственнаго строя Германіи. И не будь даже у насъ другихъ данныхъ, кромѣ избирательной статистики, мы и тогда имѣли бы достаточное основаніе, что бы признать въ социалистическомъ пролетаріатѣ ту силу, которой предназначена руководящая роль въ подготовленіи и совершеніи политической революціи въ Германіи. Но тѣ же данныя показываютъ, что социальная демократія занимаетъ положеніе арміи, окруженной со всѣхъ сторонъ многочисленными неприятели. Неприятеля враждуютъ между собою и каждый порознь слабѣе этой арміи, но по отношенію къ ней они являются солидарной массой, далеко превосходящей ее по силѣ.

Обзоръ результатовъ послѣднихъ выборовъ приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ слѣдующему вопросу : можно ли вообще серьезно говорить о революціи пролетаріата въ Германіи, если не откладывать ее до той поры, когда развитіе капитализма превратитъ всю націю въ наемныхъ пролетаріевъ горсти Ротшильдовъ? А если можно, то какимъ путемъ, при какихъ условіяхъ социалистическая демократія можетъ совершить ее?

IV.

Вопросъ, которымъ мы заключили предыдущую главу, вызоветъ, пожалуй, удивленіе въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей. Многимъ изъ русской демократической интеллигенціи силы ссціальной демократіи кажутся, наоборотъ, болѣе чѣмъ достаточными для произведенія революціи и они, поэтому, недоумѣваютъ по поводу того обстоятельства, что она не вспыхнула въ Германіи тотчасъ послѣ выборовъ въ рейхстагъ. А политическіе младенцы объявили социальную демократію на этомъ основаніи даже антиреволюціонной, а то такъ и совсѣмъ реакціонной.

Господа, упрекающіе ее въ „крайней умѣренности и осторожности“, ссылаются на примѣры революціонныхъ движеній во Франціи (и въ самой Германіи въ 48 г.) въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, движеній, совершавшихся подъ руководствомъ и при участіи политическихъ группъ, въ численномъ и организаціонномъ отношеніи несравненно болѣе слабыхъ, чѣмъ рабочая партія Германіи. Но они забываютъ при этомъ, что всѣ *побѣдоносныя* революціи со времени 89 г. произведены были не однимъ только пролетаріатомъ, а *совокупными* силами его и мелкой, отчасти и средней буржуазіи, при участіи и руководствѣ значительной доли интеллигенціи всѣхъ слоевъ общества и при сочувствіи или, по меньшей мѣрѣ, нейтралитетѣ

другихъ элементовъ націи, не заинтересованныхъ лично въ сохраненіи того порядка вещей, противъ котораго эти революціи направлены были. Сознательные революціонеры прошлаго вѣка и 30-го года во Франціи, какъ въ 48 г. въ Германіи и Австріи, представляли собою только авангардъ наиболѣе отважныхъ и рѣшительныхъ борцовъ за стремленія и требованія, волновавшія девять десятыхъ націи; за ними и кругомъ нихъ стояли какъ народныя массы, такъ и образованные и богатые элементы націи вплоть до промышленно-торговой аристократіи и королей биржи; противъ нихъ — только дворъ, дворянство, вообще горсть привилегированныхъ, опиравшихся на деморализованную бюрократію и войско, сами невѣрившіе въ правоту своего дѣла и въ свои силы. *Приблизительно* таково же было „единеніе“ французской націи наканунѣ февральской революціи 48 года противъ господствовавшей во Франціи плутократіи. Но каждый разъ, когда пролетаріатъ пытался „дѣлать“ революцію на свой собственный рискъ и страхъ противъ всего буржуазнаго общества, междуособія въ лагерѣ имущихъ и даже полуимущихъ классовъ сразу прекращались, уступивъ мѣсто „миру и единенію всей націи“. Вчерашніе враги сплывались въ одну „армію порядка“, и возстаніе пролетаріевъ заканчивалось кровавой трагедіей и торжествомъ реакціи на многіе годы. Впрочемъ, вполне самостоятельно возсталъ парижскій пролетаріатъ только въ Іюнѣ 48 г. Въ революціи же 71 года участвовала и мелкая буржуазія, что, однако, не помѣшало — благодаря изолированному въ то время положенію Парижа — господствующимъ классамъ одержать полную побѣду и надъ этой революціей.

Выборы въ рейхстагъ показали, какими огромными силами располагаетъ уже теперь германская социальная демократія. Но ходъ избирательной агитаціи въ періодъ перебаллотировокъ и ихъ результаты въ свою очередь показали, что нигдѣ и никогда въ современной Европѣ революціонеры не пмѣли противъ себя въ *мирное время* такой огромной массы тѣсно сплоченныхъ элементовъ, какъ социальная демократія. Дворянство, духовенство, плутократія, всѣ слои средней буржуазіи, большинство мелкихъ предпринимателей и крестьянъ, „интеллигенція“, начиная отъ профессоровъ и кончая студентами, бюрократія и свободные военные союзы, словомъ, — всѣ общественныя силы, заинтересованныя въ сохраненіи частно-хозяйственнаго строя, сплотились въ одну „реакціонную массу“ — противъ социалистическаго пролетаріата. Послѣ выборовъ этотъ процессъ „объединенія націи“ для отраженія „общаго врага“ не только не прекратился, но, наоборотъ, началъ подвигаться впередъ съ особенной интенсивностью. Страна покрылась сѣтью предпринимательскихъ союзовъ, организовавшихся съ цѣлью самообороны крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ противъ освободительнаго движенія рабочихъ. Свободомыслящіе національ-либералы и консерваторы сплотились въ разныхъ мѣстахъ въ одну „партію порядка“ для систематической борьбы противъ социальной демократіи такъ называемыми „духовными“ (?) и иными средствами. Когда же ультрамонтаны образовали для той же цѣли спеціальнй „Народный союзъ для католической Германіи“, то свободомыслящая „Фоссова Газета“, вмѣстѣ съ сочув-

ствіемъ этой цѣли, выразила сожалѣніе, что выбранный католическими юнкерами и попами путь противорѣчитъ дѣлу „единенія“ всѣхъ элементовъ порядка на этомъ поприщѣ. По мнѣнію названной газеты, центру слѣдовало идти не особнякомъ, а въ рядахъ остальной антисоціалистической арміи.

А за всѣми этими, тѣсно сплоченными, боевыми силами буржуазнаго общества стоитъ превосходно организованное и дисциплинированное войско, снабженное самыми лучшими усовершенствованіями новѣйшей человѣкоистребительной техники. Какъ ни велики и многозначительны были избирательные успѣхи соціальной демократіи, въ *вооруженной* борьбѣ съ такой массой враговъ она понесла бы (особенно въ прошломъ году) страшное пораженіе, которое обезсилило бы ее и упрочило бы господство реакціонныхъ элементовъ въ Германіи. Какъ видите, разница между историческимъ положеніемъ соціальной демократіи до настоящаго времени и „партіи переворота“ эпохи буржуазныхъ революцій огромная¹⁾. Но отсюда нисколько не слѣдуетъ, чтобы она и впредь оставалась такою же. Сама юнкерско-католическая реакція содѣйствуетъ уменьшенію изолированности соціалистическаго пролетаріата посреди другихъ слоевъ народной массы. Прежде всего напомнимъ читателю, что далеко еще не всѣ даже промышленные рабочіе находятся въ рядахъ соціальной демократіи. Весьма вѣроятно, что цѣлая половина ихъ, если не больше, наполняютъ собою армію ея непріятелей. Нечего и говорить, что огромное, подавляющее большинство сельскаго пролетаріата, вслѣдствіе невѣжества, отдаленности отъ городскихъ центровъ и полукрѣпостническаго подчиненія помѣщикамъ, стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ соціалистическаго движенія и едва ли имѣетъ какое нибудь, хотя бы смутное представленіе о немъ. Очевидно, оба эти разряда пролетаріевъ являются естественнымъ источникомъ для дальнѣйшаго роста соціальной демократіи. Какъ бы, однако, успѣшна ни была агитація послѣдней среди упомянутыхъ слоевъ пролетаріата, она все же сама по себѣ едва ли въ состояніи будетъ преодолѣть препятствія, представляемыя отсталыми условіями ихъ существованія для развитія въ нихъ политическаго сознанія и самодѣятельности. Весьма вѣроятно даже, что большинство сельскихъ и промышленныхъ рабочихъ, живущихъ вдали отъ большихъ городовъ и вообще отъ центровъ политической и умственной жизни, тогда только пристанетъ къ соціальной демократіи, когда дворянско-капиталистическій режимъ уже въ значительной мѣрѣ выведенъ будетъ изъ состоянія

---

¹⁾ Аналогичную эпоху переживаетъ теперь Россія; абсолютизмъ превратился почти исключительно въ охранителя частныхъ интересовъ семьи Романовыхъ, и опирается преимущественно на инерцію, дезорганизованность и забитость населенія. Поэтому, будь у насъ теперь серьезная организація энергическихъ революціонеровъ (въ родѣ „народовольческой“ или „Земли и Воли“), пріобрѣвшая популярность въ средѣ хотя бы нѣсколькихъ тысячъ петербургскихъ рабочихъ, она имѣла бы больше шансовъ на успѣхъ въ военномъ столкновеніи съ правительствомъ, чѣмъ соціальная демократія въ Германіи. Наше самодержавіе держится отеутствіемъ политической активности въ населеніи; политическій режимъ Германіи держится благодаря сознательной солидарности съ нимъ обширныхъ общественныхъ массъ.

устойчиваго равновѣсія. Какъ же, однако, будетъ онъ выведенъ изъ этого равновѣсія?

Сила реакціи поконится, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ на враждебномъ отношеніи среднихъ и низшихъ слоевъ городской и сельской буржуазіи къ соціальной демократіи, вытекающемъ изъ ихъ антагонизма съ пролетаріатомъ. Но интересы ихъ, особенно крестьянско-ремесленныхъ элементовъ, находятся въ антагонизмѣ и съ интересами крупнаго капитала и землевладѣнія. А такъ какъ и государственный механизмъ функционируетъ въ пользу капиталистической и дворянской аристократіи и подъ непосредственнымъ ея контролемъ, то и сама государственная власть и вся ея политика приходятъ все болѣе и болѣе въ противорѣчіе не только со стремленіями передовыхъ элементовъ рабочаго класса, но и съ интересами огромнаго большинства буржуазіи, начиная съ мелкаго крестьянства и ремесленниковъ, вплоть до среднихъ ея слоевъ во всѣхъ ихъ развѣтвленіяхъ. Въ теченіе истекшаго десятилѣтія (собственно съ конца 70-хъ годовъ) недовольство этихъ буржуазныхъ массъ своимъ положеніемъ выразилось въ нелѣпой формѣ — въ присоединеніи къ реакціоннымъ партіямъ (между прочимъ, къ антисемитамъ) для самообороны одновременно противъ рабочаго движенія и крупнаго капитала, да кстатѣ, и противъ либерализма, въ которомъ идеологи и политики феодально-монархическихъ элементовъ видятъ не слѣдствіе, а причину буржуазнаго прогресса. Кроме того, значительная часть мелкобуржуазныхъ элементовъ — въ католическихъ районахъ — завербована уже съ начала 70-хъ годовъ въ политическую армію центра, на знамени котораго также написаны слова: огражденіе „средняго сословія отъ денежнаго капитала“ и борьба противъ либерализма, какъ главнаго виновника всѣхъ бѣдствій современнаго общества. Мы, однако, ниже увидимъ, что власть ультрамонтановъ надъ волей и мыслью народныхъ массъ не долго продолжится, а противорѣчіе интересовъ не только плутократіи, но и юнкерства и монархіи съ интересами „средняго сословія“ уже достигло такой интенсивности, что *начинаетъ* заслонять собою антагонизмъ послѣдняго съ пролетаріатомъ. Это противорѣчіе, развиваясь дальше, заставитъ ихъ искать исхода въ демократической революціи. Перейдутъ ли эти массы въ лагерь соціальной демократіи, или только извѣстная часть ихъ, а остальные ограничатся ролью союзныхъ или содѣйствующихъ элементовъ, это, конечно, сказать теперь довольно трудно. Несомнѣнно, однако, одно: тройной гнетъ капиталистическихъ магнатовъ, юнкерства и полуабсолютистской бюрократіи въ концѣ концовъ оттѣснитъ въ сознаніи мелкаго крестьянства и „средняго сословія“ городовъ антагонизмъ ихъ съ пролетаріатомъ на задній планъ и выдвинетъ на первое мѣсто общность ихъ и его интересовъ въ борьбѣ съ тройнымъ врагомъ. Тогда-то настанетъ моментъ, когда соціальная демократія сможетъ вступить въ рѣшительное сраженіе съ реакціей.

Мы уже знаемъ, что далеко не таково было положеніе дѣлъ непосредственно послѣ выборовъ. Въ то время, наоборотъ, вражда огромнаго большинства демократическихъ слоевъ буржуазіи къ соціалистическому пролетаріату заглушала въ нихъ чувства антаго-

низма съ аристократическими элементами. Это обстоятельство напередъ обрекало рабочую партію на безусловное пораженіе, лишь только она попыталась бы перейти на путь баррикадной или иной, чисто военной формы борьбы съ государственной властью. Поэтому предводительствуемая Бисмаркомъ клика плутократовъ и юнкеровъ настойчиво стремилась къ такому положенію вещей, которое вызвало бы среди рабочихъ промышленныхъ центровъ бунты и разные уличные беспорядки. Органъ бывшаго придворнаго попа, Штекера, „Имперскій Вѣстникъ“, сообщил по поводу отставки Бисмарка, что послѣдній добивался „значительнаго усиленія строгостей соціалистическаго закона, да сверхъ того проэктировалъ отмѣну общаго избирательнаго права и стремился къ рѣшительному сраженію (grossen Kampf) съ соціальной демократіей“.*) Этотъ разсказъ иллюстрируется наглядно слѣдующимъ заявленіемъ „Гамбургскихъ Извѣстій“. „Вызванное открытымъ бунтомъ (offenen Aufbruch) кровопролитіе принесло бы, вѣроятно, спасительные результаты для всего строя современной государственной жизни“.

Въ теченіе весны и лѣта прошлаго года органы картеля блаженной памяти, и въ особенности, пресса капиталистическая, съ одной стороны занимались састематической пропагандой необходимости строжайшихъ мѣръ противъ соціалистической партіи, увѣковѣченія исключительнаго закона — только въ еще болѣе „усовершенствованномъ“ видѣ — и отмѣны общаго избирательнаго права, а съ другой — распространяли всевозможные слухи о случившихся будто бы и въ особенности предстоящихъ еще насиліяхъ, грабежахъ, беспорядкахъ и всяческихъ ужасахъ послѣ прекращенія антисоціалистическаго закона. „Гамбургскія Извѣстія“ требовали, чтобы „государственная власть выступила противъ этого движенія (соціалистическаго) со всей энергіей и строгостью“, а „Крестовая Газета“ совѣтовала правительству, „въ интересахъ нравственнаго блага народа“, не отступать передъ государственнымъ переворотомъ, если бы рейхстагъ не согласился на отмѣну общаго избирательнаго права. Я долженъ былъ бы наполнить десятки страницъ извлеченіями изъ газетъ, воззваній и циркуляровъ за подписью представителей различныхъ партій и общественныхъ круговъ — вплоть до имперскихъ министровъ и епископовъ католической церкви, — резолюціями разныхъ собраній, конгресовъ и предпринимательскихъ союзовъ, чтобы дать читателю наглядное представленіе о томъ возбужденіи умовъ, которое старательно поддерживали и усиливали въ высшихъ и среднихъ классахъ реакціонеры бисмарковскаго лагеря. При помощи этого возбужденія, они мечтали, съ одной стороны, вызвать уличныя столкновенія между фанатизированными элементами этихъ классовъ и наименѣе дисциплинированными и опытными слоями промышленнаго пролетаріата, а съ другой — заставить рейстагъ и Вильгельма пойти по пути жестокихъ репрессалій, которыя довели бы рабочихъ до „открытаго бунта“ и доставили бы, такимъ образомъ, правительству желанный предлогъ для того, чтобы вступить съ соціальной де-

*) Заимств. изъ католической газеты „Германія“, № 234, вечернее изданіе.

мократіей въ „рѣшительное сраженіе“, т. е. сдѣлать ей „спасительное“ для юнкеровъ и плутократовъ „кровопусканіе“.

Періодъ, наступившій послѣ выборовъ, является теперь, какъ намъ кажется, важнѣйшимъ, во всякомъ случаѣ, наиболѣе критическимъ, моментомъ въ освободительномъ движеніи германскаго пролетаріата. Соціальная демократія достигла такой силы, что реакціонеры видѣли уже въ близкой перспективѣ гильотину надъ своими головами. Если мы теперь не сѹмѣемъ жить между собою въ мирѣ, писала „Крестовая Газета“ по поводу евангелическаго конгресса, то могутъ наступить обстоятельства, „когда намъ ничего не останется, какъ умереть въ единеніи (in Einheit mit einander zu sterben). ...Но вѣдь лучше же подать другъ другу руки раньше, чѣмъ мы будемъ на эшафотѣ“.*) Одинъ только путь оставался у реакціи для избавленія себя отъ этой перспективы: *немедленно* или, по крайней мѣрѣ, возможно скорѣе вызвать соціалистическій пролетаріатъ на баррикадный бой. Въ *этомъ* бою она ижѣла бы на своей сторонѣ не только военно-полицейскія силы государства, но и огромное большинство населенія. Толкнуть же соціальную демократію на дорогу уличныхъ столкновеній съ властями и бунтовъ казалось особенно легко въ разсматриваемый нами моментъ, въ виду значительнаго наплыва въ ряды ея новобранцевъ, политически неопытныхъ и недисциплинированныхъ элементовъ, проникнутыхъ преувеличеннымъ представленіемъ объ ея силѣ и потому самому способныхъ поддаться на провокаціи реакціонеровъ. При такихъ обстоятельствахъ, сами избирательные успѣхи рабочей партіи представляли собою сначала источникъ большихъ опасностей для нея, и одной изъ первыхъ задачъ ея являлось, поэтому, удержаніе массы своихъ членовъ отъ такихъ дѣйствій, которыя легко могли бы повести въ то время къ столь желаннымъ реакціонерами столкновеніямъ рабочихъ съ войсками и полиціей. „Мы представляемъ собою силу, заявилъ Либкнехтъ на галльскомъ конгрессѣ (въ Октябрѣ 90 г.), и не желаемъ растратить ее нелѣпнымъ образомъ. Мы не хотимъ работать на пользу своихъ враговъ“, которые, въ случаѣ обращенія нашего къ грубой силѣ, могутъ выставить противъ насъ 80% населенія, армію, пушки и полицію. „Со стороны физической силы *противники* наши имѣютъ *перевѣсъ надъ нами*. Наша же сила заключается въ агитаціи, апеллирующей къ *массамъ* (курсивъ мой); этимъ *массамъ* мы тактикой своей должны доказать, что стремимся къ власти разумными путями“.

Къ какимъ *массамъ* нужно теперь особенно „апеллировать“, это подсказали сами враги соціальной демократіи своимъ образомъ дѣйствія въ разсматриваемый нами моментъ. Они спекулировали на панику мелкобуржуазныхъ элементовъ передъ мнимыми опасностями, будто бы угрожающими ихъ существованію, и на индифферентизмъ и даже нерасположеніе къ соціальной демократіи со стороны еще очень значительной части самихъ рабочихъ, разсѣянныхъ по селамъ и вообще въ районахъ, оставшихся внѣ интеллектуальнаго вліянія

---

*) Заимств. изъ католическаго органа : „Кельнская Народная Газета“ №148, вечернее изданіе, 91 г.

политических и торговых центров. Привлечение этих именно масс на свою сторону и явилось, поэтому, неотложной *жизненной* задачей для социальной демократии послѣ выборов. Говорю: неотложной потому, что именно результаты послѣднихъ выборовъ предвѣщали близость рѣшительнаго боя между нею и представителями реакціи, исходъ котораго будетъ зависѣть прежде всего отъ отношенія отсталыхъ слоевъ народа къ воюющимъ сторонамъ. На завоеваніе этихъ общественныхъ элементовъ и устремлены теперь главныя усилія социальной демократіи. Систематическій походъ на территорію центра, организація прессы спеціально на польскомъ языкѣ, изданіе особыхъ органовъ для Эльзаса-Лотарингіи и для сельскаго населенія—таковы существенные пункты программы дѣятельности, принятой рабочей партией, по предложенію Бебеля, на галльскомъ конгрессѣ и проводимой съ напряженной энергіей на практикѣ.

Въ чемъ же заключаются особенности тактики, долженствующей по заявленію Либнехта, „доказать массамъ, что социальная демократія стремится къ своимъ цѣлямъ разумными путями“? „Социал-демократы надѣли на себя маску умѣренности, чтобы завлечь въ свои сѣти вѣрующихъ христіанъ и простодушныхъ массы вообще“ — съ негодованіемъ вопили реакціонеры обѣихъ церквей. Но ихъ отчаяніе и вопли по поводу мнимой „умѣренности“ рабочей партіи доказывали, какъ нельзя лучше, соотвѣтствіе новой ея тактики съ расширившейся сферой ея дѣятельности. Очевидно, тактика эта уже успѣла оказаться опасною для вліянія господствующихъ партій на массы, составлявшія и составляющія до сихъ поръ ихъ политическія арміи. А то изъ за чего бы руководители этихъ партій такъ перепугались ея „умѣренности“. Впрочемъ, это только отъ страха передъ походомъ социальной демократіи на ихъ исконныя владѣнія они усмотрѣли въ ея тактикѣ *коренную* перемѣну. Въ дѣйствительности, по *существу*, она ничѣмъ не отличается отъ прежней тактики. Разница сводится къ нѣкоторымъ частностямъ, обусловливаемымъ какъ увеличившимся составомъ рабочей партіи, такъ и социальнымъ характеромъ и умственнымъ развитіемъ (вѣрнѣе, неразвитостью) тѣхъ общественныхъ слоевъ, привлеченіе которыхъ на свою сторону стало теперь для нея центральной задачей.

Не вдаваясь въ неумѣстныя здѣсь подробности по этому вопросу, замѣтимъ только, что въ агитаціи, апеллирующей къ сельскому населенію, приходится нѣсколько больше оттънать и выдвигать такіе вопросы и требованія, которые имѣютъ непосредственную связь съ его интересами и страданіями и которые невольно отодвигались на второй планъ, когда дѣятельность социальной демократіи сосредоточена была въ городскихъ центрахъ. Точно также для пріобрѣтенія сочувствія ея стремленіямъ въ средѣ трудящихся и эксплуатируемыхъ слоевъ буржуазіи, необходимо въ большей степени, чѣмъ прежде, отвести въ социалистической пропагандѣ и агитаціи мѣсто вопросамъ, являющимся связующимъ звеномъ между этими слоями и рабочимъ классомъ. Далѣе: парламентаризмъ всегда игралъ выдающуюся роль въ жизни германской социальной демократіи; теперешнее же положеніе ея въ народѣ, въ рейхстагѣ и другихъ представительныхъ

учрежденіяхъ требуетъ отъ нея еще болѣе активнаго и систематическаго участія въ работахъ органовъ общественнаго самоуправленія. И тутъ опять таки приходится, рядомъ съ реформами, относящимися спеціально къ быту рабочихъ, посвящать особенное вниманіе и такимъ, которыя представляютъ собою, или могутъ представить, тѣ точки, въ которыхъ соединяются интересы *всѣхъ* угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ классовъ. Наконецъ, — и это особенно важно для дальнѣйшаго роста соціальной демократіи — необходимо уничтожить тотъ чудовищный образъ ея, который нарисовало себѣ воображеніе отсталыхъ элементовъ народной массы подъ вліяніемъ клеветъ, систематически распространяемыхъ въ ихъ средѣ эксплуататорскими партіями. Въ городахъ она имѣла дѣло съ рабочимъ населеніемъ, до извѣстной степени уже пропитаннымъ „превратными“ идеями, благодаря политической и просвѣтительной дѣятельности въ немъ буржуазныхъ демократовъ. Въ средѣ же крестьянства и рабочихъ, остававшихся до сихъ поръ подъ опекой духовенства и вообще высшихъ классовъ, необходимо еще разъяснять и доказывать, что соціальная демократія отнюдь не стремится къ насилію надъ совѣстью людей, не намѣревается огнемъ и мечемъ истреблять бога изъ сердецъ вѣрующихъ, не собирается отнимать у бѣдныхъ людей ихъ маленькую собственность и вообще отнюдь не мечтаетъ о всеобщемъ грабежѣ, какъ рассказываютъ устно и печатно охранители „семьи, собственности и религіи“. Эта сторона соціалистической агитаціи больше всего приводитъ въ бѣшенство реакціонеровъ и вызываетъ въ нихъ крики негодованія: „берегитесь соціаль-демократовъ особенно теперь, когда они выступаютъ съ маскою умѣренности на лицѣ!“

Вопросъ, всего сильнѣе волновавшій общественное мнѣніе Германіи въ прошломъ году, заключался въ томъ: на какой почвѣ будетъ продолжаться борьба между соціалистическимъ пролетаріатомъ и реакціей? Какъ въ лагерѣ соціальной демократіи, такъ и въ лагерѣ реакціонеровъ, возникли разногласія по этому вопросу. Горсть новичковъ въ рабочемъ движеніи, сосредоточенныхъ преимущественно въ Берлинѣ, и руководимыхъ также недавно приставшими къ нему политическими ребятами изъ „интеллигенціи“, подняли до подозрительности шумную агитацію въ пользу полубунтарской и доктринерской тактики, поразительно совпадавшей съ цѣлями и стремленіями плутократовъ и юнкеровъ по отношенію къ соціальной демократіи. Реакціонеры, какъ мы видѣли, жаждали перенести борьбу съ нею на почву военную. Но были между ними и такіе, которые, вмѣстѣ съ буржуазными демократами, склонялись къ средствамъ мирнаго характера, къ огражденію существующаго общественно-политическаго строя „духовнымъ оружіемъ“ и путемъ „соціальныхъ реформъ“. Одержитъ ли это теченіе верхъ надъ военнымъ или наоборотъ, зависѣло отъ того, какая тактика получитъ преобладаніе въ лагерѣ соціальной демократіи. Мы уже знаемъ, что антибунтарская или пропагандистско-агитаціонная тактика одержала безусловную побѣду надъ противоположной. Этимъ самымъ „партія переворота“ заставила своихъ враговъ пустить противъ нея въ ходъ оружіе, которымъ они рѣшительно

неспособны владѣть и которое истощить только въ безплодной борьбѣ ихъ силы и энергію. „Я считаю социальную демократію врагомъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ Францію или кого бы то ни было“, заявилъ Бисмаркъ редактору „Дрезденскихъ Извѣстій“. Она постоянно растетъ и каждая уступка ея требованіямъ увеличиваетъ только аппетитъ ея и вообще напоминаетъ собою дань, которую верхне-шотландцы платили нижнешотландцамъ, чтобы избавиться отъ ихъ разбойничьихъ нападений. Но, жалуется бывший канцлеръ, императоръ рѣшилъ пойти на уступки и предпочелъ политику мира войнѣ съ социальной демократіей.

Упреки Бисмарка по адресу Вильгельма далеко не безосновательны. Онъ только одно упустилъ изъ виду. Вѣдь для *такой* „войны“, какую онъ рекомендовалъ Вильгельму, нуженъ былъ предлогъ, поводъ, хоть подобіе вызова со стороны врага, чтобы напасть на него. А такъ какъ социальная демократія съ необычайнымъ упорствомъ и столь же необычайнымъ искусствомъ продолжала вести борьбу именно тѣми средствами и оставаться въ тѣхъ позиціяхъ, которыя она считала, при теперешнемъ состояніи своихъ силъ, наиболѣе выгодными для себя, и избѣгала выходить на поле сраженія, на которомъ сосредоточены главныя силы непріятельской арміи, то у реакціонеровъ не было другихъ способовъ военнаго нападенія на нее, кромѣ явно *разбойничьихъ*. Но это уже было слишкомъ рискованно для самого Вильгельма и потому онъ на подобныя радикальныя средства (рекомендованныя Бисмаркомъ) не соглашался и „желалъ, наоборотъ, сдѣлать попытку устранить революціонную опасность путемъ серьезныхъ, мирныхъ социальныхъ реформъ. На этомъ и произошелъ разрывъ между императоромъ и княземъ Бисмаркомъ“ (изъ цитированной уже выше статьи „Имперскаго Вѣстника“). Нельзя же было сидѣть сложа руки, въ виду предпринимаемыхъ социаль-демократіей новыхъ походовъ на крѣпости капиталистически-дворянскаго государства, и представителямъ реакціи волеиневолей пришлось вступить съ нею въ состязаніе на той аренѣ и тѣми способами, какихъ *она* желала. „Попытка“ государственной власти, представляемой императоромъ „божіей милости“, „устранить революціонныя опасности путемъ социальныхъ реформъ“ не можетъ въ окончательномъ итогѣ быть чѣмъ нибудь другимъ, какъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся факторовъ политическаго разложенія и обезсиленія господствующихъ классовъ. Въ этомъ смыслѣ не лишено основанія сравненіе февральскихъ указовъ Вильгельма по рабочему законодательству съ эдиктомъ Людовика XVI о созваніи генеральныхъ штатовъ. Какъ въ прошломъ столѣтіи, писала, если не ошибаюсь, „Крестовская Газета“, сама королевская власть подала сигналъ къ политической революціи, такъ теперь опять самъ глава германской имперіи подаетъ сигналъ къ революціи социальной.

V.

Нѣкоторые, а можетъ быть, и многіе изъ читателей покачивали, вѣроятно, головами, читая наши предсказанія относительно послѣдствій политики реформъ для современнаго общественнаго и политическаго строя. Какъ же такъ? думали они про себя. По здравому разсужденію, такая политика со стороны государственной власти должна бы повести именно къ уничтоженію соціальной демократіи и къ упроченію существующаго порядка вещей, а никоимъ образомъ не къ гибели его. Обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса логически связано съ вопросомъ о значеніи вообще серьезныхъ соціальныхъ реформъ для сохраненія или разрушенія буржуазнаго общества. Но это выходитъ за предѣлы нашего очерка, и безъ того черезчуръ растянувшася. Ограничусь, поэтому, только замѣчаніемъ, что представители современнаго государства въ Германіи, при всемъ своемъ желаніи, не въ состояніи предпринять, а тѣмъ болѣе осуществить такія реформы. Не только общій антагонизмъ имущихъ классовъ съ пролетаріатомъ, но и противоположность интересовъ внутри этихъ самихъ классовъ связываетъ имъ въ этомъ отношеніи руки. Только что сказанное нами подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ политической жизни Германіи за послѣдніе 1½—2 года. Не входя въ подробности, остановимся только нѣсколько на „реформаторской попыткѣ“ Вильгельма и господствующихъ партій—въ области рабочаго законодательства. Въ этой попыткѣ особенно рельефно проявились какъ неспособность охранительныхъ органовъ современнаго общества рационально „лѣчить соціальныя язвы“, разѣдающія его, такъ и разлагающее вліяніе ихъ соціальныхъ экспериментовъ на это общество.

Своей новой политикой по рабочему вопросу Вильгельмъ стремился прежде всего спасти „тронъ, алтарь“ и дворянство отъ угрожающихъ имъ „революціонныхъ опасностей“. Съ этой точки зрѣнія казалось достаточнымъ ограничиться „умиротвореніемъ“ одного только промышленнаго пролетаріата. Сельскіе батраки не предъявляютъ никакихъ требованій, ни „справедливыхъ“, ни „несправедливыхъ“, не протестуютъ противъ „отеческой“ палки помѣщиковъ — если не считать за протестъ переселенія ихъ въ города и промышленные районы — и не бунтуютъ противъ установленныхъ богомъ и начальствомъ порядковъ. Зачѣмъ же подрывать въ нихъ авторитетъ „работодателей“ и разными новшествами нарушать „миръ и покой этой здоровой части населенія“, представляющей именно въ теперешнемъ своемъ положеніи незыблемый оплотъ для монархіи божіей милостью и ея историческихъ сверстниковъ—церкви и юнкерства. Выработанный имперскимъ правительствомъ законопроектъ „въ защиту рабочихъ“ совершенно не касался милліоновъ сельскихъ батраковъ и полуиро-

летаріевъ, находящихся, особенно въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, чуть не въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, издержки по дѣлу „спасенія основъ“ Вильгельмъ взвалилъ цѣликомъ на плечи промышленной буржуазіи. Последняя должна была расплачиваться изъ своего кармана за реформаторскія затѣи императора, предпринятія имъ преимущественно въ интересахъ династіи Гогенцоллерновъ и феодальныхъ общественныхъ элементовъ.

Нужно ли говорить, что такая политика не могла не вызвать сильнаго недовольства въ средѣ промышленной буржуазіи и не содѣйствовать обостренію антагонизма между нею и юнкерско-клерикальными слоями? Читатель знаетъ, что правительственная система Бисмарка основана была именно на скрѣпленіи интересовъ капиталистической и землевладѣльческой аристократіи, а потому естественно, что первымъ шагомъ Вильгельма на его новомъ пути должно было быть устраненіе отъ власти желѣзнаго канцлера, соединяющаго въ своей особѣ—въ качествѣ фабриканта и землевладѣльца—интересы той и другой, и представлявшаго собою какъ бы государственное олицетвореніе солидарности богатыхъ буржуа и юнкеровъ. Паденіе „титана нашего вѣка“, какъ прозвала германская буржуазія своего „національнаго героя“, явилось какъ бы прологомъ для осуществленія на практикѣ „соціально-реформаторскихъ плановъ“ Вильгельма и указывало на то, что послѣдній разсчитываетъ найти себѣ парламентскую опору внѣ представителей плутократіи*). Нечего говорить, что подобный приступъ къ новой политикѣ долженъ былъ порядочно таки подкопать въ сознаніи массъ уваженіе къ власти и вѣру въ непогрѣшимость государственныхъ авторитетовъ.

Дезорганизующее дѣйствіе „политики мпра“ не ограничилось, однако, сферами правительственными. Оно проникло внутрь каждаго изъ составныхъ элементовъ его и распространилось на всѣ другія эксплуататорскія партіи. Междоусобія и разногласія начались въ самомъ лагерѣ національ-либераловъ—между идеологическими слоями, не упускающими изъ виду общихъ интересовъ охраненія современнаго соціально-политическаго строя Германіи, и массой ихъ составныхъ атомовъ, заботящихся прежде всего, или единственно, о своихъ частныхъ групповыхъ интересахъ. Аналогичный же процессъ возникъ и продолжается въ лагерѣ среднихъ и низшихъ слоевъ буржуазіи. Въ то время, какъ южно-германская „народная партія“ и одна часть „свободомыслящихъ“ стоятъ за законодательное регулированіе отношеній труда и капитала, другая часть этой партіи продолжаетъ держаться манчестерской точки зрѣнія и въ душѣ готова послать къ чорту и своихъ политическихъ товарищей—противниковъ въ области рабочаго вопроса, и всякія затѣи въ этой области. Наконецъ, и въ той части либеральныхъ демократовъ, которая склоняется къ „соціальнымъ реформамъ“, далеко нѣтъ единодушія относительно характера и предѣловъ этихъ реформъ, такъ

---

*) Это обуславливалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что выборы превратили національ-либераловъ въ малочисленную фракцію рейхстага и лишили ихъ гегемоніи въ немъ.

какъ одни находятся подъ давленіемъ рабочихъ массъ, другіе — мелкой и средней буржуазіи, съ которой они нерѣдко связаны непосредственно личнымъ интересомъ, какъ крупные или мелкіе капиталисты.

Мы выше замѣтили, что для проведенія своихъ плановъ по рабочему вопросу Вильгельму необходимо было образовать въ рейхстагѣ новое правительственное большинство. Такъ какъ политика его была направлена главнымъ образомъ на огражденіе феодально-монархическихъ интересовъ, то большинство это должно было образоваться изъ политическихъ представителей означенныхъ интересовъ — изъ партій центра и консерваторовъ. Сближеніе дворянско-клерикальныхъ элементовъ католическаго и протестантскаго лагерей и превращеніе ультрамонтановъ въ правительственную партію — таково было одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ. Но этотъ результатъ, скажутъ намъ, болѣе чѣмъ уравниваетъ вышеуказанное дѣйствіе реформаторской политики Вильгельма и его новыхъ слугъ? вмѣсто коалиціи изъ элементовъ, исторически и социальнo разнородныхъ, каковую представлялъ собою либерально-консервативный картель, правительство имѣетъ теперь въ услугамъ своимъ картель, гораздо болѣе однородный и болѣе подходящий къ характеру и традиціямъ самого главы государственной власти. Стало бытъ, заключаетъ читатель, въ окончательномъ итогѣ послѣдней избирательной борьбы у реакціи оказывается огромное приращеніе силъ, съ избыткомъ вознаграждающее представителей ея и всего современнаго общества за то разлагающее вліяніе, которое новая социальная политика имперской власти оказала на нѣкоторыя изъ эксплуататорскихъ партій.

Такое заключеніе будетъ, однако, весьма неосновательно. Въ дѣйствительности новая группировка политическихъ партій знаменуетъ собою опять таки ничто иное, какъ новый фазисъ въ процессѣ разложенія охранительныхъ силъ социальнo - политическаго строя Германіи.

Сравнительно съ консерваторами, центръ можетъ похвастаться, что его политическая сила основана на популярности, симпатіяхъ и нравственномъ авторитетѣ, пріобрѣтенныхъ имъ въ народныхъ массахъ. Какъ же, однако, пріобрѣлъ онъ ихъ? Выступая въ законодательныхъ собраніяхъ и прессѣ адвокатомъ „правъ народа и парламента“, апеллируя къ этимъ самымъ массамъ на преслѣдованія и стѣсненія государствомъ католической церкви во имя „свободы и справедливости“. Но дѣйствуя такимъ образомъ, ультрамонтаны способствовали пробужденію въ низшихъ классахъ, особенно городскихъ, критическаго отношенія къ государственнымъ учрежденіямъ и къ властямъ, развили въ нихъ нѣкоторый интересъ къ политическимъ вопросамъ. До тѣхъ поръ, пока продолжалось оппозиціонное положеніе центра, означенныя качества его избирательной арміи служили только дѣлу упроченія его нравственной связи съ этими классами. Благодаря этой связи, онъ заграждалъ собою доступъ вліянію социальной демократіи въ рабочія массы католическихъ районовъ и тѣмъ самымъ оказывалъ огромную услугу всему буржуазному обществу. Но тѣ же политическія свойства демократическихъ элементовъ като-

лической партіи не могут не обратиться противъ нея теперь, когда она стала главной правительственной партіей. Положительная дѣятельность на законодательномъ поприщѣ отнимаетъ у нея возможность прикрывать собою антагонизмъ своихъ составныхъ элементовъ — аристократическихъ и демократическихъ, рабочихъ и буржуазныхъ — и маскировать свое безсиліе въ сферѣ реформъ на пользу эксплуатируемыхъ классовъ. Перспектива, открывающаяся центру его новымъ политическимъ положеніемъ, иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что въ теченіе послѣднихъ 2-хъ лѣтъ почти всѣ активные слои рейнско-вестфальскихъ углекоповъ оставили знамя ультрамонтановъ и организовались въ самостоятельный союзъ, администрація и органъ котораго находятся въ рукахъ завѣдомыхъ социаль-демократовъ. Чтобы сохранить за собою возможно дольше традицію народолюбія, центру приходится сдерживать въ разныхъ вопросахъ реакціонные порывы своихъ друзей въ протестантскомъ лагерѣ; но этимъ онъ вноситъ элементъ колебанія и противорѣчій въ ряды реакціи и по необходимости толкаетъ своихъ феодальныхъ членовъ къ официальному переходу въ лагерь консерваторовъ, усиливая тѣмъ самымъ тяготѣніе своихъ демократическихъ элементовъ къ партіи буржуазной и социалистической демократіи.

Посмотримъ, однако, каковъ первый плодъ новой социальной политики правительства и его союзниковъ. Умиротворилъ ли онъ, можетъ ли онъ умиротворить промышленный пролетаріатъ?

Императорскіе указы отъ 4 Февраля категорически обѣщали сокращеніе рабочаго дня и вполне независимыя представительныя учрежденія для рабочихъ, которыя гарантировали бы имъ „законную равноправность“ съ предпринимателями. Ни одной изъ этихъ реформъ не было въ законопроектѣ, внесенномъ весной прошлаго года въ парламентъ. А между тѣмъ, обѣ онѣ принадлежатъ къ важнѣйшимъ и настоятельнѣйшимъ требованіямъ рабочаго класса Германіи. Съ другой стороны, для вознагражденія капиталистовъ за незначительныя ограниченія ихъ права эксплуативать женскій и дѣтскій трудъ, проектъ содержалъ въ себѣ рядъ параграфовъ, отдававшихъ рабочую молодежь въ опеку хозяевамъ и усиливавшихъ власть послѣднихъ надъ рабочими вообще. Наглядной иллюстраціей духа и тенденцій правительственнаго проекта могло служить запрещеніе рабочимъ государственныхъ мастерскихъ не только состоять членами социалистическихъ союзовъ, но и собирать пожертвованія въ пользу стачекъ или даже только лично участвовать взносами для пострадавшихъ отъ забастовки. И новый законопроектъ содержалъ въ себѣ спеціальныя параграфы объ уголовномъ преслѣдованіи и строгомъ наказаніи за возбужденіе къ стачкѣ и за участіе въ ней. Къ счастью, социалистическимъ депутатамъ удалось открыть формальный заговоръ крупныхъ предпринимателей противъ свободы рабочихъ, заговоръ, въ которомъ оказались замѣшанными и представители власти, начиная съ президента берлинской полиціи и кончая министрами военнымъ и путей сообщенія. Обнародованіемъ документовъ, обнаружившихъ этотъ комplotъ, социальная демократія заставила центръ во-тировать вмѣстѣ съ социалистами и свободомыслящими противъ

упомянутого параграфа и предохранила, такимъ путемъ, рабочей классъ Германіи отъ новыхъ цѣпей, въ которыя хотѣло его заковать „реформаторское“ правительство.

Причисленіе организаціи забастовокъ къ разряду уголовныхъ преступленій имѣло цѣлью утѣшить эксплуататоровъ въ предстоящей отиѣнѣ антисоціалистическаго закона. Оно должно было доставить имъ надежное средство самообороны противъ освободительныхъ усилій пролетаріата. Но и безъ упомянутого параграфа принятый рейхстагомъ въ окончательной редакціи законъ представляетъ собою не болѣе, какъ карикатуру на „равноправіе“ рабочихъ съ „работодателями“. Неудивительно, поэтому, что соціалистическіе депутаты вотировали противъ него, и что онъ вызвалъ протесты негодованія въ политически активныхъ слояхъ пролетаріата, для умиротворенія которыхъ онъ былъ изданъ.

Что же помѣшало феодально-монархическому картелю провести въ рейхстагъ, гдѣ онъ является теперь господствующимъ факторомъ, болѣе „серьезную соціальную реформу“, по крайней мѣрѣ, для промышленныхъ рабочихъ? Отвѣтъ заключается прежде всего въ страхѣ самихъ „историческихъ сословій“ передъ „равноправіемъ“ и т. п. неизбежными ингредиентами такой реформы. Въ противоположность анархистамъ и нѣкоторымъ членамъ „соціалистической интеллигенціи“, онѣ прекрасно сознаютъ опасность подобной реформы для всего современнаго общества и для нихъ самихъ въ особенности. Затѣмъ, изъ опасенія передъ мстительностью господъ буржуа, которые, съ досады на такое злоумышленное поведеніе относительно ихъ со стороны монархіи и юнкеровъ, и не видя никакой выгоды для себя въ сохраненіи этихъ средневѣковыхъ развалинъ, пожалуй, соединятся съ „разрушительными партіями“ для того, чтобы совсѣмъ смести ихъ съ лица земли. Наконецъ, при всѣхъ сословныхъ претензіяхъ феодаловъ и дворянъ, ихъ собственные интересы и интересы промышленной буржуазіи и въ Германіи уже настолько связаны между собой, что только въ крайне тѣсныхъ предѣлахъ возможно ограниченіе эксплуататорскихъ правъ послѣдней безъ прямого или косвеннаго ущерба первымъ. Вѣдь само прусское правительство является, въ качествѣ крупнѣйшаго предпринимателя, капиталистомъ, столь же усердно эксплуатирующимъ рабочихъ въ интересахъ казны, какъ прочіе капиталисты — ради своихъ частныхъ кармановъ. Какъ же, при такихъ условіяхъ, сокращать рабочий день, обеспечивать рабочимъ „законную равноправность“ съ предпринимателями и освобождать ихъ отъ оковъ, мѣшающихъ имъ свободно двигаться по пути „улучшенія“ ихъ быта?

Практическое осуществленіе плановъ Вильгельма по рабочему вопросу оказалось, такимъ образомъ, въ полнѣйшемъ противорѣчьи съ его торжественными обѣщаніями. И такое же противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, программой и выполненіемъ, характеризуетъ всѣ его „реформаторскіе“ эксперименты. Правительство, заявилъ однажды Каприви въ прусскомъ ландтагѣ, каждый свой шагъ сообразуетъ съ тѣмъ, какое вліяніе онъ можетъ оказать на рабочее движеніе. Заявленіе это сдѣлано было имъ по случаю внесенія четырехъ законопроектвъ въ прусскую палату депутатовъ. Предметомъ этихъ про-

эктовъ были : реформы въ организаціи сельскихъ общинъ въ восточныхъ частяхъ Пруссіи, народная школа, налоги на доходъ и наслѣдство. Предлагаемыя реформы, увѣрялъ депутатъ новый канцлеръ, „увеличатъ силу и крѣпость государства въ его самооборонѣ противъ угрожающихъ существованію его элементовъ“. Они „уменьшатъ число его противниковъ“ въ борьбѣ съ этими элементами. Только путемъ усиленія въ народѣ „любви къ государству“ можно обезпечить послѣднему надежный „оплотъ противъ его смертельныхъ враговъ“. Новые же законопроекты ведутъ именно къ этому, потому что они „распространяютъ въ обширныхъ кругахъ чувство довольства и вызываютъ въ ихъ сердцахъ и головахъ интересъ къ государству“.

Къ чему, однако, сводятся въ концѣ концовъ реформы, осуществленіе которыхъ должно принести такіе „благодѣтельные“ результаты для современнаго соціально-политическаго строя Германіи?

Новыя постановленія объ устройствѣ сельскихъ общинъ нисколько не „расширяютъ круга участниковъ“ въ мѣстномъ самоуправленіи. Правда, они ограничиваютъ нѣсколько „автономію“ дворянъ-землевладѣльцевъ, но не въ пользу расширенія мѣстнаго представительства народной массы, а въ пользу усиленія бюрократическаго вмѣшательства въ дѣла общинъ. Школьная реформа увеличиваетъ вліяніе духовенства на народное воспитаніе и усиливаетъ опеку надъ нимъ опять таки той же бюрократіи, а стало быть никакъ не имѣетъ въ себѣ „тенденціи обезпечить „народной школѣ силу и здоровье“. Наконецъ, предполагаемое въ податныхъ реформахъ облегченіе для „слабыхъ плечъ“ низшихъ и среднихъ классовъ представляетъ собою ничтожную величину по сравненію съ остающимся на нихъ бременемъ косвенныхъ налоговъ, протекціонныхъ пошлинъ и солдатчины.

Какъ видите, тенденціи и характеръ соціально-политическихъ экспериментовъ государственной власти и ея союзниковъ находятся въ полномъ противорѣчій съ шумными декламаціями и обѣщаніями Вильгельма и его новыхъ слугъ. Гора родила мышъ, ложка меду раствореннаго въ бочкѣ дегтя — таковъ общій характеръ новой „соціальной политики“ правящихъ сферъ Германіи. Отсюда, въ итогѣ получается полнѣйшій контрастъ, рѣзкая противоположность между предполагаемыми и фактическими результатами этой политики, между ожиданіями и дѣйствительностью. Она возвѣщена была патетическими возгласами императора и разныхъ политиковъ объ умиротвореніи „обездоленныхъ и угнетенныхъ“, о водвореніи мира и гармоніи между классами, объ исчезновеніи съ лица земли „революціонной гидры“. На дѣлѣ же вышло наоборотъ. Въмѣсто того, чтобы „примирить“ передовую часть рабочаго класса Германіи съ ея феодально-капиталистическимъ строемъ, „соціальная реформа“ и пропаганда ея имѣли только тотъ „нравственный результатъ“, что научили значительную долю и болѣе отсталыхъ слоевъ рабочихъ „презирать своихъ противниковъ“, и подняли „въ нихъ въ чрезвычайной степени вѣру въ собственныя силы и самосознаніе.*) Та и другая предприняты

*) Такими словами характеризовала феодальная „Крестовая Газета“ „моральный результатъ“ соперничества національ-либераловъ и ультрамонтановъ на поврищѣ

были въ расчетѣ произвести расколъ въ рядахъ соціальной демократіи, изолировать ея вождей отъ массъ, составляющихъ ея армію. Въмѣсто этого онѣ явились новымъ элементомъ разложенія въ лагерѣ имущихъ классовъ, обострили междуособія среди нихъ, внесли разладъ въ каждую изъ нихъ порознь, и подкопали, такимъ образомъ, одно изъ главнѣйшихъ условій устойчивости охранительныхъ силъ въ дѣлѣ огражденія современнаго общества отъ натиска революціоннаго пролетаріата. Это разлагающее дѣйствіе „соціальной реформы“ на „партію порядка“ пррдставляетъ собою тѣмъ большую опасность для этого общества, что, не достигнувъ своей цѣли умиротворенія рабочихъ, она въ то же время посѣяла глухую вражду во всѣхъ имущихъ классахъ къ самому главѣ имперской власти, вызвала въ нихъ опасенія передъ новыми шагами правительства по покатої плоскости соціальныхъ реформъ, и, обнаруживъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную его неумѣлость и неспособность справиться съ задачами, за рѣшеніе которыхъ онъ легкомысленно берется, она тѣмъ самымъ породила въ нихъ тревожное настроеніе и чувство неувѣренности за завтрашній день. Конечно, дѣло тутъ въ личной неумѣлости или легкомысліи Вильгельма и его министровъ. Но онъ самоувѣренно взялъ на себя инициативу „примиренія классовъ“ путемъ реформъ, а потому противъ него и непосредственныхъ исполнителей его воли направлено недовольство и раздраженіе эксплуататорскихъ слоевъ. Отъ этого раздраженія недалеко до вывода о бесполезности монархіи, особенно полуабсолютистской, для охраны интересовъ имущихъ классовъ и до примиренія ихъ съ мыслью, если не о республикѣ, то о сильномъ ограниченіи монархической власти.

Вотъ какъ характеризуетъ издаваемый свободно-консервативнымъ депутатомъ рейхстага, фонъ Арндтомъ, органъ „Deutsches Wochenblatt“ теперешнее настроеніе общественнаго мнѣнія въ Германіи. „Соціаль-демократы давно уже пытаются провести параллель между нашимъ временемъ и эпохой, предшествовавшей великой революціи (авторъ забылъ, что то же самое съ начала прошлаго года дѣлаетъ и консервативная пресса, напримѣръ, „Крестовая Газета“). Теперь врядъ ли можно отрицать, что въ самомъ дѣлѣ появилось одно обстоятельство, которое прямо *вызываетъ на это сравненіе. Обстоятельство это* заключается въ томъ *всеобщемъ недовольствѣ, которое въ одинаковой степени распространилось во всѣхъ частяхъ Германіи и одинаково овладѣло всѣми классами и партіями.* Это недовольство уже не ограничивается сферой оппозиціонныхъ партій, но — и въ этомъ мы усматриваемъ его угрожающую опасность — охватило собой съ такой же силой и такіе общественные круги, въ которыхъ преданность и довѣріе къ правительству и династіи считались всегда

„ухаживанія“ за бохумскими углекопами во время дополнительныхъ выборовъ для рейхстага въ концѣ 90 года. Но эта характеристика вполне примѣнима ко всей „политикѣ мира“ — какъ въ сферѣ законодательно-административной, такъ и на аренѣ самообороны охранителей отъ социализма „духовнымъ оружіемъ“, которое на практикѣ свелось къ подстрекательству крестьянъ пустить въ ходъ лопаты и цѣпы противъ социалистовъ.

основой всякой политики... Мы желаемъ имѣть въ правительствѣ людей съ ясной программой по всѣмъ важнымъ политическимъ вопросамъ. Расплывчатость (*Zerfahrenheit*) и нерѣшительность, колебанія и непостоянство въ политикѣ министерства — вотъ одна изъ причинъ всеобщаго недовольства, и противъ этой политики необходимо бороться, потому что она заключаетъ въ себѣ опасность для государства и династии“ (Изъ берлинскаго „Впередъ“, № 279 текущаго года).

По обыкновенію всѣхъ реакціонеровъ, авторъ цитированной филиппики противъ имперскаго правительства цѣпляется за одно изъ проявленій зла, игнорируя его главный источникъ. Онъ обвиняетъ правительство въ томъ, въ чемъ повинны всѣ господствующія партіи, и не понимаетъ, что историческое положеніе представляемыхъ имъ классовъ лишаетъ эти партіи способности руководиться въ своей дѣятельности „ясной программой по всѣмъ важнымъ политическимъ вопросамъ“ — касаются ли они специально рабочихъ, относятся ли они къ области общенародныхъ интересовъ, или интересовъ одного только „средняго сословія“, ремесленниковъ и крестьянъ. Бесиліе этихъ партій сколько нибудь удовлетворительно рѣшить хоть одинъ изъ этихъ вопросовъ выступаетъ рельефно наружу именно теперь, когда противорѣчія капитализма, усложняемая выдающеюся ролью феодально-монархическихъ элементовъ въ Германіи, обострились такими явленіями, какъ неурожай, промышленный кризисъ, дороговизна съѣстныхъ припасовъ, биржевые крахи, безработица, умноженіе банкротствъ. А бремя непомерныхъ налоговъ и милитаризма не только не уменьшается при этомъ, но, наоборотъ, прогрессивно продолжаетъ расти, да и не можетъ не возрастать при современномъ режимѣ. Само собою разумѣется, что недовольство среднихъ и низшихъ классовъ концентрируется все болѣе и болѣе на представителяхъ этого режима — на государственной власти и ея союзникахъ изъ дворянъ и денежной аристократіи. Крестьяне и ремесленники, составлявшіе въ послѣдніе 10—15 лѣтъ преданную армію реакціонеровъ, и они начинаютъ бунтовать. „Обще-германскій союзъ крестьянъ“ заявляетъ, что онъ борется противъ „господствующаго юнкерства“ во имя возможно быстраго и радикальнаго раздробленія *крупныхъ* помѣстій, съ тѣмъ, чтобы превратить ихъ въ „свободную собственность“ многочисленнаго класса крестьянъ. Требованіе, конечно, антисоціалистическое и, при современномъ развитіи капитализма, утопичное, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ войну на жизнь и смерть съ всѣми остатками феодализма и абсолютизма въ общественно-политическомъ строѣ Германіи, въ особенности Пруссіи. И война эта уже открыто началась нынѣшнею осенью въ видѣ избирательнаго сраженія между союзомъ крестьянъ и консерваторами въ округѣ бывшаго министра фонъ Путкамера, составлявшемъ споконъ вѣковъ одну изъ непреступнѣйшихъ крѣпостей реакціи. И въ этомъ-то округѣ, находящемся въ Помераніи, реакціоннѣйшей провинціи Пруссіи, крестьяне сразу разбили на-голову своихъ исконныхъ политическихъ опекуновъ! Фактъ въ высшей степени знаменательный! Замѣтимъ кстати, что движеніе самостоятельныхъ крестьянъ расшевелитъ политически и батраковъ

сельскихъ. Судя по цитированной мною корреспонденціи одного изъ агитаторовъ названнаго союза („Vorwärts“, № 286), вовлеченіе сельскихъ пролетаріевъ въ движеніе противъ „господства юнкеровъ“ входитъ непосредственно въ планъ дѣйствій этого союза.

Что касается до ремесленныхъ мастеровъ, то вотъ какимъ тономъ уже около года тому назадъ заговорили ихъ представители: „Когда дѣло идетъ о налогахъ и солдатахъ, то имѣетъ силу поговора: одинаковымъ братьямъ одинаковыя шапки. Мало того, что на плечи ремесленниковъ падаетъ большая тяжесть, чѣмъ на другія сословія и съ этой стороны они считаются полноправными гражданами. Но лишь только рѣчь идетъ о правѣ и справедливости по отношенію къ ремесленному сословію, то члены его оказываются гражданами второй степени“¹⁾. Такія заявленія исходили изъ круга ремесленниковъ въ то время, когда они питались еще надеждою на возстановленіе *принудительныхъ* цеховъ съ ихъ существеннѣйшими привилегіями. Больше десятилѣтія реакціонеры держали ремесленниковъ на привязи этой химерой, — и вотъ теперь, наконецъ, послѣ долгихъ проволочекъ, имперской власти и союзному совѣту пришлось снять съ себя маску и заявить, что требованія ихъ неосуществимы. Управление кельнскихъ цеховъ уже въ началѣ истекающаго года предупредило представителей реакціи, что непринятіе ихъ требованій вызоветъ „настоящее раздраженіе среди ремесленниковъ и повлечетъ за собою усиленіе враговъ государственнаго и общественнаго строя“²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ по выраженію представителя „ремесленнаго сословія“ въ рейхстагѣ, Мецнера, надъ нимъ „произнесенъ смертный приговоръ“, членамъ его не остается ничего другого, какъ добываться, по крайней мѣрѣ, устраненія военныхъ и податныхъ тяжестей и т. п. реформъ, къ которымъ стремятся, между прочимъ, и „враги государственнаго строя“ и противъ которыхъ всячески борются и *не могутъ* не бороться „охранительныя силы государства“.

Положеніе дѣлъ, созданное въ Германіи историческимъ движеніемъ капитализма, при постоянномъ воздѣйствіи феодально-монархическихъ элементовъ, уже теперь настолько обострилось, что, не будучи пророкомъ, можно предсказать близость его конца. „Наперекоръ всякимъ конституціоннымъ традиціямъ, плачется извѣстный консерваторъ, профессоръ Дельбрюкъ, въ своихъ „Preussische Jahrbücher“³⁾ вся сила народнаго возбужденія, вся оппозиція направлена не противъ министровъ, а противъ императора. „Консерваторы недовольны имъ за то, что онъ слишкомъ либераленъ, а либералы потому, что хотятъ воплотить конституціоннаго режима“. „Слова: *Voluntas regis suprema lex*“⁴⁾ подѣйствовали, какъ объявленіе войны... и

¹⁾ Neue Zeit, 1890, № 10, стр. 309—310.

²⁾ Тамъ же, стр. 109.

³⁾ Заимств. изъ „Новой Цюрихской Газеты“, № 340.

⁴⁾ „Воля короля есть высшій законъ“, — этими словами отиѣтилъ Вильгельмъ твою особу во время своего недавняго пребыванія въ Мюнхенѣ, въ книгѣ для внесенія именъ прѣзжающихъ лицъ.

вызвали настоящую бурю. Пресса апеллируетъ къ конституціи, чиновники шепчутъ другъ другу съ мрачными минами рѣзкія замѣчанія. Профессора вилетаютъ въ свои лекціи историческіи и государственно-правовыя соображенія о томъ, что германцы споконъ вѣковъ имѣли королей, но никогда не было у нихъ абсолютизма. Духовенство воспользовалось случаемъ напомнить въ своихъ воскресныхъ проповѣдяхъ, что „высшій законъ это — воля бога.“

Гдѣ же, спрашиваетъ тотъ же Дельбрюкъ, источникъ этого чрезвычайнаго возбужденія умовъ, этой „бури“ по поводу пары словъ, отнюдь не являющихся выраженіемъ конкретнаго намѣренія, опредѣленнаго стремленія короны поставить свою „субъективную волю“ выше существующихъ законовъ? Отвѣтъ консервативнаго публициста на свой собственный вопросъ не есть собственно отвѣтъ, но за то онъ тѣмъ болѣе любопытенъ какъ характеристика политическаго настроенія умовъ. Прорвавшееся по поводу императорскихъ словъ возбужденіе представляетъ собою только симптомъ подготовляющагося „сопротивленія“ „субъективной волѣ монарха“. И прежде всего настроеніе это „должно гибельно отразиться (zum Verderben) на специально монархическихъ партіяхъ, такъ какъ ихъ готовности серьезно противодѣйствовать попыткамъ въ смыслѣ усиленія монархической власти не довѣряютъ, а потому предпочитаютъ имъ партіи, сила которыхъ заключается въ ихъ оппозиционности. Весь средній образованный классъ, группировавшійся въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ вокругъ стараго Вильгельма и Бисмарка, усиливавшій собою ряды консервативныхъ партій, весь этотъ классъ устранился отъ политической жизни — или пристанетъ къ оппозиціи.“ Имперскій канцлеръ съ своей стороны отмѣтилъ еще одну сторону въ настроеніи имущихъ классовъ Германіи. Пессимизмъ, заявилъ недавно генералъ Каприви въ рейхстагѣ во время преній по поводу бюджета, охватилъ „обширные круги“ населенія. Это „умственное направленіе“ представляло собою невинное развлеченіе въ то время, когда оно было достояніемъ „нѣмецкихъ философовъ“; но оно становится „въ высшей степени опаснымъ теперь, когда вліянію его поддаются обширные слои, занимающіеся торговлей и разными промыслами“. Источникъ этого явленія двойкій. Скандалы въ средѣ высшихъ классовъ, начиная съ денежныхъ тузовъ и кончая высшею аристократіей, деморализація, проявившаяся на вершинахъ бюрократіи и въ органахъ юстиціи, полнѣйшее исчезновеніе всякаго идеализма въ университетской молодежи, насквозь прогнившею грубымъ карьеризмомъ и византійскимъ раболѣпіемъ предъ короной — всѣ эти симптомы разложенія „охранительныхъ силъ“ слишкомъ бросаются въ глаза, чтобы не быть замѣченной и массой высшихъ и среднихъ классовъ и не производить на нихъ удручающаго дѣйствія. Съ другой стороны, безпринципное шатаніе правительства и господствующихъ партій изъ стороны въ сторону, очевидная безуспѣшность всѣхъ ихъ усилій рѣшить такую неразрѣшимую задачу, какъ спасеніе овецъ, оставляемыхъ подъ опекой волковъ, видимый хаосъ и тревога въ лагерѣ тѣхъ, которые искони управляли государственнымъ судомъ — все это все болѣе и болѣе подрываетъ въ имущихъ классахъ

вѣру въ жизнеспособность существующаго порядка и въ возможность спасенія его. Отсюда—чувство безпомощности и угнетенное состояніе духа—пессимизмъ, по выраженію Каприви—овладѣвшія одной частью имущихъ и „образованныхъ“ классовъ, настроеніе, развивающее въ нихъ политическій индифферентизмъ и стремленіе совсѣмъ „устраниться отъ участія въ политической жизни“, т. е. предоставить ходъ общественныхъ дѣлъ „естественному теченію“. Здѣсь же источникъ распространенія въ другихъ слояхъ тѣхъ же классовъ того возбужденно-оппозиціоннаго (aufregend-oppositionellen) духа, который гонитъ ихъ въ лагерь „радикаловъ“ лѣвой стороны и доставитъ имъ, какъ опасается Дельбрюкъ, „пробладаніе“ въ законодательныхъ собраніяхъ Германіи.

Цѣлый рядъ явленій въ общественной атмосферѣ Германіи указываетъ на то, что она быстро подвигается къ тому состоянію, когда „рѣшительное сраженіе“ между демократическими слоями народа и аристократическими—станетъ неизбежнымъ. Центральныя силы тѣхъ и другихъ явно и напряженно готовятся къ схваткѣ на жизнь и смерть. Имперская власть требуетъ отъ рейхстага специальныхъ суммъ для раздачи премій унтеръ-офицерамъ, мотивируя это необходимостью сдѣлать ихъ, такимъ образомъ, недоступными идеямъ соціальной демократіи и образовать изъ нихъ крѣпкій оплотъ для государства. Вильгельмъ, съ своей стороны, считаетъ нужнымъ лично напоминать рекрутамъ объ ихъ присягѣ на вѣрности престолу, въ силу которой они обязаны, по его приказу, стрѣлять въ своихъ родственниковъ, братьевъ и даже родителей. Военныя власти, наконецъ, запрещаютъ солдатамъ посѣщать рестораны, въ которыхъ собираются соціалисты и систематически распредѣляютъ рекрутъ изъ соціаль-демократическихъ центровъ по гарнизонамъ, находящимся захолустныхъ провинціяхъ, вообще тамъ, гдѣ нѣтъ рабочаго движенія или оно сравнительно слабо. Само собою разумѣется, что гарнизоны въ такихъ городахъ, какъ Берлинъ, состоятъ преимущественно изъ солдатъ, на вербованныхъ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи и т. п. отсталыхъ провинцій. Но лихорадочная дѣятельность соціальной демократіи ручается за то, что недалеко то время, когда, вопреки всевозможнымъ охранительнымъ ухищреніямъ правительства, ему и на армію нельзя будетъ полагаться. Продолжая съ удвоенною энергіей вербовать рекрутъ для своей арміи въ селахъ и провинціальныхъ центрахъ, рабочая партія тѣмъ самымъ напередъ заражаетъ „идеями переворота“ все большую и большую долю молодежи, ежегодно пополняющей войска, на которыхъ сосредоточены главныя упованія реакціи. Проникая въ то же время въ ландтаги и во всѣ органы мѣстнаго самоуправленія и принимая на себя инициативу въ дѣлѣ защиты народныхъ интересовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, „партія переворота“ въ одно и то же время достигаетъ двойнаго результата: съ одной стороны, она дѣйствительно созидательна, увеличивая и сплачивая свои силы, а съ другой—разрушительна, такъ какъ заставляетъ охранительные элементы метаться во всѣ стороны, чтобы спасти государственное судно отъ крушенія

и тѣмъ усиливать суматоху и растерянность въ господствующихъ партіяхъ и классахъ.

Что близится моментъ, когда большинству нѣмецкаго народа придется волей-неволей стать подъ знамя демократіи противъ монархіи, юнкерства и плутократіи, что при этомъ руководящая роль выпадетъ на долю социалистической партіи, это, повидимому, начинаетъ сознавать и либерально-радикальная интеллигенція Германіи. Поэтому, какъ мнѣ кажется, нѣкоторые изъ органовъ либеральной демократіи и принялись съ особеннымъ удовольствіемъ, въ противоположность бѣснующимся реакціонерамъ, выставлять на видъ воображаемую „умѣренность“ новой программы социаль-демократовъ. Органы эти находятъ даже, что въ политической своей части она повторяетъ только то, что радикальная демократія давно выставила на своемъ знамени. Это радостное открытіе только потому такъ поздно сдѣлано либерально-демократическими филистерами, что раньше они не считали нужнымъ слѣдить за конгрессами социалистической партіи и знакомиться изъ первыхъ рукъ съ ея программой, а судили о ней на основаніи того чудовищнаго образа, въ которомъ представляли эту партію реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ. Теперь уже имъ приходится внимательно слѣдить за всѣмъ, что совершается въ лагерѣ социальной демократіи. Но если бы они дали себѣ трудъ сравнить старую программу съ новой, то они увидѣли бы, что въ дѣйствительности старая программа была значительно „умѣреннѣе“ новой. Какъ бы то ни было, отмѣченный мною фактъ можно считать показателемъ пробуждающагося въ либеральной демократіи сознанія, что, въ интересахъ собственнаго самосохраненія, ей скоро придется пойти на встрѣчу социалистической демократіи и, въ той или другой степени, изображать собою вспомогательный отрядъ въ борьбѣ противъ современнаго политическаго режима.

Мы разсматривали до сихъ поръ всѣ симптомы подготовляющагося политическаго переворота въ Германіи главнымъ образомъ съ точки зрѣнія вопроса о демократизаціи ея государственнаго строя. При чемъ же, однако, тутъ социалистическія цѣли социальной демократіи? спросятъ насъ, можетъ быть, нѣкоторые читатели. Въ лучшемъ случаѣ, скажутъ они, дѣло сведется къ тому, что социальная демократія выполнитъ въ германской имперіи ту политическую миссію, которую въ другихъ странахъ выполнили прежде крайнія фракціи либераловъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что вѣдь, по предположенію самого автора, кромѣ пролетаріевъ столичныхъ центровъ и кромѣ сознательныхъ социалистовъ, въ борьбѣ противъ современнаго режима начинаютъ участвовать и другіе общественные элементы.

Въ отвѣтъ на эти и подобныя имъ соображенія, я предлагаю читателю провести мысленно параллель между исторической обстановкой, при которой происходила великая французская революція, и социальными элементами, руководившими ею, съ одной стороны, и соответствующими факторами современнаго революціоннаго движенія, съ другой. Онъ тогда самъ увидитъ, что если условія, вызвавшія великую революцію не могли не привести къ господству буржуазіи и торжеству либерализма, то современныя историческія условія —

противорѣчіе производительныхъ силъ съ капиталистической формой ихъ эксплуатаціи, концентрація политическаго сознанія и революціоннаго энтузіазма въ рабочемъ классѣ — не допускають другого исхода для будущей революціи въ Германіи, кромѣ господства пролетаріата, ведущаго къ торжеству коммунизма. Какъ въ концѣ прошлаго вѣка разрушали феодальный строй не одни только дѣльцы и богатые буржуа, но и — въ гораздо большей степени — надъ этимъ разрушеніемъ работали идеологи-энтузіасты и неимущія массы, умѣренные конституціоналисты и террористы-якобинцы, такъ въ предстоящій революціонный періодъ, далеко не одна социальная демократія и промышленный пролетаріатъ будутъ производить работу разрушенія капиталистическаго общества. Конечно, политическое преобладаніе пролетаріата далеко еще не то же, что водвореніе коммунистическихъ отношеній въ обществѣ. Но вѣдь отношенія эти предполагають уже полное исчезновеніе слѣдовъ существованія классовъ, а стало быть, и пролетаріата и его господства. Политическое господство рабочаго класса будетъ только средствомъ, рычагомъ для поднятія современнаго человѣчества на первую ступень лѣстницы, ведущей къ коммунизму. *Соціально-экономическія* побѣды буржуазіи являлись всюду исходнымъ пунктомъ и условіемъ для ея политическаго господства. Эпоха либерализма началась торжествомъ его экономическихъ принциповъ, эпоха коммунизма откроется водвореніемъ *политической* гегемоніи пролетаріата.

П. Аксельродъ.